

An impressionistic painting of a city street in autumn. The scene is filled with trees showing vibrant yellow and orange foliage. In the background, a large, multi-story brick building stands prominently. The foreground is dominated by a dense thicket of fallen leaves in various shades of brown, orange, and yellow. Several small figures of people are scattered throughout the scene, some walking on the street and others near a body of water or a path. The overall atmosphere is soft and atmospheric, with a muted color palette for the sky and buildings, contrasting with the bright autumn leaves.

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

сентябрь 2017

БАРНАУЛ 287 / 80 АЛТАЙ

Аркадий Казанцев «Город Серебряный»,
иллюстрация к повести Сергея Ужакина.
См. 28 стр.

Издается при поддержке
администрации Барнаула

СЕНТЯБРЬ 2017

БАРНАУЛ 287/80 КРАЙ

От редакции3

**Антон Ужакин.
«Большой Алтай».....4**

Фрагмент книги о глобальном регионе

**80 поэтов Алтая:
поэты начала и середины XX века9**

Стихотворная подборка

**Александр Лобанов.
«Детектив пушкинских
времен» 11**

*Реальные истории, происходившие на горных приисках почти
200 лет назад*

**80 поэтов Алтая:
поэты 60—70-х годов XX века25**

Стихотворная подборка

**Сергей Ужакин.
«Город Серебряный»28**

Фрагмент историко-сказочной повести для школьников

**80 поэтов Алтая:
поэты 80—90-х годов XX века34**

Стихотворная подборка

*Иван Харин
«Ленинский проспект»,
1963 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
А.В. Артёмов — председатель,
С.А. Боженко,
М.К. Зимогор,
А.Г. Истомина,
С.А. Мансков,
В.Г. Паршков,

Главный редактор
Михаил Гундарин.

Наш адрес:
7storon@rambler.ru.

Тираж 500 экземпляров.

**Михаил Хаустов.
«Судьба и тайна
Владимира Анзиминова»38**

Очерк о выдающемся уроженце Барнаула

**80 поэтов Алтая:
поэты нового столетия43**

Стихотворная подборка

**Наталья Юмашева. «Искорки
артековских костров»48**

Мемуарные очерки о пребывании «Артека» на Алтае

**80 поэтов Алтая:
поэтические земляки.....54**

Подборка стихов

**Алексей Смельцов.
«Леопольд Цесюлевич
и Барнаул»56**

Статья о барнаульской теме в творчестве известного художника

/ проза /

**Михаил Гундарин.
«Песни Цоя» 57**

Подборка рассказов

/ мемуары /

**Александр Зувев.
«Музыка на воде» 71**

Отрывки из дневников конца 1980-х

/ Сибирь литературная /

**Борис Лейгин.
«В лакированном небе».....82**

Подборка стихов молодого томского поэта

/ дебют /

**Сергей Скарёдов.
«Любовь. Смерть»85**

Дебютные эссе известного в Барнауле рок-музыканта

/ театр /

Родина для кукол88

Репортаж с открытия сезона в Театре кукол «Сказка»

/ выставки /

**Вадим Климов.
«Пленэр за чудесами»90**

Размышление о выставке горных пейзажей

Фото Михаила Хаустова.

ЛЮБОВЬ И ГОРДОСТЬ

Очередной День города – и очередной юбилей края... Для всех барнаульцев это события нерядовые. «Очередность» их значима только потому, что показывает - не при нас, живущих здесь ныне, история Барнаула и Алтайа началась, не при нас и закончится. Мы лишь свидетели ее движения на кратком участке, совпадающем с временем жизни человека. Это – не грустно, это – важно и интересно.

«Трудно понять, но как скажут «Алтай», так вздрогнет сердце, лизнёт до боли мгновенное горячее чувство. Всю жизнь мою несу Родину в душе, люблю её, жив ею, она придаёт мне силы, когда случается мне трудно и горько». Это, конечно, Василий Шукшин. Прекрасные слова, указывающие всем, как нужно относиться к своей малой Родине.

Говорят, что такие чувства настигают только на чужбине. А что, если попробовать чувствовать, мыслить вот так, находясь прямо здесь, прямо сейчас? Город наш хорошеет. Его историческая часть уже сейчас, когда ее реконструкция, переход в новое качество не закончены, может составить гордость любого города. А то ли еще будет!

Но и от новых кварталов ведь тоже не отведешь глаз. Мы видим гармоничное развитие, мы видим будущее, наступающее уже сейчас.

Будем гордиться краем и городом, будем любить их – как любят авторы и герои традиционного «исторического» номера нашего журнала!

Редакционный совет журнала «Барнаул Литературный»

КНИГА БАРНАУЛЬСКОГО АВТОРА АНТОНА УЖАКИНА «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ» СТАЛА ИТОГОМ ПЯТИЛЕТНЕЙ КРОПОТЛИВОЙ ПОИСКОВОЙ РАБОТЫ В АРХИВАХ И БИБЛИОТЕКАХ БАРНАУЛА, ТОМСКА, МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, А ТАКЖЕ СЕМИ ЭКСПЕДИЦИЙ В ЗАПАДНЫЕ ПРОВИНЦИИ КИТАЯ, МОНГОЛИЮ И КАЗАХСТАН.

Книга содержит четыре главы: «Большой Алтай», «Казахский Алтай», «Монгольский Алтай», «Китайский Алтай».

Поскольку «Большой Алтай» – понятие по определению международное, книга при отборе тем захватила ключевые и самые интересные аспекты региональной географии с трансграничным, или международным характером. Важное место в книге принадлежит теме международных отношений региона, прошлых и настоящих, вопросам инфраструктуры, транспортным связям, трансграничным этническим и политическим отношениям, т.е. всему тому, что соединяет страны географического региона Алтай.

В «Большом Алтае» много информации из личного опыта, собранной в ходе собственных поездок автора. Энциклопедия «Большой Алтай» насыщена иллюстративным материалом: современными и историческими фотографиями, уникальным картографическим сопровождением. Предлагаем вашему вниманию фрагмент уникальной работы.

Антон УЖАКИН

БОЛЬШОЙ АЛТАЙ

ТЕРМИН «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»

Возникновение, история понятия, расшифровка, сфера употребления.

С наибольшей вероятностью термин происхождения из XIX в. Есть версии, что термин «Большой Алтай» возник даже раньше, в XVIII в., но документальных подтверждений пока тому нет. Появился в русской географии вместе с освоением и изучением Алтая русскими.

В тюркских языках до прихода русских существовал аналогичный эпитет «Уллу Алтай» — тоже Большой Алтай, однако тюрки в него вкладывали иной смысл. У тюрков Алтай — обожествленная, сакральная земля, духовный центр тюркского мира, откуда ведут свое происхождение тюркские народы Центральной Азии. «Большой» в их мире — синоним «великому», Алтай тюрков — это регион, включающий территории современного Алтайского края, Республики Алтай, Хакасии, Тувы, Монгольского Алтая, Северной Джунгарии и Прииртышья. Судя по всему, этот эпитет очень старого генезиса, потому что уже в XIV в. Рашид ад-Дин пишет: «Места, на которых сидели племена найманов, таковы: Большой Алтай, Каракурм...».

Русский термин своим происхождением не опирался на тюркский термин, возник самостоятельно и имел в противоположность ему материалистический смысл. Большим Алтаем в XIX в. стали называть центральный горный узел региона, его самые возвышенные хребты, линию континентального водораздела. Это понимание, которое можно считать классическим, употребляет, например, Певцов в 1878 г.: «Восточнее Урьльского поселка Нарымский хребет но-

сит название Большого Алтая, поднимается еще выше, и в нем нередко встречаются пики с покрытыми вечным снегом вершушками». Однако термин появился раньше, когда высшие границы Алтая еще не были открыты, но житейская и научная интуиция подсказывала — это там. Для XIX века «Большой» значило самые крупные, самые высокие, самые мощные хребты. Нам они известны как Катунский, Южный и Монгольский Алтай. Стан горной страны.

Термин двойного происхождения — военно-политического и географического. В позапрошлом веке география служила военному делу и наоборот. Связь военного дела и географии тогда — самая прямая: географы совершают открытия, военные сразу оценивают их со своей точки зрения — что меняется стратегически и политически; потом военные снаряжают экспедиции и оплачивают их — совершаются новые открытия. Например, Сапожников, столкнувшись в 1908 г. в Шара-Сумэ со слеской и провокациями, пишет по просьбе начальника штаба Омского ВО «Записку о положении дел в Алтайском округе». Термин «Большой Алтай» — наследие большой империи. Его употребление активизировалось с русско-китайским разграничением 1860—1880-х гг., которое прочертили через группу Таван-Богдо-Ула. Проведение границы потребовало изучения внутренних гор, а значит — их описания и нанесения на карту. Выражение, которое встречается в документах тех лет: «перевалы Большого Алтая».

Документальное подтверждение — из докладной записки в штаб Омского военного округа от 26 сентября 1882 г.: «Ввиду предстоящего разграничения Семипалатинской области с Китаем, на лето были выставлены

пограничные наряды — Катон-Карагайский, из роты и сотни, с постом из полусотни на урочище Чанда Гатуй, против горных проходов через Большой Алтай». Имеется в виду дорога на Укок.

Старый «Энциклопедический лексикон»: «Большой Алтай, который, впрочем, не занимает такого протяжения, как Малый, посредством нескольких цепей, коих имена едва ли все нам известны, и в числе коих, кроме Богдо, значится Хингай, соединяется с высочайшим хребтом на земном шаре, Гималайским». Нам уровень географических знаний людей, написавших это в 1835 г., ясен — в горах Алтая они никогда не были, о Катунском хребте и Белухе еще ничего не знали, оперировали неполным названием пика Таван-Богдо-Ула, а потому название Большой Алтай располагали интуитивно, опираясь на догадку, что водораздел системы должен быть где-то к северу от Бухтармы.

Наряду с Большим фигурирует Малый Алтай — так называли массив более низких горных хребтов юго-западного Алтая — Холзун, Листвяга, а также иногда хребты, зажатые между реками Бухтарма и Иртыш. Его центр — озеро Маркаколь, а сам Малый Алтай — кольцо 3000-метровых хребтов вокруг него. Упоминание Малого Алтая в таком смысле встречается, например, в доносении министру иностранных дел Несельероде из Тобольской губернии за 1831 г., описывающем линию границы: «линия начиналась от цинских пикетов, расположенных на южной стороне Малого Алтая». Речь идет о старых китайских пикетах на реке Бухтарме. Также Малым могли считать Рудный Алтай, в таком смысле пишет Гуляев в 1851 г.: «Северный отрог Малого Алтая — обширной горной системы, находящейся в округе алтайских заводов, непосредственно соединяющейся с Большим Алтаем». Термин «Большой Алтай» он тоже употреблял совершенно свободно. Термин «Малый Алтай» долго устаивался, поэтому так произвольно перемещался по карте.

Возможно, что на общее происхождение термина повлияли уже существовавшие определения — Большой и Малый Кавказ, который русскими к тому моменту был изучен лучше.

В таком виде термин просуществовал весь XIX в.; в XX в. начинается трансформация его смысла. У открытых ранее хребтов закрепляются собственные названия, от термина «Большой Алтай» в приложении к хребту-водоразделу после революции постепенно отказываются. Знания о системе внутренних хребтов становились все точнее, и термин перестал соответствовать новому уровню знаний. В «Путях по Русскому Алтаю» Сапожникова издания 1926 г., над которым местами поработали посторонние редакторы, прямо на первой странице стоит сноска-поправка к старому тексту: «Южный

Термин «Большой Алтай» на карте. Часть карты Азии от Военно-топографического отдела штаба армии Колчака. Издана в Омске в 1919 г. Хребт Монгольский Алтай обозначен как Большой Алтай. Термин «Эктаг» тоже обозначение Алтая, но редкое и устаревшее. Заимствовано из записок греков VI в. н. э. Предложено Риттером, не устоялось и в настоящее время не употребляется. Карта из ГААК.

Алтай неправильно называют Большим Алтаем». Так Большой Алтайский хребт сменил свое название.

В 1930-е годы возникло новое значение: Большим Алтаем стало то, что раньше называли Рудным Алтаем, т.е. Прииртышье. В эпоху индустриализации в регионе было запланировано создание мощного промышленного узла, на Иртыш едут геологи, инженеры, гидрологи, транспортники. Их цель: выяснить, где можно поставить завод или ГЭС, где искать руды. С изучением Прииртышья в геологии закрепляется свой термин, там Большой Алтай — уникальная редкометалльно-золото-полиметаллическая провинция Центральной Азии, единый геотектонический блок длиной 900 км, уходящий на сопредельные Казахстану территории. В 1934—1936 годах выходит трехтомник с названием «Большой Алтай», его содержание — статьи ученых по изучению производительных сил региона.

Требуется объяснение такого «ухода» термина. Одно из возможных: географ Виктор Семёнович Ревякин считает, что это отголоски советской национальной политики по теории Ленина, ее результат — глобальный термин отдали, «подарили» казахам. Большой Алтай терминологически «переместили» на территорию только что появившегося национально-государственного образования Казахской ССР.

С 1930-х годов такая трактовка понятия «Большой Алтай» остается в геологической литературе. В 1997 году в Алма-Ате выходит книга с таким названием. Авторы: Г.Н. Щерба и другие. Содержание: геология и металлогения. Геологическое строение. Из аннотации: «Регион Большой Алтай включает геодинамически связанные

своим происхождением в мобильной зоне поясовые геологические структуры Рудного Алтая, Калба-Нарыма, Западной Калбы и Жарма-Саура на территории Казахстана, России и Китая на стыке двух древних континентов». И так далее.

К концу существования СССР термин был практически позабыт, его восстановление связано исключительно с постсоветскими политическими процессами: открытием границ, суверенизацией регионов, независимостью Казахстана, антисоциалистической контрреволюцией в Монголии, реставрацией капитализма и лихорадочным поиском новых путей развития после разрушения советской экономики. Всплеск постперестроечной политизации общественной жизни придал географическому до того понятию новый политический смысл. Большим Алтаем стали называть международный проект сотрудничества четырех стран в рамках одного разделенного госграницами географического региона.

Если отложить малозначимые стороны этого проекта, вроде культурных обменов и спортивных мероприятий, суть можно определить следующим образом. Для России — сохранение былого влияния на резко сужающемся пространстве действий. Иначе быть не может — нет сверхдержавы, нет влияния, нельзя не терять влияние, опускаясь в ранг страны третьего мира. Для Китая — только монетизация: расширить рынки сбыта под видом сотрудничества, найти инвестиционные проекты с отдачей только для себя, экспансировать собственную инфраструктуру на соседние территории и усилить их колониальную зависимость — трубопроводы, авто- и ж/д. Для Монголии и Республики Казахстан — презентация своей суверенности, которую они представляют как «успешную».

О глубокоом развитии политической интеграции речи быть не может. Основное препятствие — вопрос идентичности. У каждого Алтая по отдельности есть своя идентичность, а в одно не складывается, поэтому проект сотрудничества так и останется площадкой для обмена информации без особой значимости. Предложения в рамках Большого Алтая на данный момент звучат совсем о другом — о разработке бренда «Алтай», а это совсем не то. Бренд — торгово-коммерческий термин, связанный с извлечением прибыли. В данном случае он означает создание сомнительного нематериального актива. Идентичность не придумает ни одно PR-агентство, она либо есть, либо нет.

От своей идентичности ни одна из сторон не откажется, тем более что на Алтае соприкасаются слишком противоположные цивилизации. Русско-китайская этническая граница вообще одна из самых резких в мире. То же самое можно сказать о монголо-китайской, несмотря на то, что они люди одной расы. К тому же нельзя отрицать и

присутствие на территории «пятой силы».

В любом случае существование термина «Большой Алтай» в политической плоскости международного сотрудничества лучше, чем его применение в плоскости националистической. В понятии «Большой Алтай» все равно остается емкий географический смысл, который мешает ему стать политико-националистическим понятием. Если нужен термин без географии — тогда «Великий Алтай». В таком виде он обязательно приобретает националистический фундамент по примеру других подобных проектов, как Великая Ичкерия, Великая Черкесия, Албания, Туркестан и т.д., и в таком виде не может быть приемлемым для региона, где живут противоположные друг другу, даже внутри одной расы, этносы. Это будет означать либо распад уже сложившихся на Алтае государств, либо завоевание — в любом случае это наихудший сценарий из всех возможных с самым негативным содержанием.

Термин «Большой Алтай» резко приобрел популярность после 1991 г., когда открылись границы и люди с удивлением открыли для себя Алтай соседних стран. Само название с красивой фонетикой и смыслом привлекает многих, поэтому используется для совершенно различных частных и общественных проектов, идей, праздников и мероприятий событийного характера. С 2002 года под эгидой МКС (Международный координационный совет) ежегодно проводится Международная школа студентов, на которой обсуждают экологию, историю, культурные ценности народов Алтая. В 2013 году состоялся первый спортивный фестиваль «Большой Алтай», в 2015 г. был проведен второй.

К названию Большой Алтай верстаются что угодно: гонки, сплавы, мото- и велопробеги, восхождения, научные и псевдонаучные экспедиции, паломничества к «местам силы». Развлекательные поездки под видом исследовательских экспедиций. Программы экологического мониторинга, сотрудничества. Буклеты и брошюры. Книги как печатные издания с таким названием будут рассмотрены отдельно. Некоторую популярность термин имеет в турбизнесе, продающем поездки и туры.

Алтай внутри Большого Алтая

Мощная смысловая энергия слова «Алтай» объясняет желание многих его приватизировать. Но одно дело — борьба за жизненное пространство, как между теми же алтайцами и казахами, а другое дело — узурпация слова.

Существование четырех стран на Алтае неизбежно требует разделения, и самый простой способ — по национально-государственному признаку. Отсюда закономерно

появление названий Русский Алтай, Монгольский Алтай, Китайский и Казахский Алтай. Первые три существовали еще в XIX в., термин «Казахский Алтай» — самый молодой и не мог существовать самостоятельно до 1991 г. по понятным причинам. Казахскую часть Алтая до этого относили к Русскому. Опять же с таким разделением обделенными чувствуют себя алтайцы — истинные коренные жители земли, потому что ни в одном названии не представлен их народ. Лично сталкивался с попыткой переименовать в терминах национальную принадлежность на государственную. Сделать такое можно только с двумя из них, Русский и Казахский Алтай исправляли на Российский и Казахстанский.

Некоторым областникам Горного Алтая даже термин «Российский Алтай» кажется неприемлемым. По их мнению, Алтай — это целостная территория, принадлежавшая некогда одному народонаселению, и его межгосударственное разделение — это история, пошедшая по неправильному пути. Алтай они воспринимают неделимо и самое большее, на что соглашаются, — формулировки со словом «часть»: Китайская часть Алтая и т. д. Вопрос с терминами не закрыт и подобные игры будут повторяться и в будущем. В этой книге все изложенные варианты употребляются без националистических оттенков и в зависимости от смысловой уместности.

Существует много названий разных частей Алтая, все они отражают его особенности: Рудный Алтай, Степной Алтай, Горный, Кемер-Алтай у тюрков, Шория, Телецкий и т. д. Дробление можно продолжать очень долго, список расширяется названиями, не включающими слово «Алтай», но обозначающими его довольно большие регионы — Рудное Прииртышье, Калба, Маркаколье, Кабинский край, Бухтарма, Уймон, Чуйская степь, Кальджирская степь, Чернь. И это не считая современного и исторического политико-административного деления.

Большинство таких терминов активно используются в данной книге, некоторые из них оказались забыты и, может быть, еще возродятся. Пример подзабытого — Южный Алтай в XIX в. после разграничения иногда называли Пограничным Алтаем. Этот дореволюционный термин вполне можно применить и сейчас.

Самый глубокий по содержанию термин нам подарил Георгий Гребенщиков — «Алтайская Русь». Он не является ни географическим, ни историческим, принадлежит писателю, который обозначил землю, на которой он жил и с которой ему пришлось уехать. Экзистенциальная глубина этого слова — в связи с исторической Россией, в указании, что на Алтае находится ее продолжение. Это, конечно же, не научный, а авторский термин, метафора, эпитет или синоним Русского Алтая.

Отдельный пласт названий, которые нужно также изучать, — народная, неформальная и неофициальная топонимика, названия, которые дают туристы, местные жители, шоферы-дальнобойщики и т. д. — огромная задача, к решению которой еще никто не приступал.

Слово «Алтай» в различных языках. Его значение

Термин «Большой Алтай» по происхождению русский, из русского языка, это продукт русской науки, истории и культуры, в других языках является заимствованием и переводится калькированием.

По-монгольски: Их Алтай. По-казахски: Улкен Алтай.

Сложнее с китайским. С самого начала китайцам термин «Большой Алтай» не понравился, потому что переводится он как 大阿勒泰 Dà ālěitài, что одновременно и Большой, и Великий, т. е. всегда можно запрятать национализм. С открытием границ они попытались выразиться другим термином и распространить его — «Восточно-Центральноазиатская экономическая зона», 东中亚经济区 Dōng zhōng yà jīngjì qū, — но с ним ничего не получилось. Это крайне нежизнеспособный термин, потому что некорректный с точки зрения деления Центральной Азии. Алтай не восток Центральной Азии. Да и почему наш Алтай должен как-то фигурировать в каких-то китайских классификациях и экономических районированиях?

Пример неправильного перевода термина на английский язык. Хотели сказать «Большой Алтай» на флаге, а написали «Великий». Да и вообще, при чем тут английский, когда язык межнационального общения на Алтае — русский? Экспедиция «БА» в Барнауле на Кордоне. Май 2014.

Иероглиф tai. Покажите его китайцу, и он все поймет без слов.

На английский переводится как Greater Altay, по примеру Большого Лондона — Greater London. Буквально означает «Большой Алтай», но прямая калька в английском занята другим смыслом: Great Altay — Великий Алтай, см. выше.

Большинство филологов и лингвистов сходятся во мнении, что топоним «Алтай» значит «золото». Есть и другие мнения, иногда резко неканонические, здесь они приводятся не будут. Значение есть в монгольском — «алтан», в тюркских языках — «алтын». Оно сохраняется в современных названиях этой

горной страны.

По-монгольски: Алтайн нуруу. По-казахски: Алтай таулары. По-алтайски: Алтай туулар. Русский язык заимствовал название Алтай от любого из этих трех языков. Из какого именно — не очень ясно.

Золотой, золото. Данная атрибуция перешла и в китайский язык, в средневековых китайских текстах Алтай обозначается 金山 Jīnshān — «Золотые горы». Поскольку китайцы боготворят культурные артефакты своей древности, данный эпитет живет полноценно в настоящее время. На въезде в город Алтай вас встречает надпись иероглифами — «Золотые горы», в самом городе есть улица с таким же названием — Цзиньшань лу. В древности на Алтае добывали золото, возможно, что его часть доходила до запасников Чаньяня. Таким образом, обозначение Алтая как «Золотые горы» закрепляется в китайском языке.

В настоящее время это не более чем эпитет, для горной страны китайцы также заимствовали тюркско-монгольский топоним «Алтай». Иероглифами он записывается как 阿尔泰山 и имеет чтение Ā'ěrtài shān. Китайский язык имеет ограниченное число слогов, около 400, и за их число выйти не может. Для заимствования чужих слов всегда подбираются слоги уже имеющиеся. Для передачи слова «Алтай» были выбраны следующие слоги с иероглифами.

阿, чтение ā, слог, не имеющий семантического значения, в основном служит для передачи звука «а» в иностранных заимствованиях.

尔, чтение ěr, ситуация как в предыдущем случае — слог без семантики, служит для звукопередачи.

Иероглиф 泰 tài — ключевой. Изначально есть название горы Тайшань, находящейся в провинции Шаньдун. Гора имеет огромное значение для китайской культуры как место пребывания даосских святых. Счи-

тается, что на ее вершине император Цинь Шихуанди провел церемонию и провозгласил создание объединенной империи. Другие императоры также проводили на горе торжественные церемонии. Все 2000 лет к месту рождения китайского государства, в храм на Пике нефритового императора, стремились попасть паломники. Поэтому в китайском языке этот иероглиф — символ мощи и неизменности. Традиционную поговорку «непоколебимый как гора Тайшань» любил использовать Мао Цзэдун. Присвоение иероглифа 泰 tài Алтаю — почетное, такими смыслами язык не разбрасывается. Для транскрипции названия Алтай в китайский язык был выбран именно этот иероглиф.

山 shān переводится как горы.

Кроме гор, в Китае есть город с названием Алтай. Для устранения путаницы в его названии был заменен один иероглиф. 阿勒泰 Ālěitài, где средний иероглиф 勒 lè также не несет смысловой нагрузки, передает звук. Для того чтобы окончательно было ясно, что речь идет о городе, а не о горах, факультативно добавляется четвертый иероглиф 市 shì — город. Таким образом, полное название города Алтай, столицы одноименного округа 阿勒泰市 Ālěitài shì.

Название города и округа Алтай в китайском языке очень часто политизируется. Если Русский Алтай — понятие сугубо географическое, то китайцы в названии своей части Алтая вносят тяжелую политическую составляющую. Алтай для Китая — национальная окраина. Сепаратизм национальных окраин — навязчивая китайская политическая фобия. Для того чтобы подчеркнуть что территория — неотъемлемая часть Китая, название Алтай встраивается в удлиненную словесную конструкцию, которую можно перевести как «Алтай Синьцзяна Китая», или «Алтай, Синьцзян, Китай». По-китайски: 中国的新疆阿勒泰. Есть и другие комбинации.

Это внутренний политический жаргон, подобные выражения есть для других территорий — Тибет Китая, Синьцзян Китая. Цель подобных конструктов — показать своим и чужим, что Алтай принадлежит китайцам. В своей реальности они живут с постоянным опасением, что кто-то у них все отберет. И если в русском языке считается достаточным одноразовое, если нужно, указание принадлежности, после чего читатель уже сам знает что где, то в китайских книжках такие реитерации навязчивы. В Китае издается достаточно много книг о Синьцзяне, предназначенных для иностранцев, на русском и английском языках. Как правило, никто для нас их специально не пишет, берется готовый китайский текст, переводится и печатается. С точки зрения носителей языка, такие тексты не вычитываются. Читать их утомительно.

ЗДЕСЬ ОБЪЕДИНЕНЫ И АВТОРЫ НАЧАЛА ВЕКА, И ТЕ, КТО В 1950-Е ГОДЫ. СТОЯЛ У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА, СВОЕГО РОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ВЗЛЕТА ПОСЛЕДУЮЩИХ ЛЕТ. ПЕРВЫМ, ПОНЯТНО, ВСЕГДА СЛОЖНЕЕ, НО ИНТЕРЕСНЕЕ. ВСПОМНИМ О НИХ!

80 ПОЭТОВ АЛТАЯ. ПОЭТЫ НАЧАЛА И СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Порфирий КАЗАНСКИЙ

* * *

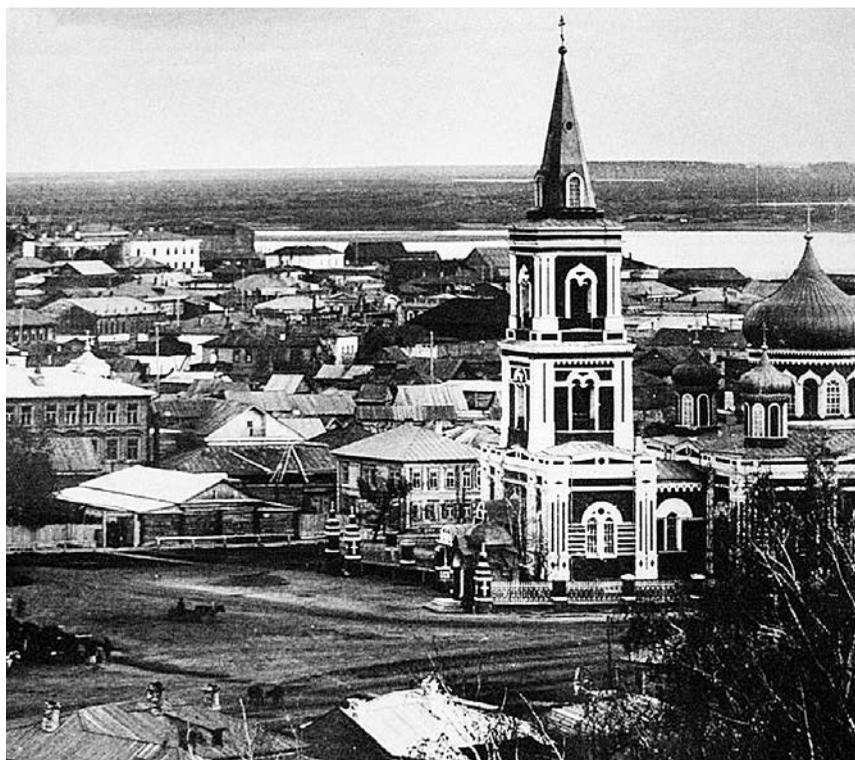
*Друг другу принося дары,
Сошлись две странницы сестры
В степи привольной на просторе,
И слив надежды и труды,
В урюмый край, седое море,
Ушли искать родные льды
Широкой Обью многоводной.
И долго рядом с ней видна
Катуни мутная волна.
С волною светлой и холодной
От всех их встречу скрыть должна
Кустов зеленая стена.
Но видит их в степи широкой
Старик Алтай поверх кустов
Синяя дымкою далекой
Передовых своих хребтов.
На север взор он устремляет,
Бескрайний меряет простор
И волны слившихся сестер
На дальний путь благословляет.
1914*

Александр ПИОТРОВСКИЙ

Черные розы

*Эти черные розы Алтая...
Не срывай их небрежной рукой:
Они, трауром гордо блистая
И о зле бесконечно мечтая,
Твое сердце отравят тоской.
Выли черные розы слезами,
Духа зала, духа грешной земли...
И растут они только ночами,
Чтобы светлыми солнца лучами
Любоваться они не могли.*

*С лепестков их, отравленных ядом,
Меду пчела вовек не берет...
Только вместе с черным нарядом,
Очарована траурным взглядом,
Злая дума беспечно цветет.
Так не тронь эти розы Алтая,
Не срывай их небрежной рукой,
И о зле бесполезном мечтая,
Твое сердце отравят тоской.
1913*

Борис КАУРОВ

Недотрога

То смеешься, а чаще строго
поднимаешь свой взгляд.
«Ах, какая она недотрога!» —
про таких говорят.
Ты бросаешь слова скучные.
Тучей хмуришься ты.
Недотрога... А, знаешь, в России
есть такие цветы.
Очень нежные.

Только тронешь их
легким взлетом руки —
осыпаются на ладони
тихие лепестки.
Я их трогал своими руками
в многоцветье лесном.
Что же общего между вами —
меж тобой и цветком?
Недоступную, гордую, строгую —
вот такую люблю недотрогу я.
А не ты — пусть она и красавица —
посмазливей, чем ты,
что чуть тронешь — и осыпается,
как вот эти цветы...

Я слышал, товарищ, такое:
С земли улетающей своей,
Чужой африканской зимою
Небось не поет соловей.

Грустят молчаливые птицы
И ждут не дождутся весны:
Чужие под ними гробницы,
Чужие селенья видны.
Еще и снега не растают,
Но нету преград соловью,
С подругою он улетает
В сибирскую рощу свою,
Где вербы, березы да ели
И каждая ветка —
твоя.

Где первые песни запели
И прадед,
и дед соловья;
Где были и радость, и лихо,
Где лес отразился в пруду,
Где он с молодой соловьиной
Встречался в колхозном саду.

Где ландышем
травы объаты,
Где лес от черемухи сед
Где их мальчиш-соловьята
Впервые увидели свет.

И разве
сейчас
не об этом
Поет молодая чета,
Поет задушевным дуэтом,
Свои прославляя места?

Марк ЮДАЛЕВИЧ

* * *

Я живу без тебя неприютно и странно,
так жилось на чужбине, вдали от России,
и старинное русское слово «желанна»
я в разлуке с тобой понимаю впервые.
Я живу без тебя, как в холодном тумане,
и считаю часы, и считаю минуты.
Только что их считать. День пройдет и
обманет,
как последний пройдоха, — и не было будто.
И на завтра опять с одиночеством битва...
Это кто-то соврал, что в разлуке есть
прелесть.
Только имя твое я твержу, как молитву,
только имя твое — остальное все ересь.

Иван ФРОЛОВ

Соловьи

Чета соловьиная в пади,
В которой калина цветет,
Все время свистит да руладит
И за сердце песней берет.

Заслушался песней и
— Гоже! —
Захлопал в ладоши солдат, —
Вот малые птахи,
а тоже
Имеют понятия, брат.

Детектив пушкинских времен

Убийство на частном прииске

Шел 1834 год, август месяц, число первое. Илья Фёдорович Сутулов, советник горного правления по третьему военно-судному отделению канцелярии главного начальника Алтайского горного правления, пригласил к себе презуса Салаирской комиссии военного суда обергиттенфервальтера восьмого класса Фёдора Богдановича Ключе. Когда тот уселся, он подал список дела о ревизии на частном золотом прииске коммерции советников Поповых.

Фёдор Богданович Ключе был поздним ребенком у Богдана Ключе, горного инженера «саксонской нации», иностранного специалиста, как сказали бы мы сейчас. В камнесамоцветное лето 1786 года маркшейдер Богдан Ключе приискал яшмы, порфиры и белую глину по левому берегу реки Бии, но яшмы и порфиры были слишком далеко от Кольванской шлифовальной фабрики, белую глину для стекольного завода было способней возить с Ажинской деревни и об этих приисках забыли все, кроме самого Ключе. Его сын поначалу хотел продолжить отцовское дело, но, повзрослев, понял, что время приискателей давно прошло. Да и слово прииск понемногу стало принимать иное значение. Вот в его руках дело о частном прииске Поповых. Но приискал то золото не Попов, а казенная партия под началом берггешворена 12-го класса Александра Ермолаевича Фрезе. Поповы только выкупили у казны право разработки золота, но теперь никто уже не скажет, что это прииск партии нумер два министерства финансов — прииск господ Поповых.

Ключе хотя и сохранил лютеранскую веру и понимал по-немецки, но изъяснялся плохо и был, в общем-то, совершенно русским человеком и российским чиновником, что было не удивительно, ведь он родился и вырос в Барнауле.

Необходимый словарь

Маркшейдер, шихтмейстер, берггешворен, гиттенфервальтер и прочее — это не обозначения профессий, это чины служителей горного округа.

Плакатный паспорт — долговременный паспорт. Выдавался на два года и мог регулярно продляться. Обычно его получали купцы.

Бергайер — работник завода, рудника, прииска, служитель Кабинета его императорского величества. Фактически — крепостной, принадлежащий императорской семье.

Кавалергарды, кирасиры — тяжелая кавалерия, грудь и верхняя часть живота закрывал металлический доспех — кираса, а основным вооружением был палаш — узкий меч с односторонней острой кромкой. Кавалергарды — элитная гвардейская часть тяжелой кавалерии.

Коммерц-советник (коммерции советник) — почетный титул, которым удостаивались купцы, пробывшие в первой гильдии не менее 12 лет. Этот титул приравнивался к гражданскому званию восьмого класса и давал возможность поступления на государственную службу.

Штафирка — презрительное название штатского человека офицерами царской армии.

Презус, то есть председатель са-лаирской комиссии военного суда, Ключе углубился в чтение.

«Томский губернский суд обр-визовав дело, внесенное томским окружным судом о задавившемся якобы на приисках коммерции советников Поповых, поселенца Негоденко с решительным приговором, утвержденным господином Томским губернатором, между прочим заключили: упущение бывшего заседателя Боровкова в неприглашении им к освидетельствованию мертвого тела Негоденко понятых, в

неразыскании причин багровых пятен, на оном оказавшихся, и в опросе рабочих не каждого порознь, а многих в один раз». Ну а далее уже шло о безобразиях в организации госпиталя, который хозяева обязаны были учредить при прииске, — это уже не для него, подумал он, а для горного ревизора частных приисков.

Сутулов подождал, пока он закончит чтение, и сказал: господин главный начальник заводов, который сейчас исполняет обязанности и гражданского губернатора, попросил нас помочь разобраться в этом деле. Приисковая полиция пока что не создана, а в губернской — пьянство и мздоимство. Поэтому-то и Боровков следствие провел спустя рукава.

Конечно, время упущено, но поезжай, послушай, поспрашивай. Да, и возьми с собой прапорщика Никодимова. Он два года назад окончил тобольское военное училище и назначен к нам чиновником по особым поручениям.

И проводи ревизию дел на прииске, а в госпитале в первую очередь. Все равно это надо делать, да и думая, что вы не убийство расследовать приехали, а госпиталь проверять, вас не так опасаться будут.

На прииск Ключе с Никодимовым приехали в начале сентября, хотя тело Негоденко было обнаружено еще в конце мая.

На прииске поверенный хозяина разместил их в только что построенной избе, рядом с баракком госпиталя. Изба предназначалась для лекаря, и они разместились там почти одновременно с новым лекарем, выпускником московской медицинско-хирургической академии Иваном Молостовым. Молостова здесь все звали доктором, хотя формально выпускники медицинско-хирургической академии, в отличие от выпускников университета, права на такое звание не имели.

Новый лекарь к прошлым приисковым делам был явно непричастен, госпиталь организовывался заново и скрывать, зачем они приехали, смысла не было. Молостов сам предложил выкопать труп и произвести вскрытие. Никодимов при вскрытии присутствовал впервые, но все оказалось не так страшно, как он предполагал. С момента погребения прошло больше трех месяцев, газы и жидкость в значительной мере вышли, в основном были кости, обтянутые кожей. Казалось бы, здесь уже ничего нельзя сделать, но доктор определил, что на затылке кожа, которая в других местах плотно обтягивает череп, здесь отделена от него какой-то массой, остатками свернувшейся крови, как он определил, а на черепе явно просматривалась трещина.

— Как такое могло быть? — спросил Никодимов. — Ведь при осмотре крови не было, да и сейчас видно, что кожа цела...

— Да очень просто, — ответил Фёдор Богданович. — Стукнули по голове мешком с песком. Снаружи следов нет, а сознание человек потерял. А потом в петлю засунули. Так что сомнений нет — убийство.

Поверенный рассказал, что Негоденко был тобольским мещанином, имел плакатный паспорт, выписанный на два года, и хотя жил на прииске, но занимался торговлей: привозил инструменты, ртуть, табак для рабочих. Жил он в достатке, но после смерти ни товаров, ни денег не нашли. Дружбы в приисковом поселке он ни с кем не водил, да и бывал на прииске наездами.

Сомнений не было: убили из-за денег, но повальный обыск в бараке, где жили приисковые служители, ничего не дал. Допросы тоже мало что прояснили, но вот допрос промывальщика Инютина оказался интересен.

«Свидетельская присяга.

Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь вечносущим Богом перед святым Его образом в том, что хочу и должен в деле сем, к которому от суда призван во свидетельство, и в подлежащих мне вопросах, в чем меня спрашивать будут, ответствовать по самой истине, ничего не тая и не прибавив никакого, не оправдав, не опорочив ни для дружбы, ни для вражды своей или склонности, ни для подарок или дач, ни для страза ради потом паче по своей христианской совести, что знаю, видел или слышал, во всем нелицеприятно объявлю, так как я перед Богом и судом Его всегда ответствен могу, в чем мне Бог душевно укрепит да поможет. В заключение сей клятвы целую образ спасителя нашего».

Так вот, промывальщик Инютин сказывал ему, что еще в начале мая сего он выпивал с приписным крестьянином Иваном, как он пишется ему неведомо, сей Иван привозил на прииск дрова. Так тот Иван говорил, выпивши, что работал еще с казенной партией, видел, как они моют золото, а после сам изготовил лоток и стал мыть золото. Намыл малый мешочек и нашел два самородка. Золото сие он продал поселенцу Негоденко. Сколько Иван за золото получил, Инютину было неизвестно.

Другие служители прииска показали, что видели, как к Негоденко приезжал какой-то господин, имени и звания они его не знают, но одет был не по-крестьянски, росту среднего. Лицо белое, бритое, волос русый, из особых примет шрам на подбородке.

Искать по таким приметам неведомого господина, приехавшего неизвестно откуда, было бесполезно. Конечно, можно было найти приписного крестьянина Ивана и присудить его к ста пятидесяти палкам или пятиста шпирутенам за незаконную добычу золота, но Фёдору Богдановичу задерживаться на прииске не хотелось, и он поехал в Салаир, а в Барнаул с подробным рапортом отправил Никодимова.

Бунт на прииске казенном

А тем временем на другом прииске, казенном, происходили другие события.

Вечером бергайеры Яков Усов и Егор Кузнецов пошли справить малую нужду, и почему-то не у своей избы, а у соседней. Из оконца слышались голоса.

— Да загнемся мы все на этих болотах. Кормежка хреновая, постоянно по колону, а то и по пояс в воде, а это еще лето. А осень придет — чахотка и могила. Бежать надо. Бежать надо на Уймон, к каменщикам, а то и дальше — в Китай. А можно и, наоборот, в Расею. Мол, государственный крестьянин, а паспорт потерял. Попадешься? Ну и что? Дён двадцать погуляешь, потом суд. Вот промывочный сезон и кончился. По первому разу получишь розог и все. Мне в случае чего шпирутены грозят — и то ничего. Отлежусь и к плавильной печи, все лучше, чем здесь.

Яков Усов вслушивался в голоса и пытался определить, кто там разговаривает и о чем. Вот высокий голос Меркула Березовского, вот с хрипотцой Фёдора Елгина, а это вот Никита Горбунов. А громче всех — Козьма Белов да Иван Терёхин. А еще в этой избе проживали Трофим Варнаков, Тимофей Гусельников, Антон Печерников да Никифор Захаров.

— Егор, пошли к шихмейстеру, надо доложить.

— Да ну, не наше дело.

— Пошли, иначе пойду один и скажу, что ты приготовление к побегу покрываешь.

Яков Усов в бергайерах был недавно, никак о том не думал и зол был на весь белый свет.

Год назад со службы в Барнаулском заводе сбежал его родной брат, угольщик Самойло Усов. И не нашел ничего лучше, как явиться на родину, в деревню Метели Чарышской волости к родному брату. Ну вот зачем,

скажите на милость, зачем ему надо покрывать беглеца? Вот он и сдал его сельскому старосте. Поначалу вроде все хорошо складывалось: Главное начальство Алтайских заводов через Чарышское волостное управление провело повальный опрос жителей деревни, все 24 крестьянина поступок Усова одобрили, и правление просило министерство финансов выделить Усову денежную награду.

Но министерство финансов ответило, что считает достаточным объявить признательность начальства за его похвальный поступок. А вот в селе Якова за глаза иначе как иудой не называли, и как только поступило предписание послать рекрута в заводские работы, общество единодушно выкликнуло Якова Усова. По форме все было верно — родители его давно померли, недавно овдовел, детей не нажил. А до того, что ему глянулась девка в Калмацких Мысах и он уже сговорился засылать к ней сватов, никому и дела не было.

Выслушав донос, Харитонов немедля объявил о том начальнику прииска шихтмейстеру Харитонову, который приказал выставить к избе караул.

Утром он приказал привести всю команду и для начала высечь розгами Горбунова. Он рассудил, что самый шумный и дерганый из всех, Горбунов, окажется наименее стойким. После высечения он заявил, что его подговаривали бежать бергайеры Белов, Терёхин, Березовский и Елгин, а промывальщик Старожилов и бергайеры Печёркин и Захаров невинны.

После того как Абортнев приказал связать Белова, Терёхина, Березовского и Елгина, Белов выхватил нож и стал кричать, что он не даст себя без вины наказывать и зарежет любого, кто к нему подойдет. Пока пытались отобрать у него нож, Березовский и Елгин забежали в избу, где они квартировали и в которой сидели взаперти ночью, и закрылись изнутри. Елгин стал с ножом у открытого окна и закричал:

— Первого, кто войдет, зарежу! Распустите команду, иначе дверей не отворю!

Абортнев подошел к окну и спокойно сказал — ну и сидите. Ежели выйдете, прикажу связать и отправлю в суд, а нет — приставлю караул и заморю вас голодом. Разумеется, поартачились и вышли. А вот Терёхин, воспользовавшись суматохой, сбежал.

Следствие по делу о буйстве на прииске

Фёдор Богданович Ключе читал формулярные списки бергайеров, дело которых ему предстояло рассмотреть в суде. Свидетели были допрошены, дело было совершенно ясное, и можно было выносить приговор, если бы...

Березовский Меркул Васильев из крестьян. Взят в рекруты воинской командой при принудительной отправке крестьян Ояшской волости в заводские работы в 1831 году. От роду 24 года. С марта 1831 года рекрут, до мая того же года — запасной служитель, с мая — бергайер. В том же 1831 году за первый побег со службы наказан 150 ударами палки. Он был единственный из всех, кто знал грамоту, да и с паспорта, выданного ему, где он был ошибочно поименован «казенным крестьянином», начался ояшинский бунт. Видите ли, мужики решили, что казенный — значит, государственный, а если государственный, значит, и они государственные, к работам их привлекать нельзя, хватит с них того, что платят подати да чинят дороги.

Горбунов Кирилл Петров из крестьян. Рекрутом с 1829 года, февраля, 16-го числа. До 1831 года — запасной служитель. 1831 года, декабря, 5-го числа, зачислен бергайером. От роду 28 годов.

В 1831 году за первый побег со службы и перемену своего звания прогнан шпицрутенами через 500 человек один раз, в том же году за второй побег наказан розгами 50 ударами, в том же году за третий побег со службы и воровство во время того побега трех лошадей, стоящих 112 рублей, прогнан шпицрутенами через 500 человек один раз.

Елгин Фёдор Ермилов из крестьян. Рекрутом с ноября, 22-го числа, 1828 года. Запасным служителем — с февраля 1829 года. Бергайером — с 1830 года, февраля, 4-го числа.

В 1829 году за первый побег со службы и перемену своего звания и воровство хлеба из пашенных станков на пропитание прогнан шпицрутенами через 500 человек один раз.

В 1831 году во время второго побега был пойман, назвался поселщиком и под именем бродяги Тихонова отдан был по решительному определению

Томского губернского суда в военную службу без наказания, определен был в линейный сибирский батальон № 8, но при провозе через Барнаул признан был за горного служителя. Приговорен к наказанию шпицрутенами через 500 человек три раза с отбытием двух раз. Употреблен в работу.

Белов Кузьма Семёнов из мастерских детей. Рудоразборщик — с 1822 года. Бергайер — с 1827 года. От роду 30 годов.

В 1830 году за задрание юбки девочке Заставиной и срывание с нее двух платков наказан лозами.

В 1830 году за воровство 25 мая у стоящих лагерем близ Змеиногорского рудника рудовозов 10 хомутов, стоящих 25 рублей, и трату оных, присовокупив к тому пьянство и невыход на работу двух дней, прогнан шпицрутенами через 500 человек один раз.

За 28-дневный побег со службы и перемену во время того звания прогнан шпицрутенами через 500 человек один раз.

За второй побег со службы в 1832 году прогнан шпицрутен через 500 человек один раз.

И вот этот самый Белов говорит, что его замучила совесть, и он объявляет об убийстве в 1830 году неизвестного поселщика совместно с братьями Полыгаловыми Евграфом и Дмитрием. Якобы они вместе выпивали в Змеиногорском кабаке и соблазнились деньгами, кои были у поселщика в большом красном кожаном кошелье. Выйдя из кабака, они подкараулили сего поселщика и убили. Денег у него оказалось 500 рублей ассигнациями, но Полыгаловы будто бы дали ему только 25 рублей.

Явный самоговор, чтобы потянуть время и пожить в тюрьме на казенных харчах без заводских работ да наказание отложить на время. Таких самоговоров только в Салаирской комиссии военного суда рассматривалось не меньше десятка в год. По расследованию выяснилось, что тела нет и такового человека, которого самоговорщик признавал убитым, никто не видел. Однажды, правда, один беглец сказал, что убил неизвестного крестьянского отрока 12 лет, утопил и тело сбросил. Указал место, описал мальчика. Но мальчик оказался жив-здоров и показал, что в том месте и в то время, о котором говорил беглый, он действительно видел мужика, но он ему никакого вреда не сделал.

В самом конце октября был пойман беглец, Терёхин Иван Семёнов.

Бергайер Иван Семёнов Терёхин из крестьян, рекрут 1828 года, ноября, 15 дня, запасной служитель 1829 года, февраля 9, бергайер 1830 года, июня 18. От роду 34 года.

В 1831 году за побег и прочие проступки прогнан шпицрутенами через 500 человек три раза. В 1832 году за второй побег наказан розгами 50 ударами.

И Терехин тоже сознается в убийстве. Якобы в последний день перед своей поимкой он убил двух господ у села Казённая Заимка. Будто бы они ехали в двуколке и остановились близ дороги, развели костер и грели на том костре чай и жарили мясо. Он выждал в кустах, когда один из них отошел по нужде в сторону, и зарезал его, а потом напал и на второго. Кроме еды он у них ничего не забрал.

Расследование, проведенное змеиногорским отделением военного суда, как и следовало ожидать, выяснило, что никакого убийства не было. Мало того что Полыгаловы все отрицали, никто не видел никакого поселщика в то время в Змеиногорске, мертвых тел также не находили, и признаков того, что братья разбогатели, тоже не было. А ведь 475 рублей — деньги немалые.

А вот с Терёхинским заявлением вышло иначе.

Чиновник по особым поручениям Никодимов выехал на место, означенное Терёхиным с утра, и тоже на двуколке, которую ему отрядили на заводской конюшне, — своего выезда еще не нажил.

Терёхин место, где он совершил преступление, описал довольно точно.

Вот дорога перешла через речку Землянуху, вон справа от дороги огромная ветла с дуплом. Уже выпал снег, но он был еще неглубокий, и Никодимов подъехал к ветле. Да, под ветлой из-под снега виднелись обгорелые головешки. Трупов у кострища, конечно, не было, а одного из убитых, как утверждал Терёхин, он оставил у костра. Никодимов уже хотел ехать обратно, но за кустами он услышал карканье и хлопанье крыльев и пошел туда. К его большому удивлению в кустах лежало мертвое тело, которое расклеивали вороны. Тело успело подмерзнуть, поддавалось клювам трудно. Да и, к счастью, лежало ничком, лицо птицы расклевать еще не успели.

Чиновник по особым поручениям перевернул покойника на спину и замер — на подбородке ниже рта был шрам дюйма в два длиной. Как раз о таком, «как второй рот», говорили на прииске господ Поповых.

Дело принимало поворот интересный. Но кроме трупа ничего интересно более найдено не было. Вообще ничего, ни возле кострища, ни возле тела. Может, что и осталось, но ведь снег же.

Никодимов погрузил тело в повозку и поехал в Барнаул. Тело он привез в госпиталь, но прежде чем им занялись медики, срисовал портрет покойного в акварели. Он был хороший рисовальщик, о его портретах говорили — как живые. Вот и здесь он постарался, чтобы этот... со шрамом выглядел бы как живой. А потом еще и копию с портрета сделал.

Копию он направил в Салаирскую комиссию военного суда, а с портретом пошел к Ивану Никитичу Мурзину, советнику по третьему военно-судному отделению. Тот внимательно посмотрел портрет — видел я этого человека в Барнауле. И видел недавно. Но ты лучше у приставов спроси.

И пристав команды барнаульских заводов вполне определенно сказал, что на квартире у вдовы Архиповой ночевали два господина, вот тот, что на портрете, и второй, постарше, с тонким лицом и волнистыми волосами. Лицо загорелое, а подбородок белый — летом бороду носил. Дворянам борода не по чину, но сейчас многие ее отращивают, особенно, когда не в городе живут. Господа сказали, что в Барнауле проездом, едут из Семипалатинска в Кузнецк. Господа показали подорожную, но господа были солидные, он на бумагу глянул мельком и фамилий не запомнил.

Терёхин, узнав, что найден труп и он может быть и в самом деле привлечен за убийство, испугался не на шутку.

Он сидел у костра, кипятил чай в котелке и жарил гуся, и то и другое он украл по дороге. И тут вдруг с дороги свернул возок и два господина подошли к костру и велели ему убираться. Он ушел, очень на господ обидевшись. Но он никого не убивал, да и не мог, у обоих господ за поясом были пистолеты. Ну а когда его захватили, ложно оговорил себя, чтобы избавиться на время от заводских работ. Господа явно ехали к парому, начнется следствие, выяснили бы, что такие господа действительно были, а пока бы их нашли, глядишь, он в тюрьме до весны и просидел.

Кто ж мог подумать, что этого господина — да этот, на портрете, один из тех господ — убьют. Но Христом Богом — он не убивал. А что до второго господина, то как лик с иконы. И волос кудрявый, но не шибко, волнами.

Стоял на своем он и после священнического увещевания. Да и по всему было видно — самооговор. Обозлился на обидевших его господ и хотел хотя бы в мечтах с ними расправиться, раз наяву не мог. Да и убит был сей господин из огнестрельного оружия, коего у беглеца не было, а не ножом.

И как ни соблазнительно было повесить дело об убийстве неизвестного господина на беглеца, Фёдор Ключе поручил Никодимову продолжить следствие, тем более что портрет данного господина опознали и на прииске Поповых. Он явно был связан с убийством Негоденко.

Так что следствие по буйству на казенном Сухаринском прииске и побегах было закончено, и пора было выносить приговор.

Бергайера Козьму Белова, содержащегося в Салаирской тюрьме за буйственные поступки против пристава Сухаринского прииска и ложный оговор братьев Полыгаловых в том, что они совместно с ним убили неизвестного поселщика и забрали у того поселщика 500 рублей, наказать шпицрутенами через 1000 человек три раза и отослать на работы в Нерчинские заводы.

Бергайера Елгина наказать шпицрутенами через 1000 человек два раза и по буйному характеру в закованном виде направить на Нерчинские заводы.

Бергайера Терёхина за побег и ложный самооговор наказать шпицрутенами через 1000 человек два раза и употребить в работы.

Бергайера Березовского за буйство наказать шпицрутенами через 500 человек два раза и употребить в работы.

Но приговор был вынесен и исполнен только весной 1833 года. Как и надеялся Терёхин, все время следствия они просидели в тюрьме без употребления в работу всю зиму. А шпицрутен? Что шпицрутен? Спина заживет.

Кто такой человек со шрамом?

В Тобольск чиновник по особым поручениям Никодимов был отправлен задолго до окончания следствия по делу на Сухаринском прииске. На место он прибыл засветло и поселился у хозяйки, где квартировал на последнем курсе училища, в двухэтажном деревянном доме, который изображал из себя дом кирпичный — бревенчатые углы сколь можно были спилены и стены обшиты тесом.

Все было как два года назад, даже клопы, наверное, те же.

Утром Никодимов отправился в «управу благочиния» — так в то время называлась земская полиция.

Тобольск уже перестал быть губернским городом, но управой благочиния командовал еще полицмейстер, а не городничий. Однако полицмейстер направил его к частному приставу по уголовным делам. Лет он был неопределенных: может, 40, может, уж больше 50, с седыми бакенбардами и мятым лицом.

Только взглянув на портрет, он сразу сказал — знаю такого. Отставной кавалергардский штабс-капитан Вельяминов. Ссылный.

— Что за человек? Дрянной человек. Вот нам недавно на поселение прислали бунтовщиков, отбывших каторжный срок по декабрьскому делу 25 года. Ну, государственные преступники, но видно же, что благородные люди, а это — прощельга и подлец.

В ссылку попал вроде бы за дуэль, но я вам так скажу, сударь, убийство это было, натуральное убийство. Якобы дрались без секундантов. Но что это за дуэль без секундантов? Во-вторых, якобы дрались на палашах. Но петербургские и московские господа это не прусские студенты, которые шпагами машутся. У наших-то дуэли больше на пистолетах. Так-то бы он на каторгу загремел, да, видать, поддержка была в столице, да и вроде бы сам был ранен на дуэли. Но скажите, как можно на поединке получить такую рану? Сам он себе ее нанес, сам! У палаша обух тупой, широкий. Заколел он своего товарища, когда он этого не ждал, а потом взял его палаш в обе руки да тюкнул по подбородку. Выглядит страшно, крови много, а опасности от раны никакой.

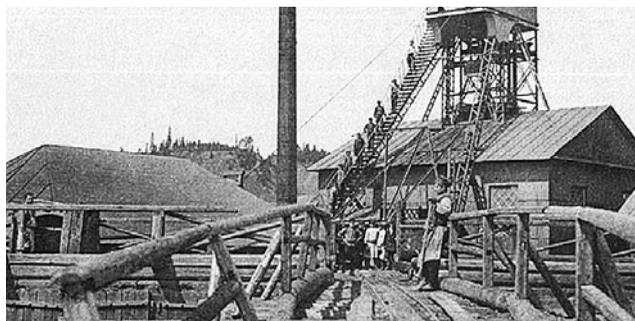
На что жил говорите? Имение у него где-то в Саратовской губернии, да здесь был посыльным по торговым делам.

Даже купцам, состоящим в гильдии, не так-то просто торговать за пределами губернии, а у нас ведь и городские крестьяне ведут немалую торговлю. Вот он и ездил с поручениями — то предварительные переговоры от имени купца проведет, то образец товары предъявит. Имел ли дела на прииске Поповых? Ну, с коммерц-советником он знаком был, а были ли у него дела на прииске — не знаю. Был ли среди его знакомых такой дворянин, как вы описывали, не припомню. Да у него в Тобольске среди дворян приятелей не было, попался он на шулерстве. После этого ему в приличные дома ход был заказан.

Но дал пристав два—три адреса дворян и купцов, которые были знакомы с Вельяминовым, но ничего нового те не сказали.

Обыск, который они провели совместно с приставом, на квартире, где проживал Вельяминов, ничего интересного не показал.

Побывал Никодимов и в Кузнецке. Кузнецк — город небольшой, новый человек там на глазах. И видели там господина, похожего на того, что описал Терёхин, в начале ноября.

Назвался потомственным дворянином, отставным чиновником 12-го класса Евграфовым Степаном Семёновичем, из города Екатеринбурга. Но на запрос в город Екатеринбург пришел ответ, что указанного господина в городе не числится.

Так выходило, что ответ надо было искать в Петербурге.

В столицу чиновник по особым поручениям попал только следующим летом. Специальных денег на проезд не дали, и он был отправлен с охраной «серебряного каравана».

В полку было уже не так много офицеров, знавших Вельяминова. Прошло шесть лет, была кампания в Польше, где участвовали в подавлении шляхетского мятежа, память о боевых столкновениях была еще жива, и то, что было до «кампании», вспоминалось с трудом. Но все же так вспомнили историю 1829 года и дуэль подпоручика первого дивизиона Вельяминова с прапорщиком кирасирского лейб-гвардии полка Семёновым.

Семёнов проиграл Вельяминову большую сумму и утверждал, что Вельяминов жульничал, нечестно играл в карты и то, что с долгом, он, конечно, рассчитается, но Вельяминова надо бить, как шулера, подсвечниками, а Вельяминов грозил, что вызовет Семёнова на дуэль. Потому-то произошедшему особо не удивились. Вельяминова давно подозревали в нечестной игре, больно удачлив, но явных доказательств не было, но в полку с ним по-крупному уже не играли, а вот до кирасиров его слава, видно, не дошла. Однако ни кавалергарды, ни кирасиры не могли сказать, кто бы мог отомстить Вельяминову, и никого похожего на описание, данное Терёхиным, не вспомнили.

Вечером третьего дня после приезда офицеры-кавалергарды пригласили его на бал, который давал отставной офицер их полка Дмитрий Бутурлин. Хотя он и достиг чина генерал-майора, и в отставку вышел не из полка, и на штатской службе занимал пост высокий, но полк не забывал.

Никодимов был не бог весть каким танцором, но в училище танцам обучали, и уж мазурку-то он изобразить смог.

Никодимову сразу приглянулась девушка, которая стояла у колонны с пожилой женщиной, — верно, матерью, — выше среднего роста, сероглазая.

— Ты знаешь, кто это? — спросил он поручика Симонова, который взялся опекать провинциала, знакомить с особенностями столичной жизни.

— А, эта? Екатерина Внукова. Род старинный, некогда были князьями, но задуали, титул утратили, да и приданого за ней нет. Сирота. Отец погиб в 1813 году. Вскоре и матушка ее скончалась. Осталась деревушка с полусотней душ, но она оказалась на пути движения наполеоновских войск. Разорили, разграбили, а что не успели — свои мужики растащили. И мать вскоре померла. Опекуншей ее является тетушка. И здесь она с тетушкой.

— Не представишь?

— Пойдем.

— Пётр Николаевич Никодимов, чиновник по особым поручениям в Барнаульских заводах, прошу любить и жаловать.

Первым танцем традиционно был полонез. Менуэт он танцевал с другой дамой, а на мазурку снова пригласил Катю. Мазурка — танец уже как бы неофициальный, можно было и поговорить.

— Екатерина, вы, как и я, сирота. Мой отец, поручик Томского мушкетерского полка, погиб в 1812-м, под Смоленском.

— Ну а мой на год позже, под Лейпцигом.

После танца отошли к стенке и продолжили разговор.

Оказалось, у них много общего. Оба сироты, оба были выучены на казенный счет, но если Никодимов окончил Тобольское военное училище, то Внукова — столичный Патриотический институт. И обоим после выпуска приходится зарабатывать на жизнь самим: Петру на государственной службе, а Екатерине — гувернанткой в семье какого-то превосходительства, преподавая французский и хорошие манеры.

— Уж что-что, а французский-то я знаю. Когда в 1825 году послышалась канонада, нас собрала наша гранддама и сказала, что это наказание за наши грехи, за то, что мы, подобно кухаркам, говорим по-русски. После этого в институте два месяца говорили только на французском.

После бала Пётр пошел проводить Катю с тетушкой — они жили неподалеку. Тетушка пригласила его в гости через два дня, и он с благодарностью принял это приглашение.

На следующий день в офицерском собрании, когда он подходил к кавалергардским офицерам лейб-гвардии, корнет Серебряков нарочито громко, чтобы слышал Никодимов, хихикая, проговорил:

— А этот-то, барнаульская штафирка, теперь ухлестывает за гувернанткой. А по мне что гувернантка, что кухарка. Я у себя в имении и тех и других драл во все отверстия.

Петра не то чтобы сильно задело его слова — еще в Тобольске он привык, что к тем, кто служит не потому, что так принято, а потому, что так надо зарабатывать на жизнь, богатые, а тем более богатые и знатные, относятся с презрением. Однако и спускать это было нельзя, иначе он бы стал изгоем в дворянском обществе, а дурная слава и до Барнаула докатится.

Он подошел к Серебрякову и сказал — он сам удивился — сказал спокойно: — В Барнауле я бы вам морду набил, а здесь вынужден вызвать на дуэль.

— Без вопросов, — даже вроде радостно сказал Серебряков. — Сегодня вечером, на пистолетах, дистанция десять шагов. Место выберут секунданты.

Секундантом Никодимова вызвался быть Симонов, у Серебрякова, конечно же, тоже нашелся секундант.

После того как все условия дуэли были обговорены и место выбрано, Никодимов пошел в свой номер. Дрался он первый раз и вроде бы положено написать прощальное письмо, но кому? Матушка года три как померла, с Катей еще никаких отношений не было, так что и писать некому.

Он пробовал читать, но ни роман, ни стихи Жуковского в голову не шли.

Выпить? Но в таких делах рука должна быть твердой. Кое-как дождался. Симонов заехал за ним на экипаже. Серебряков с секундантом были уже на месте.

Дистанция была отмерена и обозначена воткнутыми в землю палашами. Секунданты выдали заряженные пистолеты и велели становиться к барьеру. Серебряков выстрелил первым. У левого виска шевельнулись волосы. Он только потом понял, что пуля пробила его оттопыренное ухо.

— Ваш выстрел, прапорщик.

Петру очень хотелось выстрелить в обидчика. Спешить было ни к чему, время прицелиться было, но застрелить этого прощельгу значило сломать карьеру. Конечно, дальше Сибири не сошлют, но отставка с должности — в этом уж сомневаться не приходится. И что потом? Копиистом в канцелярию?

И он выстрелил в воздух.

Дело о фальшивых ассигнациях

Через день его пригласили в третье отделение Канцелярии его императорского величества. Принимали на высоком уровне. Конечно, не главный управляющий Бенкендорф, а управляющий Мордвинов, но все же...

— Итак, господин Никодимов, в истории с дуэлью вы себя проявили вполне достойно. Ну а как ваше расследование?

Никодимов доложил о происшествии на приисках и обнаружении мертвых тел Негоденко и Вельяминова, а также о том, что следствие зашло в тупик.

— Я думал, что Вельяминова наказали за убийство на дуэли, по убеждению тобольского пристава, а теперь и моему, на ложной дуэли, или за жульничество при игре кто-то из проигравшихся, но за убийство Семёнова отомстить было некому, да и проигравших Вельяминову было много, но так чтобы кто-то разорился вконец не было. Так что на днях я с обозом возвращаюсь в Барнаул.

— Ну, с обозом тащиться не стоит. Мы вам выпишем подорожную, домчитесь мигом. Мы ведь следим за положением дел на государственных заводах, и, хотя расследованием вы занимаетесь на месте, копии решенных секретных дел направляются к нам. И вот что интересно: года два назад в Сибири появились фальшивые ассигнации. И, похоже, ассигнации изготовлялись в Тобольске. А кто их распространял? Никто так часто из тобольских дворян не разъезжал по городам и весям,

как Вельяминов. Так, может, он и был распространителем? Так что возвращайтесь в округ и выясните, с кем из купцов Вельяминов имел дело, куда и зачем ездил.

На следующий день Никодимов явился в дом к Внуковым и сделал официальное предложение Екатерине. Предложение было принято, и тетушка дала благословение.

Обвенчались, сыграли скромную свадьбу, на которой кроме тетушки были три подруги Кати да секундант и пара офицеров, с которыми Пётр сошелся в полку.

А потом он погрузил на воз, который должен ехать в Барнаул, нехитрое приданое жены и отправился с ней на перекладных в Барнаул.

Первое, что он узнал в Барнауле, так это то, что дело об удавленнике на поповском прииске получило новое развитие, и он решил отправиться на прииск. Конечно, он читал рапорт горного ревизора по частным приискам о том, что приказчик прииска с двумя служителями обыскал воз уволенного с прииска рабочего из поселенцев Непомнящего и нашел краденое золото, зашитое в льняную ткань и вплетенное в веревку.

Но рапорт — одно, а рассказ очевидца — другое. И действительно приказчик Наговицин рассказал, что он давно подозревал, что рабочие Непомнящий и Мезенцев крали золото с прииска — у них появились денюжки, каких у рабочих никак не могло быть. В ноябре прошлого года Непомнящий и Мезенцев попросили отпустить их с прииска, получили расчет, погрузили вещи на лошадей и с женами и детьми отправились из приискового поселка. Сначала выехал Мезенцев, а Непомнящий на другой день. Наговицин рассудил, что если золото они действительно крали, то постараются вывезти. Выждав, когда Мезенцев отъехал на достаточно далекое расстояние от прииска, догнал его и обыскал. Точно так же он поступил и с Непомнящим. Обыск Мезенцева ничего не дал, а вот у Непомнящего он нашел 72 золотника и 48 долей золота. Непомнящий ему сознался, что золота у него было больше, но часть золота он продал Негоденко, после смерти которого на прииске золото сбыть некому, да и настоящей цены за золото Негоденко не давал. Вот Наговицин и решил: если Негоденко уже упокоился, не впутывать его в это дело.

И тут же он узнал о новом деле, связанном с переменной фальшивых ассигнаций на настоящие.

Поначалу фальшивые ассигнации обнаружили у лесовщика Егорьевского золотого промысла Архипова, который заявил, что получил их от крестьянина деревни Елбанской Меновщикова за покупку у него синего бархатного кафтана, однако при обыске у Меновщикова никакого кафтана найдено не было.

Потом рядовой линейного сибирского батальона № 10 Николай Сергеев с женой пошли на базар продавать шелковое платье — нужны были деньги для устройства на новом месте, в Змеиногорске, куда Сергеева переводили из Барнаула. Платье купил некто Лаврентий Давыдов Богадельщиков, заплатив за него десятирублевой ассигнацией и получив 50 копеек сдачи.

Когда покупатель ушел, Сергеевы признали ассигнацию сомнительной и кинулись за Богадельщиковым. Похоже, базар и тогда был на том же самом месте, и супруги обнаружили покупателя сидящим на площади против казенного сада. Потом эта площадь звалась Соборной, а ныне — площадью Свободы. Увидав Сергеевых, он выбросил из-за пазухи платье на землю и пытался убежать, но был пойман и доставлен в полицию вместе с ассигнацией. Ассигнация сия оказалась фальшивой, 1819 года за номером 6793933. Разумеется, и Богадельщикова, и фальшивую ассигнацию разместили в барнаульской тюрьме.

Далее управляющий Павловским заводом капитан Стрижков, став свидетелем торга лошади у жителя Павловска, задержал работника Екатеринбургских заводов Масленникова и мещанина Скорнякова, и при них обнаружили фальшивые ассигнации. Здесь уже речь шла не об одной ассигнации. При задержанных нашли 124 десятирублевые ассигнации 1818 года и пять 25-рублевых ассигнаций 1821 года. Все ассигнации были признаны фальшивыми.

При допросе Масленников и Скуратов поначалу рассказывали какие-то сказки, якобы при дороге с Ирбитской ярмарки на них напали разбойники, отняли все деньги, велели никому о нападении не рассказывать и вместо отнятых денег дали фальшивые. Но потом все ж таки сознались, что еще

весной прошлого года, после праздника сошествия Святого Духа, в деревне Елбань Боровлянской волости от крестьянина той деревни Карпа Максимова Петенёва.

По дороге с Ирбитской ярмарки их ограбили и отняли 1825 рублей, полученных ими от купца Юдина для покупки для него лошадей. В деревне Елбань они пили медовое пиво в доме у крестьянина Тимофея Меновщикова вместе с упомянутым Петенёвым и сыном Меновщикова Парфёном. В разговоре они пожаловались на потерю денег, и Петенёв сказал, что потерю можно возместить, если они, Масленников и Скуратов, согласятся на перевод денег. Отец и сын Меновщиконы показали ему бумагу, из которой делают фальшивые ассигнации и кое-какие инструменты для делания таковых. Тимофей им сказал, что раньше ассигнации делал поселенец, живший в деревне, он научил их делать эти ассигнации и уехал, а сейчас только иногда приезжает, привозит бумагу, краску и другое необходимое. Кто этот поселенец и каков он из себя они не говорили. И они, Масленников и Скуратов, взяли фальшивые деньги с условием их где-либо переменить, а Петенёву доставить настоящее ассигнации или медные деньги со 100 рублей фальшивых по десять настоящих. В число этого они отдали ему медные и серебро 42 рубля.

Никодимова больше всего заинтересовало упоминание о некоем поселщике, который научил крестьян делать фальшивые ассигнации, а теперь снабжает их бумагой, инструментами, краской. Не без корысти, разумеется.

И вполне возможно, что научил он делать ассигнации не только в этом селе. И за пределами округа в Сибири находили фальшивые ассигнации 1818, 1821 и 1827 годов.

Надо было искать выход на этого поселщика, и Никодимов отправился с предложением к советнику Алтайского горного правления по третьему военно-судному отделению Сутулову с предложением послать в Елбань своего человека, чтобы вызнать поболее и о производстве и перемене фальшивых ассигнаций, и главное — об этом поселщике.

Выслушав его, Сутулов хлопнул в ладоши — на ловца и зверь бежит. Только что мне донесли, что содержащийся в барнаульской тюрьме лесовщик Архипов пообещал, если его освободят, он произведет розыск в деревне Елбань и установит делатели фальшивых ассигнаций. Ему было выдано 150 рублей, и он отправился в Елбань.

В Барнаул воротился 28 апреля и предоставил 26 фальшивых ассигнаций десятирублевых и две 25-рублевых. Он говорил, что видел делателя ассигнаций из переселенцев и имел с ним разговор и уверения в безопасном переводе фальшивых ассигнаций. Однако дальнейшему разговору помешал Меновщиков, высказавший сомнение в намерениях Архипова, и сказал, что надо формы и прочее для сокрытия увезти в тайгу, а делателя в какую-нибудь деревню, о которой не знает Архипов. Но делатель сказал, что верит Архипову и через него можно наладить постоянный перевод денег в Барнауле и на золотых промыслах. 26 апреля делатель выехал с крестьянином деревни Пещерской Чумышской волости Селиверстовым в Томск для приобретения покупок для делания фальшивых ассигнаций, бумаги и материалов разных и возвратится оттуда 3 или 4 мая.

Архипов просит дать солдат и разрешение ему или какому-нибудь другому чиновнику к захвату всех участников в делании ассигнаций, пока они по наступлению летнего времени не успели удалиться в пазеки, находящиеся в тайге.

Но капитан Быков сказал, что, поскольку делатель фальшивых ассигнаций доверяет Архипову, он должен вернуться в Елбань, продолжить перемену денег, а как только вернется делатель, известить об этом власти. А так как Быков по службе должен отправиться на золотые промыслы, посему он должен дать знать о приезде делателя на Егорьевский прииск ему или представителю господину поручику Политику.

А чтобы без сомнения изобличить преступников, выдал Архипову личных денег 50 рублей, переписав достоинство ассигнаций, года выпуска и номера.

Никодимов считал это совершенно лишним. Не такой человек этот делатель, чтобы продолжать верить Архипову после того, как Масленников выказал ему недоверие. Надо было срочно вести повальные обыски, но это дело полиции. Более всего заинтересовало Никодимова то, что лицом этот поселщик как Христос с иконы. Но ни 4, ни 5, ни 10 мая этот самый поселщик в Елбань не приехал.

Завершение дел о присках и деревне Елбань

Никодимов снова явился к господину Сутулову и попросил разрешения выехать в Томск для розыска делателя. По описанию Архипова это был тот же самый человек, коего видел беглый Терёхин вместе с покойным Вельяминовым. Конечно, он мог только сказать, что едет в Томск, а сам укатил в Тобольск или еще куда, но крестьяне говорили Архипову, что он и до того уезжал в Томск.

Сутулов подумал и выписал Никодимову подорожную до Томска.

Томск до начала 1830-х годов, хоть и став губернским городом, был дырой еще похуже Тобольска и Барнаула. Только в самые последние годы, после того как на Алтае и в Кузнецких горах началась добыча золота, жизнь в городе зашевелилась. Да и новые законы делали выгодным для обывателя возможность записаться в купеческую гильдию. В купеческую гильдию умудрялись записаться даже приписные заводские крестьяне, накопившие денег, не то что вольные городские крестьяне или мещане. И искать злодея верно надо было среди этих новых, враз разбогатевших купцов или торговых мещан. Хотя и дворян исключать было нельзя.

Конечно, первым делом Никодимов представился в полиции. Положение дел упрощалось еще и тем, что начальник Кольвано-Воскресенских заводов одновременно являлся и гражданским томским губернатором, и местное начальство получило необходимые указания помогать чиновнику по особым поручениям из Барнаула.

В управе благочиния уголовный и гражданский приставы, посоветовавшись, сообщили ему, кто из людей, подпадающих под приметы, сообщенные Никодимовым, отсутствовал в указанное время в Томске и вернулся в город недавно. Набралось десять более или менее подходящих человек. Он спросил у приставов, кто из этих людей подходит под описание делателя.

Оба без колебаний признали в нем некоего Смирнова, хозяина небольшой переплетной мастерской и лавки по продаже бумаги, красок, чернил, гусиных перьев, кисточек и прочего для письма и рисования.

Никодимов думал, что все будет просто — пройдет по лавочкам, посетит типографию, узнает, кто закупал много бумаги и красок, и устроит с местными полицейскими обыск. А тут обыск делать было бесполезно — бумага, краска, пресса — все законно.

Оставалось ждать, когда Смирнов повезет бумагу, краски и прочие припасы для делания фальшивок. А то, что он повезет, Никодимов не сомневался. Дело налажено, денежки текут. Но наверняка он в Елбань не поедет. Возможно, у него и в другом каком селе есть люди, а не то придется где-то все заново начинать.

Наконец-то Смирнов выехал из Томска в коляске, запряженной парой лошадей. Никодимов, получив коляску с лошадью в губернском правлении, выехал следом, но прежде дождался результатов обыска, проведенного приставом управы благочиния. Конечно, никаких бесспорных доказательств причастности Смирнова к деланию фальшивых денег не нашли. То, что в крестьянской избе могло бы служить таким доказательством, легко могло быть объяснено Смирновым. Прессы, деревянные катки — но ведь он переплетает книги и делает гравюры. А бумагу и краску он продает, а будет

заказ, сделает и инструменты для гравировки. Не подкопаешься. Но под порогом мастерской нашли тайник, а в нем три мешочка с золотым песком и маленькими самородками, «тараканами», как их звали на присках.

Теперь можно было выезжать за Смирновым уже со спокойной душой. Он не пытался догнать Смирнова, а именно ехал следом, расспрашивая встречных, не видели ли коляску с таким-то вот господином, а если встречных не было —

расспрашивал крестьян в деревнях, особенно там, где были развилки дорог. А иногда и этого было не нужно — лужи еще не везде просохли и следы коляски, отличные от мужицких телег, хорошо просматривались.

Торопиться особенно не следует, пусть бумага, краски, штампы, формы — все заработает при делании фальшивок, и тогда можно будет злоумышленников повязать. Один он, конечно, с этим делом не справится, но его задача установить, в каком же селе задержится этот самый поселщик, умеющий делать ассигнации.

Чиновник по особым поручениям не заморачивался поиском ночлега в деревнях. У него был с собой тулуп, котелок, чайник, кое-какая снедь, он искал место для ночлега, варил на костре какую-нибудь кашу или мясо, кипятил чай, ужинал и ложился спать, завернувшись в тулуп.

За Томском поначалу была тайга, и вода в речках была темная от торфа, но потом тайга закончилась, и потянулись бесконечные березовые, реже осиновые леса с редкими пятнами крестьянских полей. Иногда дорогу перебежали зайцы и лисицы, в стороне, на озимых зеленых полях, он видел косуль и лосей, а пару раз даже волков, но беспокойства это у него не вызывало.

Волки летом сытые, да и живут не стаями а парами. Разбойников он опасался больше. Конечно, ближайшая шайка Михайло Клепечихина шаталась в окрестностях Сузунского завода, и хоть она не была замечена на этой дороге, но ведь все могло быть. Но, как говорится, волков бояться, в лес не ходить.

Сначала стало ясно, что Смирнов едет в округ, потом — что в Барнаульский уезд, а потом — что в Барнаул.

Когда Никодимов доехал до Барнаула, Смирнова уже взяли под стражу.

Когда стало ясно, что поселщик в Елбань возвращаться не собирается, в селе были проведены обыски.

На скотном дворе Петенёва под навозом был найден небольшой деревянный коток, которым по свидетельству Архипова раскатывались ассигнации. В доме Петенёва были найдены краски неизвестного назначения и две ассигнации в десять и пять рублей, оказавшиеся по сличению нумерации из числа предоставленных для розыска Архипову. На пасеке Ануфрия Петенёва в кадке были обнаружены обрезки бумаги, но ничего явно доказывающего его причастность к печатанию денег не обнаружено. Один из крестьян деревни Елбань доложил, что вроде бы ездил Ануфрий Петенёв от деревни Елбань через полторы версты по речке Еловке. Там, подле речки, под еловой лесиной нашли завернутый холщовый полог, в котором оказалось 12 листов почтовой бумаги, красного сукна четыре лоскута и дощечки, выдолбленные до глубины в четверть вершка так, чтобы в нее свободно положить 20-рублевую ассигнацию. На дне углубления черное сукно, такая же дощечка, но без сукна и небольшие черные тряпицы, вымазанные черной краской.

Петенёв показал, что фальшивых денег не печатал, переменной их не занимался, а бумагу и дощечки ему велел спрятать поселщик, за что и дал эти две ассигнации по десять и пять рублей.

В Барнауле и Петенёв, и Архипов опознали в Смирнове того самого поселщика, а Терёхин — господина, который был в повозке вместе с убитым Вельяминовым.

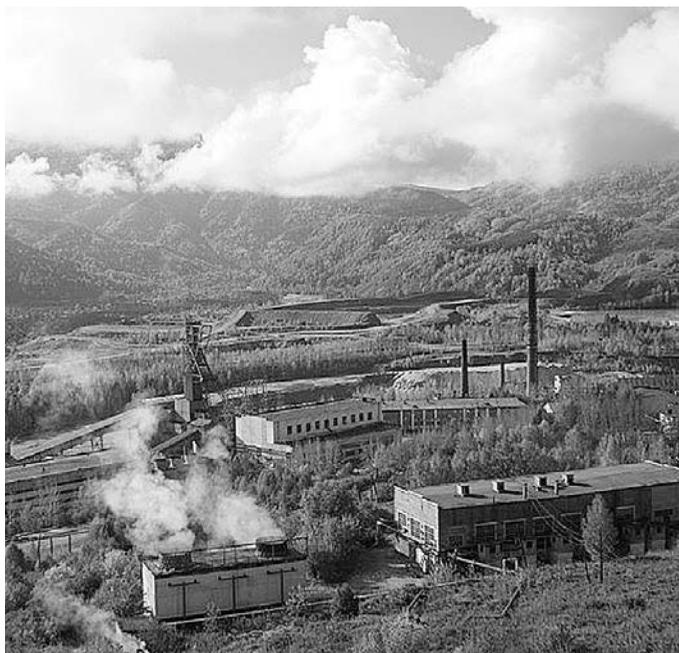
Так что Никодимову оставалось только доставить арестанта в Томский губернский суд. В помощь ему дали сержанта Иванова и рядового Старостина из Барнаульского линейного батальона. Никодимов со Смирновым ехал в переднем возке, связав на всякий случай ноги арестанту и привязав их к возку, а во втором возке, сзади, ехали солдат и сержант с ружьями.

Дорога долгая, разговора не избежать.

— Ну вот зачем же вы связались с этим делом? Ведь человек умный, грамотный. Я вот сирота, а сумел и образование получить, и службу несу.

— Да что вы понимаете! Сирота! Вы потомственный дворянин и всегда будете под опекой государства. И в училище вы за казенный счет учились, и место на службе уготовано. А меня просто нет! Я даже не обер-офицерский сын, я байстрюк, сураз.

В 1804 году мой отец служил в Новороссии и сошелся там с местной казачкой. Обвенчаться хотели, а тут война с Персией. Закончилась война, его по ранению отпустили со службы вчистую. Он к невесте, а та уже родить

меня успела. Вот и получился я незаконнорожденным.

Отставной солдат, грамоте обучен, а Сибири таких людей не хватало. Вот он и стал служить. Выслужил личное дворянство, уже до седьмого чина дошел, дослужился и до восьмого чина, дающего право на потомственное дворянство, а тут скоротечная чехотка — и все. У отца кроме меня еще два сына было. Так вот средний стал вроде как старшим и получил дворянство, и его взяли за казенный счет в кадетский корпус. Младший — обер-офицерский сын — сейчас вот еще одно сословие придумали для таких, как он, — почетный гражданин, ему повторять дорогу отца — служить, может, что и выслужит. А меня нет. Я незаконнорожден-

ный. Пошел рабочим в типографию, грамоту знал, рисовать умел, ну и пришла мысль нарисовать ассигнацию — получилось. Но рисовать долго, да качество. Придумал, как печатать. Сначала в Тобольске жил, но недолго. Переехал в Томск, завел лавку (денежки-то появились) и на месте печатать не стал. В деревне найду людей, снабжаю их бумагой, краской, досками, они мне за это платят деньги, а перемену ведут сами. Ну и с Вельяминовым, дурак, связался. Иногда он по деревням развозил бумагу с краской, а главное — скупал золото. Да все мало было игроку. На прииске Поповых вздумал расплатиться за золото фальшивками. Но Негоденко-то понял обман, стал грозить, ну кавалергард его и стукнул мешком с золотом.

Я ведь думать-то умею. О смерти стало известно, я знал, что в это время там был Вельяминов. Надавил я на него, он и сознался. Продолжать с ним иметь дело стало опасно.

Эх, чуть-чуть оставалось. Я уже и так думал с фальшивками дела не иметь. Застолбил бы на себя я какой-нибудь прииск, уже в Барнаул поехал договариваться, под прииск и то золотишко, что скопил, продал, и настоящие деньги пошли в дело. Стал бы богачом. А деньги, они сейчас много значат, а потом, поди, больше дворянства потянут. Но не успел.

Но это я так тебе от скуки наедине. На судебном следствии от всего буду отпираться.

И в самом деле, его вину в убийстве Вельяминова не доказали — да, ехал с ним в возке, когда его видел Терёхин, но в Казённой Заимке они расстались, и больше он его не видел.

Где-то еще делали фальшивки, но до них не добрались. Единственное, что доказали: он привез в деревню Елбань материалы для делания фальшивых денег. Это он признал, но и то, мол, не знал, для чего, а когда понял, то испугался и попросил мужиков спрятать. Золото? Да покупал у пьяных старателей и только.

Короче говоря, губернский суд приговорил его к публичному наказанию кнутом и ссылке в отдаленный район Сибири.

Точно так же и барнаульский суд не смог доказать вину Петенёва, но оставил под глубочайшим подозрением и повелел сослать дальше в Сибирь.

По-настоящему, шпицрутенами и каторжными работами, были наказаны только те, кто попался с фальшивыми купюрами на руках. Архипову простили за сотрудничество со следствием, как бы мы сказали сейчас.

А Никодимов продолжил свою службу.

Написано по мотивам судебно-следственных дел второго фонда второй описи Алтайского краевого архива.

РАЗДЕЛЕНИЕ НА ДЕСЯТИЛЕТИЯ — ЭТО ЧИСТАЯ УСЛОВНОСТЬ. МЫ НЕ СТРЕМИЛИСЬ ВЗЯТЬ ИМЕННО ТО, ЧТО НАПИСАНО В ОБОЗНАЧЕННЫЙ ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ. ВЛАДИМИР БАШУНОВ, ВОЗМОЖНО, НАПИСАЛ СВОИ ЛУЧШИЕ ВЕЩИ УЖЕ В 1980 ГОДЫ... НО ВСЕ РАВНО БЫЛО, БЫЛО ТАКОЕ ПОКОЛЕНИЕ АВТОРОВ, КОТОРОЕ ПОЛУЧИЛО СПОЛНА И УСПЕХА, И ДАЖЕ ГОНОРАРОВ; ПОКОЛЕНИЕ, НА КОТОРОЕ НЕ БЕЗ ЗАВИСТИ ПОСМАТРИВАЛИ И ПОСМАТРИВАЮТ ПРИШЕДШИЕ ЕМУ НА СМЕНУ...

ПОЭТЫ 60—70-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Владимир БАШУНОВ

* * *

*И сжечь еще тетрадь.
Еще тетрадь раскрыть.
Легко было начать,
да нелегко забыть.*

*Твердили дома: «Брось,
а то ни спать, ни есть».
Хотел — не удалось.
Откуда шло — бог весть.
В насмешку ли, во зло,
во счастье ли — как знать?
Цвело, кипело, жгло,
а не давалось взять.*

*Зато, когда звезда
стояла меж дерев,
издалека тогда
мне слышался напев.*

*Зато я знал в руке
живого слова дрожь.
И голос вдалеке
был так на мой похож.*

Владимир КАЗАКОВ

* * *

*Ходит боль моя... космачом,
топчет лужи.
Дружит... с Колькой Грачом,
жаль, что дружит.*

*Колька — сажень в плечах, —
не с половы.
Вся изба в калачах,
двор — тесовый.*

*Ведь у Кольки отец —
предартели.
Дядька — в городе спец,
при портфеле...*

*Ну а к ней забредешь —
в доме тихом
ничего не найдешь,
кроме жмыха.*

*Лишь в переднем углу,
за иконой,
навсегда прикорнул
похоронный
лист,
где твердой рукой,
вязью синей —
«...Ваш отец как герой
пал в Берлине...»
Мне б на белом коне
с ней да с небом
ускакать по стерне
в город хлебный.
Да нельзя... Колька Грач
ей нужнее...
Вновь выносит калач
по крупнее.
И уводит, смеясь,
сыто, тихо...
И вминаю я в грязь
плитку жмыха...*

Владислав КОЗОДОВ

Жаворонок

*У него такое ремесло:
утром ранним встанет на крыло
и журчит как песенный ручей.
А о чем журчит?*

Игорь ПАНТЮХОВ

Присяга

*Не «обстрелян» еще и едва «оморячен»,
В этот день я присягу в строю принимал.
Показалось мне знамя живым и горячим,
Когда пламя его я к губам прижимал.*

*В дзотах дыры бойниц не латали собой мы,
Не в боях поседела моя голова.
Но я помню: в присягу, как пули в обойму,
Ощутимо и плотно ложились слова.*

*И дрожала рука, карабин прижимая,
Эту дрожь хладнокровно смирял карабин,
Тот декабрьский день светлой аlostью мая
Был просвечен, пронизан до самых глубин.*

*Было солоно-сухо во рту, как от жажды...
В те минуты впервые я понял одно:
«Я клянусь...»
Произносим мы в жизни однажды, —
Только смерти снимать эту клятву дано!*

Николай ЧЕРКАСОВ

*Я лежу на траве. Надо мною луна.
У меня в голове бродит дума одна.*

*Ходит-бродит в мозгу, как влюбленный чуда,
От нее не могу отвязаться никак.*

*Неужели вон там, на ближайшей звезде,
Никогда и никто не стоял в борозде?*

*Не сидел на крыльце папироскою — «хух!»,
И не пел на заре красногрудый петух.*

*Не фырчал в вечеру, как у нас на селе,
Шебутной самовар на скобленном столе.*

*Так зачем же тогда меж небесных светил
Всемогущий Господь огород городил?*

*Нет, никак не поверю, что только вот здесь,
На Земле, жизнь живая единственно есть.*

*Если так, то какую высокой должна
Быть вот этому чуду земному цена?*

Виталий ШЕВЧЕНКО

*Из вековечного предела
пришла земная круговерть:
и боль души, и трепет тела,
печаль и радость, жизнь и смерть.
Мечами недругов встречали,
хлеб-соль готовили братьям.
Мы ничего не растеряли —
все потянулось по пятам.
Передохнуть теперь едва ли
дадут ревнивые дела...
Так высоко не поднимали
Икаров дерзкие крыла.
Рывок — и снова озаренья!
Смотрю на жизнь во все глаза.
Я не боюсь за ускоренье,
но так боюсь за... тормоза.*

Сергей УЖАКИН. Художник Александр КАЗАНЦЕВ

ГОРОД СЕРЕБРЯНЫЙ. СКАЗКА ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК, КОТОРЫЕ СТАНУТ БОЛЬШИМИ

Фрагмент

Давно это было. Так давно, что никто уже и не припомнит, как все началось. Однако старые люди рассказывают, что еще при царе Иване Четвертом, грозном и справедливом, в краю между Каменным поясом и Студеным озером, у подножия Синюхи-горы, нашли рудознатцы богатства великие, запасы меди червленной да благородного серебра. Только сокровища те не взять было, покуда дорогу через Змеинные горы стерегли грозные воины зюнгорского хана Хара-Хула.

Время шло, в державе нашей на престол взшел молодой царь Пётр — сын Алексея Тихого. Юный государь сразу и повелел: руду из-под земли подымать и металлы для пользы государства извлекать. А кто отважится на такую работу, тому вольную обещал. Быть свободным, стало быть. Прослышали про то мастерские люди, да и решили — лучше голодными, да вольными, чем с хлебом и солью, но подневольными. Собрались мастера со всех краев государства нашего — от камышовой кромки Дона-реки до олонецкого Севера — и пошли завод ставить.

Шли долго, много в пути разной небывальщины повидали, да чудес повстречали. Не намочив ноги, переправились через реку разлиvistую Иволгу-матушку; звериными тропами перебрались через Каменный пояс державы; в Тайменских болотах долго плутали да комаров кормили, лишь на второе лето к Великой таежной равнине вышли. На Медовый Спас мастера встали в заповедном краю таежной Сибири — впереди Байкал-батюшка, слева Студёное море, справа Белуха-гора с ее Беловодьем, а за ней Великая Степь с людьми мунгальскими, а сбоку желтая Страна Мандаринов. Тут и стали думать, где завод править — ближе к руднику или там, где леса обильно. Выбирали долго, то на протоке Бобровой примерялись, то на речке лесной — Касмалинке. Однако место выбрали толковое — между двух рек, большой и малой, матери и дочери, аккуратно на кромке соснового бора. Ни ураган не накроет, ни степняк не подберется, ни зверь из лесу по случаю не забредет. Большой реке имя нашлось сразу. В первый же день услышали мастера, как с обрыва запела в небе летящая стрела кочевника — Обь-ю-ю-ю, так Обь-рекою и назвали, а малую на местный манер запомнили —

Боронаур. Лишь по весне закликали заводские речку по-своему, шутейно — Чёрной за темный ил, что приносила она из Великой Степи. Тут же из звенящего кедра и желтой сосны дома себе поставили — теплые, красивые, с мятным запахом смолы. За лето выросли две улицы, Малые и Большие Олонцы, чтобы помнить, откуда пришли. Долго или быстро, теперь уже и не скажешь, но как только срубили мастерские люди себе избы, так принялись у Чёрной речки завод ставить: печи из жаропрочной глины и песка блестящего сладили, от далеких Змеиных гор

руду на саях повезли, уголь древесный на делянах лесных заготовили, а к лету печи раздули да металл взяли плавить. Всем работы хватало: одни руду подвозят, другие у горна стоят, а третьи серебро отливают для державы великой да в столичный город Питер обозами направляют. А медь, что при отливке оставалась, пока на заднем дворе ровными штыками складывали. Ладно работали мастера, так что слава о городе быстро полетела во все концы. Скоро и имя для поселения подоспело, звонкое, как монета чеканная. Жители соседних городов — Соболяска и Котомска — прозвали новую заводскую крепость на Чёрной речке Боронаур не как-то, а уважительно — городом Серебряным.

От дружной работы город подрос, появились у него новые улицы и даже кварталы. Разбились мастерские по разным промыслам, самые опытные так при заводе и остались, по-прежнему серебро да медь для царя и народа державного плавил. Там, где дальняя городская застава, на обрыве Большого Глядена, кузнецы сложили из кирпича жаркую крокаотовую кузню, а в Подгорье — механическую мастерскую. Здесь мастерской Ваня Ползунов сладил невиданную огнедышащую машину,

что плавильщикам в работе помогала — большие меха надувала. Узнали про машину в королевствах у Последнего моря, стали посылать своих гонцов. Посмотреть на машину приехал хитрый заморский гость из Сметанного Амбульона. В зеленом камзоле и напудренном парике он ходил вокруг огнедышащей машины, щелкал языком, смотрел на механизмы через стекла очков и тяжело вздыхал:

— О, мантый год. Какой есть хороший прожект. Ми есть лучший механикус всего Амбульона — Джем Повидлович Ухват. Разреши мне, Ваня, твой машин рисовать немножко?

— Да рисуй сколько хочешь, Джем. Мы, Повидлыч, русские люди, не жадные, — отвечал Ваня Ползунов.

Где Чёрная речка впадает в Обь-реку, распахнулись привольные улицы Луговые. Здесь поселились жители вольных лугов. Растили они на дальних городских полях за Волчьей гривой золотую пшеницу, вдоль Гоньбы пасли тучные стада, за Обь-рекою косили луговое разнотравье, а потому и кормили горожан горячим хлебом с рыжим припеком, да желтым-прежелтым маслом. А над заводом, на самой вершине обрыва у кромки ленточного

бора, поселились жители леса. Никто так не любил зеленый бор, как жители Нагорья. Каждая тропка и каждый куст был знаком нагорным жителям. Лесными дарами — грибами, орехами да ягодами одаривали они тех, кто жил и трудился в городе Серебряном. Сухих сосновых дров и угля древесного жители Нагорья запасали городу вдоволь.

Вскоре заводские мастеровые сладили на Чёрной речке большой пруд, вода с шумом падала с вершины запруды, весело бежала по деревянному желобу, приводя в движение умные машины и искусные механизмы крепости. Так и выросла на городской оконечности заимка Большого пруда. Крепкие жители заимки, полюбили они свое рукотворное озеро и сладили над ним подвесные мостки, соединили из края в край Прудские улицы с Подгорьем и Нагорьем. С вечера ловила заимка серебрястую рыбу, а с утра разбегался промысловый люд по мосткам во все концы, неся жителям города большие корзины с речными дарами стерлядкой и щуками, окунями да пестрой сорогой. Ешьте братья, сколько хотите.

Жил город при разных царях, и при всякой власти город Серебряный пользы был великой. Вот приказала как-то царица Екатерина Великая:

— Молодцы мои! Начеканьте мне особых денег медных, чтобы были они с изрядной долей серебра и малой толикой золота. Чтобы с одной стороны был мой вензель, а с другой хочу соболей видеть. Я для нашей северной державы на ваши сибирские монеты у виргинцев Коляску, а у гишпанцев Сань-Франциску

окончательно откуплю. Подумали мастеровые, приготовили сковородку большую, штампы тяжелые, запрягли воду прудскую, да давай чеканить монету Сибирскую. Работали мастера целый год от зари до зари, наштамповали монет медных тысячу бочек, да и отправили по царскому указу во все концы от полуострова Ставрида до Опоньского царства.

А то царь Александр, любимый сын Павла Мальтийского, повздорил с французским императором Бонапартом. На поле Пончиковом не поделили они маленький город Аустерлиц. Обиделся император на нашего царя, собрал войско из двенадцати королевств, ночью построил мост через речку Берёзовую и пошел войной. Взмолился тут наш царь: братья-сударики, сделайте мне из вашей особой меди грозные пушки-единороги да пришлите к Бородинскому полю, там мой фермаршал с Бонапартом Пончиковым биться будет. И то верно, сделали мастера все, как просил их царь, прислали пушки медные, калибра разного. Одержал победу одноглазый фермаршал по прозвищу Хитрая Лиса, ударил по неприятному войску так, что бежал Бонапарт три дня без остановки, мимо ганзейского города Одеколна до галантного города Париса.

Время летело, город вырос, жил вольно, но однажды привели в него узников, а с ними в богатой кибитке прибыл депеш-кульер с сургучным предписанием. Вот вам, мастеровые люди, задание секретное от царя нового — Николая Ударялкина. Защелкните бунтовщиков в цепи кованые замком особенным, а ключ от того затвора я царю увезу. Задумались мастеровые люди, отвечают депеш-кульеру:

— Нехорошее это дело людей ни за что в цепи заковывать.

Отвечает царский посланник:

— То не люди, а бунтовщики против царской воли пошли. Целый год они царя уговаривали, а в декабре против него на Законодательной площади встали. Освободи простой народ как в городе Серебряном и конституцию нам подавай, а то мы с площади не уйдем. Вот царь и приказал их в кандалы заковать.

— Не будем декабристов в цепи заковывать!

Осерчал депеш-кульер, повез узников дальше, за студеное Байкал-озеро, через степи Акатуйские к Петровскому заводу. А когда вернулся в столицу, царю пожаловался про то, как ослушался царской воли город мастеров — город Серебряный.

Осерчал царь и послал две ватаги покорить вольнодумцев. С разных концов вошли незваные гости — одни от крепости Семь Палат, вторые по главному Московскому тракту въехали. Собрался город на Соборной площади, решили гостей послушать.

— Кто такие? Для чего прибыли?

— Зовите нас важными переселенцами, пришли мы по приказу царя, а потому берите нас к себе жить! Царь наказ нам дал в городе Серебряном все исправить, чтоб все пошло по его правилам!

— А делать что вы умеете?

— Мы торговый люд, купеческий, торговать умеем, — отвечает вожак первой ватаги, — вы будете товар делать, а мы его будем за вас продавать.

— Зачем же продавать, — удивляются мастеровые, — если собрату своему так отдать можно, а государю мы для любой нужды хоть что сделаем.

— Э, не скажи. Торговать выгодно! Товару обильно, всем завидно!

— Уважать за труд надо! А, впрочем, живете как знаете. Земли у нас много, всем хватит, главное — других за работу уважай и под рукой не вертись.

Подходит сухой как щепка вожак второй ватаги, его и спрашивают: — А вы чего умеете делать?

— Мы делать сами ничего не умеем, но мы за вас все решать будем и управлять вами станем.

— А это еще зачем? — еще больше удивились мастеровые. — Вроде мы и так работаем себе на радость, городу на пользу, державе во славу.

— Э, не скажи, — отвечает второй вожак, — так мы заставим работать еще лучше. И вообще, мы за вас думу думать будем. Как соберемся, так сразу — Дума.

Подивились мастеровые, но раз царь сказал приветить незваных гостей, куда деваться, и пустили они на свою беду в вольный город новых жителей. Год прошел, обжились переселенцы на новом месте, лучше мастеров жить стали. Облюбовали торговые люди место на берегу Чёрной речки, Старым базаром назвали. Те же, кто управлять городом взялся, выбрали место еще краше, на краю Дуняшиной рощи. Приказали мастеровым возвести улицу с домами крокакотовыми, из красного кирпича значит. А когда улицу построили, стали управители думать, как бы ее назвать, чтобы со всех сторон отличаться от простых улиц — Олонецкой, Кузнецкой да Собольской. Долго спорили и решили обозвать свою улицу в честь города, мимо которого бежал их любимчик Наполеон Пончиков. Назвали они улицу Одеколовой. А для самого главного управителя поставили особняк в переулке — Зеленый Шипр.

С тех пор и пошла в городе жизнь по-новому — наперекосяк и криво. Вроде и торговцы есть, и управлять кому имеется, да вот только жить от этого мастеровым людям никак лучше не стало. Сколь не несут на Старый базар хлеб и масло, молоко и творог, рыбу свежую и дары лесные, а посчитает торговый человек, так житель Вольного города ему еще и должен. А управители с улицы Одеколовой указ издали: все, что делает мастеровой человек, половину в управителей амбар отдать должен.

Пришло новое время, возмужали от невзгод мастеровые люди, поняли, что обманули их крепко, а ничего поделывать не могут, по закону так и быть должно — одним без труда и все, другим работа тяжелая да хлеб горький. Чем больше работают, тем беднее становятся, семьи голодные, дети босые, все заработанное либо у торговцев остается, либо в городскую Думу начальству задарма уходит.

Появились в городе машины умные, граммофоны и телеграфы, всем миром красивый мост через реку построили да железную дорогу от города Серебряного до Великого сибирского пути проложили, а жизнь все равно лучше не стала.

Начал задумываться рабочий люд, между собой совет держать, как им положение свое исправить, не могут придумать. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Всем на удивление царь ни с того ни с сего, под напором купцов и лавочников от царства своего отказался. Не буду, говорит, страной управлять, устал и все такое прочее.

— Министры мои злые, торговцы жадные, а генералы глупые, даже войну против Опонькиного царства выиграть для меня не смогли. Всюду подлость и обман, говорит, уезжаю из своей империи навсегда, к своему родному брату на Сметанный Амбульон. Сел и поехал, только его и видели. А управители городов не пустили гражданина царя за границу, поймали и всем семейством в город Соболюск отправили.

Подумали-подумали тут мастеровые люди, да и решили: коль нет царя, так зачем нам правители глупые и торговцы жадные, которым чего ни принеси, а они еще

больше требовать станут. Собрались вновь на главной площади и говорят:

— Сбежал от вас царь, а потому и для нас новая жизнь начинается. Гнать вас никто не гонит, а работать будете, как все, на равных.

— Так не можем мы работать, руки наши нежные, к тяжелому труду не приспособленные, — отвечают управители, — тяжелее пирожных сладких ничего мы в руках не держали.

Им люди торговые вторят — нет, работать мы не будем! Вот если кого в лавке обьегорить, обмишулить или на весах обвешать, то мы с превеликим удовольствием. А работать мы не желаем, наше вам с кисточкой.

— Вольному — воля, спасенному — рай. Как хотите, но хлеб свой в трудах зарабатывать будете.

Не понравилось это управителям и торговым людям, стали они решать, каким временным законом рабочих опутать, чтобы те вновь стали послушными. А тут дошла до рабочих кварталов весть, что и в других городах рабочие и крестьяне у буржуев власть забрали и вместе договорись построить свободную, смелую и сильную республику.

Не понравилось это буржуям всех городов, вытащили они из своих тайных комнат телеграфы, стали слать друг другу телеграммы с расспросами, как им рабочих и крестьян одолеть. Думали-думали и придумали, решили позвать на помощь злую Антанту. Послали ей от всех буржуев большую телеграмму:

**ПРИТЕСНЯЮТ НАС РАБОЧИЕ ЗПТ НЕ ХОТЯТ КОРМИТЬ И ПОИТЬ
ЗПТ РАБОТАТЬ ЗАСТАВЛЯЮТ ТЧК**

**ПРИШЛИ СВОИХ ГЕНЕРАЛОВ С ВОЙСКОМ ЗПТ УСМИРИТЬ СМУТЬЯНОВ
НЕПОКОРНЫХ ТЧК**

**ПУСТЬ ТРУДОВОЙ НАРОД РАБОТАЕТ ЗПТ А МЫ БУДЕМ ГУЛЯТЬ ЗПТ
МОРС ПИТЬ И ПИРОЖНЫЕ КУШАТЬ ТЧК**

**ВЗАМЕНТ БЕРИ СЕБЕ ЧТО ХОЧЕШЬ ЗПТ ЛИШЬ ПОБЕЙ СВОБОДНУЮ
СМЕЛУЮ СИЛЬНУЮ РЕСПУБЛИКУ ВСКЛ ЗНАК**

Запыхтела Антанта своими заводами, вместо масла начала делать пушки, танки и броненосцы, пошла войной на молодую Трудовую республику. Как узнали про то рабочие и крестьяне, стали собирать отряды на защиту рабочего дела. Вот и в городе Серебряном собрали отряд. В депо на железной дороге выбрали самый лучший паровоз, прицепили двенадцать вагонов, закрыли броней крепкой, поставили пулеметы и пушки. Попрощались рабочие с женами и детьми, вышел тут на первую линию командир отряда, весь пулеметными лентами перевязанный, осмотрел провожающих. Подозвал к себе настоятеля белоснежного храма от Соборной площади:

— Вот тебе, отец Андрей, клетка, в ней три голубя. Без нужды не выпускай. А коль дело будет, так клич весь трудовой город на главную площадь.

А вы, дети рабочих кварталов, как увидите в небе голубя, так вмиг соберайтесь, плечом к плечу вставайте и сами решайте, что делать будете. За взрослых остаетесь. Вот такой мой наказ.

Над вагонами понеслась грустная песня:

Слушай товарищ, война началась,

Бросай свое дело в поход собирайся...

Так и поехала крепость на колесах на бой с Антантой.

ПОЛАГАЕМ, ЭТО БЫЛО ВРЕМЯ ЕСЛИ НЕ КАЧЕСТВЕННОГО, ТО УЖ ТОЧНО КОЛИЧЕСТВЕННОГО ВЗЛЕТА НАШЕЙ ПОЭЗИИ. МНОЖЕСТВО ИМЕН, ОГРОМНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ УБЕЖДЕНИЙ И ТЕХНИК (ТО, ЧЕГО ЯВНО НЕ БЫЛО В ПРЕДЫДУЩИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ). НЕТ СМЫСЛА СРАВНИВАТЬ ЕВГЕНИЯ БОРЩОВА И БОРИСА КАПУСТИНА — ОНИ СЛИШКОМ РАЗНЫЕ. НО НЕ БУДЕМ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО ОНИ ПИСАЛИ В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ, ЕЗДИЛИ НА ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ ТРАМВАЯХ...

80 поэтов Алтая: ПОЭТЫ 1980—1990-Х

Евгений БАННИКОВ

* * *

*Игра на ощупь за спиной
Вещей
Не каждому понятна.
Вот почему и мы с тобой
Ведем беседы так невнятно.*

*И если что-то не дается —
Не оттого, что не дано.
Послушай — сердце ночи бьется
В твое закрытое окно.*

*Ich kann nicht anders — тем и стой!
Случайный пессимист прохожий,
Тебе скажу я: мы с тобой
До неприличия похожи.*

*Чаяк индийский на столе,
Бутыль с заморской отравой...
Ни о тебе, ни обо мне
Не вспомнит дряхлая держава.*

*Забудь и ты и не тужи —
Тебя уже тогда не стало,
Когда ахейские мужи
Уже бродили вдоль Урала.*

*И наша ложь — совсем не ложь,
А лишь лукавый пас природы.
И хочешь, нет ли, а живешь
С непохмелившимся народом.*

*И так же, мучимый тоской,
Пьешь из потира злое зелье,
И так же бьешься головой
В своем безвыходном веселье.*

Евгений БОРЩОВ

ЛЮБОВЬ ПАРИКМАХЕРА

*Парикмахер уснул,
бросив чокающие ножницы в море.
И клубок трав рассыпался,
и Земля приняла
детей своих.
Теперь его возлюбленная Иволга не будет
бояться, что он станет красться
за ней, и купает
перья свои в жемчужных наплывах волн.
И снится Парикмахеру сон,
будто он дрозд,
и оттого его улыбка — месяц.*

Фарида ГАБДРАУПОВА

Март

*О, как неистово лают собаки,
Сторожевые мнимых сокровищ.
Март загрязняет зимние знаки,
Словно убийца, жаждет крови.
К солнцу, к теплу и подземные твари
Тянут кольчатые тела.
Солнце слоняется в лужах — свара
Собак по нему прошла.
Мир перемерял распутностью марта.
Каждый в прицеле, на каждого метрика.
Псы одичали в предчувствии старта.
Солнце — как знак на одежде смертника.*

Людмила ГАРКАВАЯ

* * *

*Ты — зелёное облачко,
Ты — квадратное яблочко,
Без ступенек по лестнице
Сумасшедшая вестница.
Проце он, чем оладушек,
Обожатель молодухек,
На клеймо греховодника
Нет азартней охотника.
И каденциши странные,
Вполошились все струнные,
Скрипки, радуясь, каются,
Судьбы в круг замыкаются.*

Пауль ГОССЕН

Провинциальное

*Должность поэта
в дальней провинции:
два—три сонета,
бабы, амбиции,
пьяная месса,
сплетни вечерние...
Мэрилин Мэнсон
N-ской губернии.*

Михаил ГУНДАРИН

* * *

*Таёт снег на серебряном блюде,
прославляя свое серебро.
Так бывает при сильной простуде
или если швырнуть на ребро*

*ледяную от счастья монету —
закружусь ли, ничком упаду,
воспевая любовь и победу,
ускользая по новому льду.*

Александр ЗУЕВ

* * *

*И как все сплелось, уместилось —
Любовь и измена, и ложь...
Процалось, и все ж — не простилось,
Хоть душу за душу положь.
И как было странно сначала,
С извечного первого «А»,
Любовь новизною встречала,
И рушилась холода мгла.*

Александр КАРПОВ

* * *

*Ты слышишь за окнами ночь?
Ты слышишь? Ну что ты молчишь?
Ты слышишь? Она же точь-в-точь
скребётся, как серая мышь.
Ты слышишь, упала звезда?
А кто-то поднял и унёс.
Ты слышишь? Идут поезда.
Надеюсь, что не под откос.
В вагонах на полках народ,
привыкший к дорожной судьбе,
негромкие песни поёт,
но песен не слышно тебе.
Ты слышишь, как капли росы
срываются с заспанных крыш?
Им вторят устало часы... А ты?
Ты не слышишь, ты спишь.*

Борис КАПУСТИН

Кулундинская баллада

Я написал стихи о Ленинграде
(как написал, о том судить не мне).
Читаю их на крохотной эстраде
в сибирской нашей вьюжной стороне.
Глядят уныло, слушают вполуха.
Скорей бы кончить. Жидкие хлопки.
Закашлялась какая-то старуха.
Задвигались у входа мужики.
Молоденький инструктор из райкома
толкует с бригадиром о весне.
Все — как всегда. Обжито и знакомо.
Но вдруг — старик. И прямым — ко мне.
Подходит. Смотрит как-то виновато.
Окурок мнет в коричневой руке,
и говорит: — Сънок, так это ж правда,
я умирал на Невском пяточке.
Они, быть может, сказка для кого-то,
о них мы в праздник песенку споем,
но я-то эти чертовы болота
прополз под перекрестным артогнем!..
Ушел старик, прихрамывая, горбясь,
в метельный временной круговорот,
моя тревога вечная и совесть,
седой сержант Синявинских болот.

Сергей КЛЮШНИКОВ

* * *

А все же какая досада —
Третью жизни теряешь в гульбе.
Не надо, не надо, не надо
Искать оправданья в себе.
И снова: какая досада —
Изменчива наша судьба.
Не надо, не надо, не надо
Ни в чем виноватить себя.

Прими невеселые муки
И плачь по былым вечерам.
Разлуки, разлуки, разлуки
Преследуют нас по пятам.

Идут по незримому следу,
Ныряют в вокзальную грусть.

«Уеду, уеду, уеду...
Обратно, обратно вернусь...»

Валерий КОТЕЛЕНЕЦ

Лазарь

Твой голос возвратил меня оттуда —
из тишины и тьмы небытия.
Но, Господи, скажи: просила чуда,
молила ли о нем душа моя?
За что же, за какие прегрешенья
из гроба ты поднял меня, Христос?
Чтоб вновь узрели горе и мученья
глаза, едва просохшие от слез.

Верни меня в блаженный мир покоя,
во чрево материнское земли.
Закрой глаза отеческой рукою
и камнем вход гробницы завали.
Куда же ты?.. Убей меня, не мучай!
Кто мертв, тому к живым дороги нет!..
Как больно мне глядеть на этот жгучий,
невыносимый, беспощадный свет.

Андрей ЛУШНИКОВ

* * *

Последний всплеск весла —
в нем отозвалась форма,
А дальше твой простор не знает берегов.
Так море оставляет после шторма
Обломки мачт, и снасти, и кости моряков.
К глубинам тишины душа твоя пытлива,
Да ветхий твой Арго ракушками зарос.
Причалами томим, ты снова ждешь прилива —
Твою мечту на крыльях качает альбатрос.
Ты жизнь свою порвал на скалах и торосах —
Отныне даже смертью ее не залатать.
В призрачных облаках — в мучительных
вопросах
Твоя душа пытлива и учится летать.

Иван МОРДОВИН

* * *

Над оврагом осевшее небо,
Облаков поредевших рваньё.
В оголенную согру, как в невод,
Ветер западный гнал воронье.

И кричали злоеющие птицы,
И скрипели деревьев стволы
Над размытой дождями границей
Уходящего света и мглы.

Листья красными искрами гасли,
Подступали виденья к глазам
В ядовитом болотистом масле,
Чтоб не шлялся по гиблым местам.

Но очнулся: откуда жилище?
Занавески, герани... и печь?
Резкий ветер над ухом не свищет,
А звучит осторожная речь.

Здесь обрел я второе рожденье,
Забывать о которм грешно.
Только где оно, это селенье,
Занесенное снегом давно?

Наталья НИКОЛЕНКОВА

* * *

Есть грустные фильмы с веселым концом,
Есть милые люди с несчастным лицом —
Но в черном желудке январского неба
Уже не рассмотришь, кто был подлецом,

А кто — Белоснежкой и Питером Пэном.
Размазаны наши печали по стенам,
А сверху написано красным коряво:
«Я Васю люблю» и «Нирвана Форэва».

Сдавайте бутылки, прошло Рождество!
Никто и не помнит уже ничего.
И только девчонка из детского сада
Еще веселится внутри снегопада,

И только собаки от снега шалют,
И только ослы ни о чем не жалеют,
И только следы на снегу остаются
Для тех, кто однажды захочет вернуться.

Юлия НИФОНТОВА

Чёрную, синей, лиловой тушью
Город залит и мерцает слепо,
Словно огромной медвежьей тушей
Ночь придавила его проспекты.

Сыро и грязно — куда уж гаже?
Хоть и весна наступила вроде.
Он ведь меня так заметно младше,
Даже подруги глаза отводят.

В спину злословят: «Как мама с сыном!»
Те, кто привык доверять лишь числам,
Только вот чёрно-лилово-синим
Странный союз Кем-то свыше вписан.

Значит, бывает любовь до смерти,
Словно душа в первый раз разделась,
И милосердствует, и многотерпит,
И всепрощает, на всё надеясь...

Александр СТРОГАНОВ

Песок бесчувственен, как космос костоправа,
Рассеявший туманность гипсовым снежком,
Как гений лунный, линзой без оправы
Снимающий ступающих шажком

Хрустящих хохотушек. Их начинка —
Песок, бесчувственный как пустота,
В скафандрах выпорхнувших в свет личинок,
Как счет бессонницы от одного до ста,

От ста до одного. И поименно
Стираются неспешно шепоток,
Шуршание потешное, лимонов
Запах, плющ и порошок

На краешке хандры и сплина,
Суть настоящего, что есть песок,
Бесчувственный, как локон серпантина,
Скрывающий беспомощный висок.

Валерий ТИХОНОВ

Безбилетная луна

Луна формат окна
покинет не спеша...
В тот час, когда я сплю,
что делает душа?

Лишь ангелы мои,
которых я не знал,
останутся со мной,
ведь я для них — вокзал.

И сны, как поезда,
прибудут вне пути,
вне времени и мне
останется — войти.
Вот мой вагон. Купе.
Формат окна в ночи...
Над столиком — в окне —
лимон луны горчит.

Владимир ТОКМАКОВ

Я все забыл — и вспомнил жизнь другую.
Свою? Наверяд ли... Кажется, чужую,
но мне известную в подробностях. Я жил
у моря, я имел лишь пару крыл

некрепких, но богат был баснословно:
мой ветер, мое небо, мои волны!..

Я был один, но знал, что всюду Бог.
И с этой верой был не одинок.

Я все забыл и книжек не читал,
но был закат с восходом также ал,

все было в мире, как и быть должно:
я видел небо, а оттуда — дно,

я был свободен к перемене мест,
я видел Будду, Полумесяц, Крест, —

но я спешил попасть скорей домой,
где ветер, звезды, крылья над волной!

...Кто мне ответит, для чего я здесь?
Кто дал мне право на чужую песнь?

О Господи, позволь не быть ничем,
а просто жить... Я глух, я слеп, я нем...

Сергей ФИЛАТОВ

Простой, но стойкий привкус — горечь...
Прогулки около моста.
Как быстро изменился город —
Где прежний шум и пестрота!

Сырая монолитность, серость —
Глубокой осени болезнь...
Лишь высветленный купол церкви
Столь одинок и столь нелеп.

Смотреть с моста на вид тоскливый,
Как бы в себя со стороны...
Увы, слова и слава лживы —
Они как листья сожжены.

Свою земную знаю цену —
Не вознесет пустая лесть...
И, слава богу, руки целы,
Чтоб зарабатывать на хлеб.

В ЦЕНТРЕ БАРНАУЛА ЕСТЬ ДОСКА ПОЧЕТА «ИМИ ГОРДИТСЯ БАРНАУЛ». ЗДЕСЬ МНОГО ПОРТРЕТОВ ТОЛЬКО ИЗ XX ВЕКА, И ДЛЯ МНОГИХ БАРНАУЛ ДАЖЕ НЕ МАЛАЯ РОДИНА. НУЖНА ГАЛЕРЕЯ «РОЖДЕННЫЕ БАРНАУЛОМ» ВСЕХ ВЕКОВ.

Михаил ХАУСТОВ

СУДЬБА И ТАЙНА ВЛАДИМИРА АНЗИМИРОВА

Нет множества великих имен на карте города: Александр фон Гумбольдт, Василий Петров, Яков Попов, Александр Ворсин, Георгий Лепский, иеромонах Иаков (Маскаев), Зиновий Баркаган, Андреас Беэр, Станислав Каминский, Валерий Метелица, Руфина Овсиевская, Козьма Фролов, Владимир Анзимиров.

Последний из приведенного списка — Владимир Александрович Анзимиров — сделал для России так много, что его малая родина почти забыла. Такой вот парадокс. А ведь и судьба его, и свершения поистине удивительны!

Гимназист. Студент. Революционер

Он явился на свет 12 сентября (31 августа по старому стилю) 1859 г. в окружном городе Томской губернии — Барнауле. На картах той эпохи территория юга Западной Сибири писалась одним словом — Колывань.

Отец нашего героя — Александр Григорьевич Анзимиров (1831—1871), дворянин, полковник Корпуса горных инженеров, горный ревизор частных золотых промыслов Томского и Мариинского округов. Главная функция корпуса горных инженеров — заведывание «распорядительной и искусственной частями горного, монетного и соляного производств».

Мать — Мария Никола-

евна Анзимирова (1831—1912), дворянка, урождённая Литке, русская писательница-феминистка, автор книг «Женщина и ее судьба» СПб., 1896; «Причины нравственной физиономии женщины», СПб., 1901; «Правда о мужчинах», М., 1905, педагог по музыке, немецкому и французскому языкам.

Следовательно, Владимир Анзимиров — внучатый племянник президента Академии наук Российской империи (1864—1882).

Дед и бабушка по отцовской линии — Григорий Гаврилович и Александра Алексеевна — тоже люди непростые: рязанские помещики-меценаты, известные своими крупными пожертвованиями в строительство церквей и дарением почитаемых православных икон в Рязанской губернии.

Именно Григорий Анзимиров финансировал изготовление копии старинной чудотворной иконы Божией Матери «Феодоровская», которая находилась в Костроме.

Впоследствии Анзимиров самолично передал ее в рязанский Свято-Троицкий монастырь...

В 1871 году Владимир окончил Барнаульское горное училище (открытое еще в 1789 году по распоряжению тайного советника Гавриила Качки). Так как дела службы не позволяли отцу покидать Барнаул, Владимир Александрович был направлен на учебу в Омск в Сибирскую военную гимназию, которую он окончил в 1876 г.

Дальше была Петровская

сельскохозяйственная академия, она же Тимирязевка.

В будущей Тимирязевке Владимир Александрович принимает активное участие в работе народнических кружков «Земля и воля». Он был участником народнического кружка «Четвертак», содержал подпольную типографию, замаскированную под фотоателье.

После раскола «Земли и воли» в 1879 г. примкнул к просветительно-народническому крылу «Чёрный передел». Вот как сам Анзимиров писал об этом много позже: «Пленительная поэзия правды и красоты будущего строя, о котором мы мечтали, не мирилась с тем, что для его достижения неизбежны убийства и казни должностных лиц. Будучи революционером по исповедуемой теории и своим запросам от жизни для завтрашней России и всего человечества, мы в практике борьбы признавали все же единственным оружием — слово».

Впрочем, полиция боролась со всеми революционерами, невзирая на фракционные разногласия. И вот после разгрома кружков полицией 7 марта 1879 г. Анзимиров был арестован и помещен в крепость. По распоряжению министра внутренних дел от 23 июня 1879 г. освобожден из тюрьмы, выслан в родовое имение деда под Рязанью (село Перевлес Пронского уезда Рязанской губернии) и подчинен гласному надзору полиции. Анзимирову «воспрещена всякая отлучка из места его жительства».

В рязанском имении Владимир Александрович учит крестьянских детей, оказывает медицинскую помощь крестьянам: «Лечу, как заправский врач. Теперь вот голодных кормлю».

Он пишет статьи, очерки и рассказы для «Русского богатства» (очерки злобы деревни под псевдонимом Воло), в журналы «Дело», «Свет и тени», «Природа и охота».

Анзимиров женится на Ольге Алексеевне Авиловой (актрисе Императорского театра), и у молодых супругов рождаются дети: Лев (1887—1937), Нина (1889—1950), Александр, Лидия, Ксения (Оксана).

По постановлению Особого совещания, 1 декабря 1883 г. с В.А. Анзиминова снят гласный надзор полиции, но оставлен запрет на жизнь в столицах. В 1888 году Владимир поступает на службу заведующим только что созданного статистико-страхового отделения Рязанской губернской земельной управы, а также становится секретарем Рязанского сельскохозяйственного общества.

Российские фосфаты — российским полям

В 1880-е годы Владимир Александрович знакомится с химиком Александром Николаевичем Энгельгардтом и начинает, как сейчас сказали бы, заниматься бизнесом.

Александр Николаевич ЭНГЕЛЬГАРДТ, известный агрохимик и пропагандист фосфорных удобрений в сельском хозяйстве, писал: «Каждому, кто вникнет в сущность дела, будет понятно, что в стране, где из почв постоянно извлекаются минеральные вещества и ничем не возмещаются, год от года все должно идти хуже. Чаще должны повторяться неурожаи, травы должны вырождаться, скот и люди — мельчать».

Благодаря Анзимирову в России появляется предприятие по производству фосфорных удобрений. До этого такие удобрения ввозили из-за рубежа, причем у их широкого применения были противники. Сам Дмитрий Менделеев писал: «Навоз, хорошая обработка и известкование, а не фосфаты нужны нам». Был не прав! А самый первый в мире суперфосфатный завод (близ Лондона) открыл Джон Лооз в 1842 г. и тем самым положил начало крупнейшей отрасли химической промышленности. Использование фосфатных удобрений позволяло увеличить урожайность в разы!

С 1887 по 1894 г. товарищество Анзиминова и К увеличило производство фосфорных удобрений в 135 (!) раз и к 1894 г. имело три завода с паровыми мельницами, а также владело месторождениями фосфоритов в Новгородской, Московской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Пермской и Орловской губерниях. Эта фирма получала золотые медали на выставках 1889 (Париж) — 1893 (Чикаго).

Кроме того, товарищество занималось издательской деятельностью, публикуя просветительскую и методическую литературу по применению новых для того времени удобрений в России.

И тут молодой еще по сегодняшним меркам (ему не было и 35 лет), удачливый предприниматель делает неожиданный шаг: он отходит от бизнес-забот и отныне занимается только просветительской и издательской деятельностью. Сначала — в селах Московской губернии, а затем и в столицах. Пишет он и сам — и публицистику, и художественные произведения. В том числе несколько романов!

Доходная «Копейка»

С 1895 года Владимир Александрович руководит издательством «Народная польза», является редактором журнала «Путь», начинает активную журналистскую деятельность, сотрудничая с газетами «Телефон «Нового времени», «Русская правда», «Новости дня», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Современная Русь». Работает как под своим именем, так и под многочисленными псевдонимами, как было принято в то время.

Входит в редакцию иллюстрированного сборника «Государственная дума». В 1907 году В.А. Анзимиров учреждает в Санкт-Петербурге просветительское общество «Школа и Знание».

Анзимиров издает и редактирует множество периодики. В их числе художественно-литературный журнал «Путь», «Деревенская газета» (с 1909 г.), журнал «Детский мир» (1911–1912), журнал «Кинематограф» (1910).

С 1909 года он руководит «Народным издательством». В 1911 году становится редактором газеты «Новый день». С 1915 года В.А. Анзимиров издает газету «Голос Москвы».

Владимир Анзимиров является одним из основателей, а впоследствии и председателем (1912–1917) Общества деятелей периодической печати и литературы в Москве. В 1914 году от имени Общества деятелей периодической печати и литературы выступил с инициативой организации Дня печати в России. Принял участие в его организации.

Однако главным издательским и журналистским делом В.А. Анзиминова стало издание газеты «Копейка». Народная газета (так рекламировалось издание) начала выходить в 1908 г.

Для обеспечения массовой народной аудитории на газету установлена низкая цена — одна копейка (хотя обычная газета в то время стоила в 5 раз больше), а содержание максимально адаптировано к восприятию простыми людьми. В обращении к читателям основатели газеты

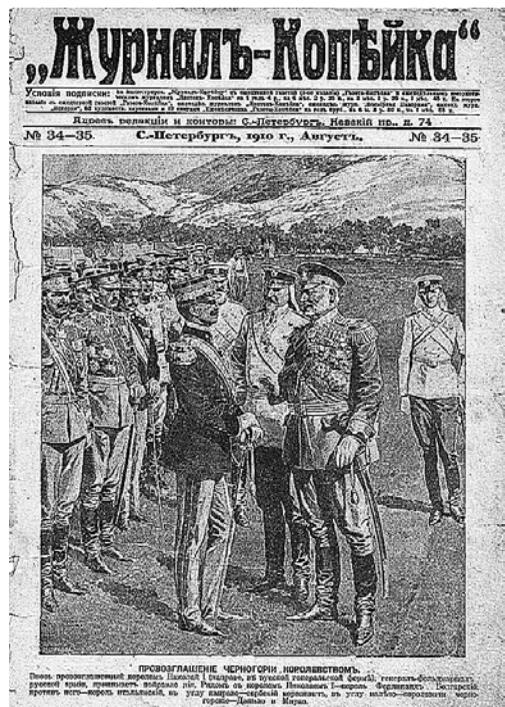
В.А. Анзимиров и М. Городецкий пишут, что цель газеты «Копейка» «...содействовать проявлению творческих начал народной мысли и труда...». Газета дает людям, не имеющим средств на приобретение книг, возможность получать оперативную информацию, статьи с комментариями и разнообразную беллетристику. В газете «Копейка» сообщения о событиях сопровождались качественными редакционными статьями, разъясняющими для неподготовленного читателя значение и смысл каждого события. Автором передовиц обычно был сам Анзимиров.

В 1909 году Владимир Александрович Анзимиров начинает издавать газету «Московская Газета — Копейка» и «Журнал Копейка». Газеты носили оппозиционный характер и имели огромный успех.

В статьях, фельетонах, очерках и рассказах Анзиминова, в корреспонденциях его сотрудников остро критиковались правительство, церковная реакция, демонстрировалась коррупция верхов, обнищание деревни, эксплуатация рабочих и т.п.; в 1910 г. начальник Московского охранного отделения отмечал «прогрессивный характер» газеты.

Тональность комментариев отражала народнические взгляды редактора, что часто вызывало недовольство властей — тиражи газеты арестовывались, наборы газеты рассыпались после утренних визитов жандармов.

За свою журналистскую деятельность В.А. Анзимиров неоднократно подвергался гонениям. Дошло до того, что в 1912 г. приговором Московской Судебной палаты

издание газеты «Московская Газета — Копейка» было прекращено, а Анзимиров был осужден на год тюремного заключения (амнистирован в связи с юбилеем Дома Романовых).

С 12 августа 1912 г. «Копейка» выходит под названием «Московская копейка». Впоследствии тиражи издания достигают 300 тыс. экземпляров!

После революции газеты ждала печальная участь: через день после взятия Зимнего, они были закрыты большевиками...

Но Анзимирову было мало издательского бизнеса.

Он увлекался, например, кинематографом. В 1912—1917 годах Владимир Александрович Анзимиров с просветительскими целями организовал одну из первых в России студий научно-популярного кино для выпуска учебных фильмов.

Например, в 1916 г. товарищество «Народное издательство «Разумный кинематограф» В.А. Анзиминова выпустило фильм Владимира Гарлицкого «Чем люди живы» по одноименной повести Л.Н. Толстого. Киносъемки произведены в Ясной Поляне. Консультантом и исполнителем роли барина был сын писателя — Илья Львович Толстой (1866—1933).

Сибирский музейщик

После закрытия газеты «Копейка» Анзимиров с женой и тремя малолетними детьми (младшей дочери один год) уезжает в Уральскую область, откуда в 1918 г. переезжает в Челябинск, затем в Новониколаевск. Почти на родину!

Невзирая на Гражданскую войну, Анзимиров занимается сугубо мирным делом — созданием новониколаевского Музея мироведения (сейчас это Новосибирский государственный краеведческий музей).

12 января 1920 г. на заседании коллегии Губернского отдела народного образования Новониколаевска В.А. Анзимиров выступил с докладом об организации Губернского музея и учебных мастерских. Он планировал создать сеть музеев по всей Сибири, а также организовать передвижные экспозиции и лаборатории.

Музеи мироведения, по мысли В.А. Анзиминова, должны быть музеями нового типа — не региональными, а универсальными, «в которых за основу плана строительства взяты не территориальные или политические признаки, а вечные законы Мироздания, истории Земли и всего существующего на ней, дошедшего по законам генезиса до человека во всем многообразии его жизни...». В постановлении заседания записано: «Доклад принять. Тов. Анзиминова утвердить в должности Заведующего музейной секцией Губ. Отд. Нар. Обр.».

Музей создавался стремительно: уже в

Владимир Анзимиров

- агропромышленник, основатель всероссийского производства фосфорных удобрений;

- журналист, просветитель, политик, общественный деятель;

- издатель семейства газет «Копейка»; товарищество издательского дела «Копейка»; председатель общества деятелей периодической печати и литературы (1913—1917);

- один из первых российских кинопродюсеров;

- основатель Новосибирского краеведческого музея (Музей мироведения);

- гласный Московского Губернского Земского собрания (Выборный член земских собраний и городских дум в России со 2-й половины XIX в.);

- дворянин и помещик: владел именьями Бирёво, Троицкое, Григорьчиково — Клинский уезд Московской губернии; село Хомутово Владимирского уезда Новгородской губернии; Сурмачёвка Роменского уезда Полтавской губернии.

феврале 1920 г. Анзимиров в течение месяца проводит учёт имеющихся предметов, готовит экскурсии и экспедиции. Важной задачей секция считала «организацию научной и социальной экспедиции». Весной 1920 г. в здании городского торгового корпуса В.А. Анзимиров организовал несколько выставок, с которых и начался музей.

3 августа 1920 г. В.А. Анзимиров открыл новониколаевский Музей мироведения.

Анзимиров проделал огромную работу по сбору фондов музея, одновременно выступая в роли директора, научного руководителя, финансиста и пропагандиста. Им был создан Фонд В.А. Анзиминова для финансирования научной деятельности музеев мироведения. В 1920 году музей имел уже 10 тыс. единиц хранения (для сравнения: через семь лет, в 1925 г., их было всего 12 тыс.).

Согласно В.А. Анзимирову, музеи мироведения должны были стать «центрами научно-воспитательных починов, обслуживающие все виды обучения: дошкольного, школьного и внешкольного и вместе с тем являющиеся самодеятельной культурной ценностью, сеющей основы тех знаний, на которых должны расти и развиваться критически мыслящая личность». Первые экспозиции музея соответствовали провозглашенным принципам, охватывая следующие темы: астрономия, геология, биология, этнология, техника, добывающая и обрабатывающая промышленность, прикладные

искусства, учебные пособия и библиотека.

Осенью 1920 г. В.А. Анзимиров работает над созданием факультета словесности при Народном университете, создает литературную студию, готовит съезд научных деятелей, работников музеев и учреждений внешкольного образования, совершая командировки для инструктирования музеев. В ноябре 1920 г. Владимир Александрович Анзимиров работает над созданием музеев в других городах Сибири по образцу новони-

колаевского Музея мироведения. Планирует экспедиции на озеро Балхаш и в истоки реки Лена (7 км к западу от Байкала).

Он энергичен, полон планов — и вдруг неожиданная развязка...

В сентябре 1921 г. Владимир Александрович Анзимиров отправляется в составе экспедиции музея в Ойротию для сбора экспонатов и пополнения коллекций. Экспедиция пропала без вести. Бывший народник, предприниматель, издатель, писатель, музейщик Анзимиров исчез вместе с остальными...

А как вам такая версия необычайной судьбы Владимира Анзиминова: это типичная судьба прогрессора (по братьям Стругацким). Тщательно дозированная и минимизированная информация о личной истории при громадной объеме культурных связей среди современников. Тысячи гуманитарных и естественно-научных контактов...

Веское слово талантливому менеджеру! И развитие науки, и движение окружающего социума ювелирно корректируется в нужном направлении, не давая цепной реакции зла взорвать и сжечь разум планеты... И на финише судьбы таинственное мистическое исчезновение с Земли...

Даже если это и фантазия, то свершения нашего удивительного земляка совершенно реальны. Будем помнить о них!

Некоторые книги, написанные Владимиром Анзиминовым

1. «Крестьянские интересы и крестьянские партии» (1907).
2. «Крамольники» (1907) — книга воспоминаний, освещающая деятельность народнических кружков 70-х гг. XIX в.
3. «Алые розы Востока» (1909) — роман о «революционной борьбе» в турецком гареме.
4. «Муть» (1910) — автобиографический роман.
5. «Мои маленькие сказки» (1911) — сборник притч и легенд (нередко с политическими аллюзиями).
6. Брошюры «За и против войны», «Социализм и война», «Отражение войны в литературе различных стран и народов» (1914—1915).

В БАРНАУЛЕ ПРОДОЛЖАЮТ ПИСАТЬ СТИХИ. КАК ПИСАЛИ ВСЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ-ДЕВЯНОСТЫЕ, ТАК И ПРОДОЛЖАЛИ ВСЕ НУЛЕВЫЕ. РАЗНООБРАЗИЕ ЖАНРОВ, СТИЛЕЙ, МАНЕР, СЛАВА БОГУ, ЗАШКАЛИВАЕТ. НЕ ТАК МНОГО МОЛОДЫХ ПОЭТОВ, ДЕБЮТАНТОВ, КАК В 1980-Е? ТАК ЧТО Ж! ГЛАВНОЕ, ЧТО ЛИНИЯ ПОЭЗИИ НЕ ОБОРВАНА. И НЕ ОБОРВЕТСЯ НИКОГДА.

80 поэтов Алтая: ПОЭТЫ НОВОГО СТОЛЕТИЯ

Елена БЕЗРУКОВА

* * *

*Узнавание медленно тронет глаза.
Узнавание медленно сердце кольнет.
Где-то меж «да» и «нет», между «против» и
«за»
тает лед...*

*Эту талую воду я медленно пью,
И она горяча, хоть и так холодна.
И как будто живу, и как будто люблю
И не чувствую дна.*

*Все, что найдено только что, — было всегда,
Все едино, лишь высмотри, только пойми,
Ведь мы знаем не больше, чем знали тогда —
Детьми...*

*Я когда-то с водою покинула плен,
Но зовет из глубин меня та же вода.
И когда этот лед растворится совсем —
Тогда...*

Александра ВАЙС

* * *

*А красotka Мальвина становится старше.
Даже пудель сбежал (повод плакать весь
вечер).
Мне не ясно, кто первый заварил эту кашу,
Но спешу Вас поздравить — рецепт
безупречен!
Небо мечет свой бисер. Стихи умирают,
Словно бабочки раз пролетев над толпой.
Все к тебе. Бесполезно. И рифма сухая,
Потому что нельзя рифмоваться с тобой.*

Елена ГЕШЕЛИНА

* * *

*Я тоже мудрою хотела быть,
а стала словом, точкой на бумаге,
найди меня, прошарь весь алфавит,
я прячусь среди букв надстрочным знаком —
умлаут, граве, тильда, циркумфлекс.*

*Февральский день пронзителен и бел,
друг к дружке жмутся голуби, мальчишки
гоняют мяч, а человек живой
сквозь зубы тянет: «Холод. Задолбало»,
снег стяхивая со своих сапог.*

*Застыла жизнь картинкою цветной,
застыли буквы на клочке бумаги.
Переведи меня, переведи
сквозь буквенные заросли, а после
забудь меня, а перевод сожги,
чтобы другие не истолковали.*

Константин ГРИШИН

* * *

*Как хорошо, что в жизни есть понты!
Иначе — жить невыносимо скучно.
Прохожий мнет нелепые цветы
И мерзнет, ждет угрюмый подкаблучник.
А я прощаюсь с юностью смешной,
Целую ей обветренные губы.
Жить в Барнауле, умирать весной
И наслаждаться искренностью грубой.*

Артём ДЕРЕВЯНКИН

09

*В осень пролита, как виски стакан,
Чувств порьжелая ржавь.
Девой родится неожиданный пацан,
Уж потерпи, не рожай.*

*Солнечный в лужу упал перстенёк —
Дня безымянного знак.
Правит сентябрь, заплетает венок,
Тайной прохладой инак.*

*Пусть твой стакан, но впитают слова
Листья осенней ночи.
Если даровано сердцу страдать,
Станут усердно лечить.*

*Злу улыбайся, как все дурачки,
Взгляды косые лови.
Счастливо мечут икру кабачки
от кабачковой любви...*

Мария КРИКСУНОВА

*** * ***

*Уже поздняя ночь. Уже спят фонари.
Так темно, будто я опустилась на дно.
Ни души и ни зги. Только тихо горит
В одинокой глуши золотое окно.*

*Я не волхв, только мне путеводной звездой
Загорелся далекий и теплый квадрат.
Мне идти больше некуда. В жизни — застой,
Но стоять и замерзнуть — не мой вариант.*

*Почему там не спят? Не меня ли там ждут?
Этот свет зажигали ведь явно не мне...
Но меня согревал этой ночью уют
В том далеком и близком горящем окне.*

Дмитрий ЛАТЫШЕВ

Отрывки

1
*Горизонт скоро примет твои поправки
Согласует зимы возвращенье
Проведешь на снегу себе линию
— взятки гладки
И стоишь на границе. Всеобщим смущеньем
Наполняется каждая точка на новом отрезке
Горизонта, прирученного в назиданье
Бесконечно-беспечная. Как это лестно
В новой физике сказано — в каждом издании*

*Для студентов и школьников временно
малоимущих
Переполненных временем и готовых к походу
В нетерпенье своем остановленных
снегом скребущим
Небосвод черепной — освежающий заново холод*

2
*Это видно насмешка над легким подростком
Что не смог удержать карандаш —
тяжелее графита
Кто теперь возвышался нелепым
мерцающим ростом
Не сумев проглотить обещаний обиды
Этих глупых вокзалов,
обернутых снежною тканью
И готовых к отправке залогом
багажного места
Но уставших, уснувших,
себе повторю в назиданье,
В перекрестах отрезков путей.
А что дальше — известно.*

Александра МАЛЫГИНА

* * *

*Хочу дождей, хочу глубоких луж,
Хочу гулять до самого рассвета,
Смотреть, как листья облетают с веток,
Не помня, муж ты мне или не муж.*

*Хочу не помнить имени и дня,
Когда пришлось на этот свет явиться,
Забывать себя и заново родиться,
Но в этот раз родиться для тебя.*

*Не изменить ни дня, как ни старайся, —
Ни в этот раз, ни в этой мерзлоте,
В большом саду, возможно даже райском,
Мне предстоит привидеться тебе.*

Вячеслав МОРДВИНОВ

* * *

*Пустынной ласкою согрет,
Ловлю мираж грозы мгновенной.
И только узкой щелью свет
Висит над бездною Вселенной.*

*И если долгий караван
Воды немало обещает,
Как не поддаться на обман,
Неправде правду возвращая?*

*У освещенного виска
Несётся ветер, стыннут звёзды...
Дождя протянута рука —
И останавливаться поздно.*

Дарина МЕРЗЛИКИНА

Эдем

*потерявшийся, заплутавший
даже в самых родных краях,
ты навеки здесь пострадавший
в постоянных ночных боях.*

*ты идешь не на свет — на ветер,
и на запахах знакомых троп,
и прописано на билете —
до рассвета и снова стоп.*

*но дорог ощутимо больше,
чем отмерено тебе лет,
жизни линия станет тоньше
и однажды сойдет на нет.*

*и тогда, между тьмой и светом,
сделав выбор полжизни до,
ты глазами увидишь лето
и вкусишь от его плодов.*

Дмитрий МУХАЧЁВ

Барток

*мой город не найти на картах,
в конце времен — мое начало,
мне очень нужен Бела Барток,
чтоб эта осень зазвучала.*

*друзья, вы только не бросайте
в меня свои цветные листья:
я аутист и аутсайдер,
картина ненадежной кисти.*

*а ветви ожидают марта,
вернуть хотят сырую юность,
им срочно нужен Бела Барток —
сыграть их хрупкость и урюмость.*

*придет декабрь, заполнит вата
все щели в рамах, будет холод,
заправят уксусом салаты,
ударит в землю снежный молот.*

*но воды вырвутся на волю,
стечет с окошек зимний грим,
когда мой Барток выйдет в поле
и милый Дворжак вместе с ним.*

Иван ОБРАЗЦОВ

* * *

*Но так и есть, о Господи, вот так —
Играет музыка — безвидна и пуста,
В кустах скребется желторотый птуч.
Не смерти, Боже, жизни я боюсь.*

*И падают с листа пылинки света,
Осколки лета, августовских гроз,
Куплет о том о сем, гербарий поз
Сухих и ломких яблоневых веток.*

*И старый Бакс залает на закат,
Уткнётся мордой в розово-лиловый
Разбухший шар, и мир качнётся снова,
И слово — свет,
И снова — темнота.*

Михаил МАКСИМОВ

* * *

*Дожди и апатия —
Хочется спать и не просыпаться сутки.
Я снова в кровати
Плывущий на лодке, крест-накрест руки.
«Существование» —
существительное и не существует.
Падают камни,
Растут деревья, слова произносятся всуе.
Монеты на веки,
И не просыпаться, достойно, спокойно,
Навеки по рекам
В долины плыву, к неисчезаемым поймам.*

Елена ОЖИЧ

* * *

*Пусть не сезон урожая, но пахнет фруктовой лавкой,
Августом в самом разгаре,*

*Яблочным то есть Спасом,
Вынем когда из-под земли запасы,
Чтобы зима приятней прошла, пожалуй.
Воздух становится вкусным, как в той сушильне,*

Где подсыхает яблочная нарезка.

Летом в таких ароматах жили,

А в декабре и компот нам

как средство от всех болезней.

*Яблоко носит зимою свою рубашку,
Сшитую из контрольных, диктантов, формул,
Мама тетрадки переименовала на обертки.*

Ты развернул бумажку, наверное, вспомнил,

Как не хотел на дачу,

Как был загорелым, вертким,

Яблочком перекатным,

Чумазым чертом.

Сергей СЫРОЕЖКИН

Следуй за вычурной молью

Следуй за мной. Я знаю.

Ты знаешь, но не сознаешь.

Я знаю, ведь я — созидаю.

Когда-нибудь ты поймешь.

Когда-нибудь ты услышишь,

Как бьется в ограду снег.

Я знаю — ты Будда, Кришна

...нам нужен другой разбег.

Следуй за мной, амиго.

Такое уже не прочтешь.

Сегодня закрыта книга...

Так «Я» побеждаю ложь.

Татьяна ТАРКОВСКАЯ

* * *

Живу, как степь осенне-ранняя,

Мешая с Богом пыль и дым,

Живу на общих основаниях,

Без преимуществ перед Ним.

То в мир, то в скважину замочную

Душа — из ямки на плече.

Без преимуществ, знаю точно я.

И без имуществ вообще.

В своих наследственных преданиях

Разочарована слегка,

Живу на общих основаниях,

С прямой дорогой в облака.

Анастасия БАСЕНКО

* * *

*Мы в ответе за тех, кому причинили боль,
за тех, кто дрожал от взрывов между вдохом
и выдохом, разбираясь, холерично сводя на ноль
остатки чувств к нам, за кричащих на Бога
в его отсутствие сотни проклятий в наш
адрес.*

*Мы в ответе за них, они за себя — навряд ли,
но до боли в ответе за тех, кто не звал нас
по имени ночью, за тех, кто не прятал
себя под словами, ночами подушки не рвал.*

*Мы в ответе за тех, с кем нам было уж
слишком*

*прекрасно, чтоб не понимать, что это финал.
В любой милой сказке есть тот, кто остался
лишним.*

*В жизни и пальцев не хватит их всех
сосчитать:*

*принцесса удаляет номера ей не ставших
принцами,*

*принц выворачивает заботу с талантом на
пятъ.*

*Свет над замком включен, пора вам всем
выйти.*

*Мы танцуем под ритмы Шопена, мы красивы
в анфас.*

Мы в ответе за тех, кто в ответе за нас.

Екатерина МЕРГАСОВА

* * *

В городе полдень. Не открывай окно.

Воздух гудит. Людно — и в этом дело.

Кто-то морзаянкой где-то стучит несмело

Что-то хорошее. Толку не будет. Но

Я вот настолечко маг и волшебник. Знаю,

Если смешать все ниточки суеты,

Шум сотен шин, понижише враз цветы

И эскимо, которое чуть подтает,

Пару волшебных фраз —

ГОРОД ВОЛНУЕТСЯ РАЗ!

ГОРОД ВОЛНУЕТСЯ ДВА!

ГОРОД ВОЛНУЕТСЯ ТРИ!

Все замирает. Люди, фонтан, трамвай.

Будто ракушку с моря прижала к уху,
Слышу в ней все — полет тополиного пуха,
Крыльев бронзовки свист, реку, далекий лай,
Слышу, как снятся сны и смеются дети,
Тают в горах знакомые ледники,
Слышу, как звездно над Тихим,

чьи-то стихи,

Слышу струну, фальшивящую в куплете,
Слышу, как ты улыбаешься, глядя в окно.
Ты догадался, что это моих рук дело?
И... ОТОМРИ! Все делают шаг несмело.
Воздух гудит. Вот только уже темно.

Артемий ПАНЧЕНКО

* * *

Из моря в стакан, в черепаушку,
на крайний — в ладошки,
И жадно втирать в занесенное сажей лицо.
Оно посветлело, испачканной сделалась
плошка.
А голос все тот же — от крика
чуть-чуть с хрипотцой...

Мне снятся чудовища,
монстры и огненной пастью
Невнятное шамкая что-то,
сдувают с пути.

И ноги, и разум бессильны. Осталось упасть и
Быстрее проснуться — быстрее с дороги уйти.
Очнулся — ожог и дымят опаленные брови,
В глазах соль из моря
и высохшей ночью слезы.
Кричать? Сколько можно?!

Теряю себя и здоровье
И в этом бреду безысходно глотаю язык
От страха сказать,
обнародовать эти кошмары,
От страха уснуть и проснуться
нигде и ни с кем,
Я вроде бы чист, но внутри
безнадежно замаран,
И вертится мир на моем неродном языке.

Лидия ЧИРКОВА

* * *

День облетел. Как будто его и не было.
Деревья бросают листья, тени и сны.
Вечер. Снова лечу в тишине по небу я
И обнимаю тучи былой весны.

Корчится корень: дерево соки вышло.
Потом обрубили ствол, чтобы строить дом.
А под землей продолжается жизнь невидимо,
Так же как память в сердце живет моем.

Завтра не будет. Сегодня приходит раньше.
Только сейчас эти стрелки и циферблат.
Только дышу. Остальные фрагменты фальши
Снова во мне превращаются в листопад.

Елена ГРИГОРИЧЕВА

* * *

Наблюдая за тем, как закат догорает летом,
Я плела полотно из обрывочных слов и истин.
Я сложила в карман все, что стало бы

верным ответом

На вопросы твои, ограничившись
взглядом лисьим.

Наблюдая за вальсом листьев
в любимой чашке,
Я вертела слова колыбельных,
не узанных миром.

Часть меня, торопясь, вопрошала,
где счастье наше,
Еще часть ускользала с прозрачным
чашечным дымом.

Наблюдая за циклом смены сезонов природы,
Так похожим на циклы твоих и моих ресурсов,
Рисовала на стенах пейзажи,
на душах — аккорды

И шептала с намеком:
«Всегда не любила трусов».

Наблюдая во след уходящих, до дрожи близких,
Высекала на сердце портреты.
На вечную память.

Это больно — терять.
Но рассчитаны были риски.
Это крест тех упертых,
кто не дал себя исправить.

Наблюдаю за тем, как закат догорает летом.
Я плету полотно из своих
недосказанных мыслей.

Собрала я все то, что бы было
хорошим ответом,
И сложила на верхнюю полку
и дальше пылиться.

Елизавета КАРАЧЕНЦЕВА

* * *

Мы замерзли в степи, занесенные снегом.
Мы погибли вчера, не доехав до дома.
Уходи, белладонна, закрытая книга,
Ведь еще одного своего человека
На плечах, через годы, в волшебные дали,
Я нести не смогу. Уходи, Эвридика,
Все прочитано, спето и выжито нами.
Уходи по заросшей змеиной тропе,
Уходи. Я теперь оставляю тебе
Старый школьный пенал, мамин сонник и боль.
Закопай ее ночью на том пустыре,
Где мерещится город в небесной заре,
Если бродит в крови алкоголь.

В ТЕ САМЫЕ ДНИ, КОГДА АЛТАЙСКИЙ КРАЙ ПРАЗДНУЕТ СВОЙ 80-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ, ИМЕЕТ СМЫСЛ ОТМЕТИТЬ И ЕЩЕ ОДНУ КРУГЛУЮ ДАТУ: 75 ЛЕТ НАЗАД ОТКРЫЛАСЬ ОДНА ИЗ МНОГИХ ДРУГИХ СЛАВНЫХ СТРАНИЦ ИСТОРИИ КРАЯ – В СЕНТЯБРЕ 1942 ГОДА СЮДА ПРИБЫЛИ В ЭВАКУАЦИЮ АРТЕКОВЦЫ И ПРОВЕЛИ ЗДЕСЬ ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА, КОТОРЫЕ ОСТАЛИСЬ В СУДЬБЕ КАЖДОГО ИЗ НИХ, МОЖЕТ БЫТЬ, НЕ ОЧЕНЬ РАДОСТНОЙ, НО ОЧЕНЬ ЯРКОЙ ВЕХОЙ. НЕЗАБЫВАЕМОЙ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ.

Наталья Юмашева

ИСКОРКИ АРТЕКОВСКИХ КОСТРОВ

СОРОКОВЫЕ РОКОВЫЕ

*Благодарим судьбу! Военным лихолетьем
Ты нас свела в единую семью.*

*В «Артеке обрели тогдашние мы дети
Приют, тепло, родную мать свою.*

Алексей Диброва

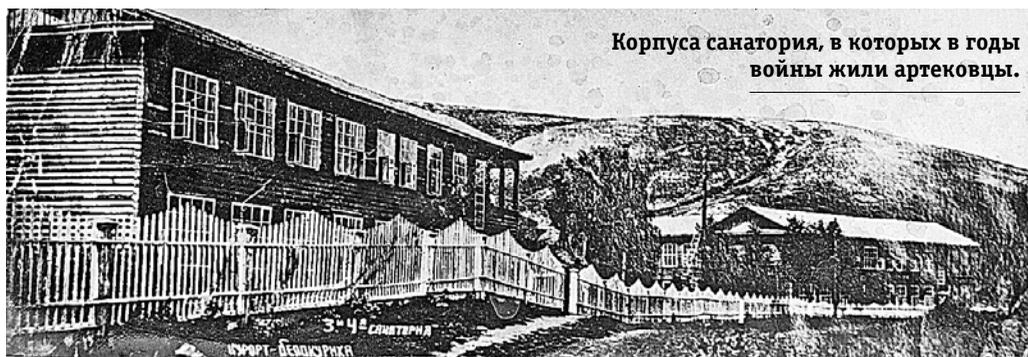
В июне сорок первого линейки открытия смен во всех лагерях, входящих в состав «Артека», были запланированы на вторую половину месяца. В лагере «Суук-Су» торжественное открытие должно было произойти двадцать второго июня. Но уже с утра в лагере стояла какая-то тревожная суэта, некоторые девочки плакали. И только ребята из Эстонии не могли понять, в чем дело. Эстонская республика всего год как вошла в состав Советского Союза, и в июне сорок первого в «Артек» приехала самая первая в истории делегация оттуда, ребята даже не очень хорошо умели говорить по-русски. Поэтому даже когда они слышали передающееся взволнованным шепотом слово «война», не поняли, в чем дело: такого слова не было в их лексиконе. Делегацию сопровождала студентка Таллиннского Педагогического института Нина Храброва, которая должна была все время пребывания эстонских ребят в «Артеке» работать там вожатой, чтобы облегчить своим подопечным вхождение в непривычную для них атмосферу пионерского лагеря, помочь с преодолением языковых барьеров. Кто бы знал тогда, что роль заботливой наставницы, роль старшей сестры ей придется играть не месяц, а целых четыре года!

А литовская делегация и вовсе прибыла в «Артек» только двадцать второго июня. Уже

несколько часов шла война, по крымским дорогам шли войска, а приближавшиеся к «Артеку» ребята радостно махали солдатам из окон автобусов и пели веселые песни, думая, что происходят какие-нибудь учения.

Торжественную линейку 22 июня отметили, и «Артек» постепенно начал пустеть: пионеры с Кавказа, с Урала, из Средней Азии, Сибири, из европейской части России разъезжались по домам. А ребятам из Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, с Украины ехать было некуда: на территории этих республик уже шли сражения. Однако сотрудники лагеря всеми силами старались отвлечь ребят от грустных и тревожных мыслей. Марите Растекайте, впоследствии ставшая актрисой Вильнюсского театра, пишет, что они целыми днями купались в море, катались на катере, разучивали пионерские песни, – одним словом, дни проходили вполне беззаботно. А вот ночами приходилось нести дежурство: по четыре человека дежурили на башне у берега, следили, чтобы никто не проник в лагерь с моря. Однако и эти дежурства воспринимались почти как игра. Но фронт приближался, опасность была совсем не игрушечной, и детей решили из «Артека» вывезти. Первым местом эвакуации стало Подмосковье. Около трех сотен детей, начальник лагеря Гурий Григорьевич Ястребов, врач и четверо вожатых прибыли на станцию Сходня, в санаторий «Мицери». Но надолго там не задержались, потому что и там уже становилось небезопасно – «Артек» перебрался на Дон, в станицу Нижне-Чирскую.

Практически с первых дней кочевой жизни артековцы приспособились со всеми бытовыми проблемами справляться самостоятельно: девочки постарше взяли на себя

Корпуса санатория, в которых в годы войны жили артековцы.

кухонные заботы, мелкий ремонт, а потом и пошив одежды. Мальчики занимались работой, требующей физических сил: принести воды, наколоть дров, позже научились запрягать лошадей и даже быков. На Дон приехали как раз к сбору урожая, поэтому сразу же начали помогать расположенному поблизости колхозу. Обеспечивали лагерь овощами и фруктами, но большую часть собранного урожая отправляли на фронт, надеясь, что этим помогут бойцам бить врага, и война хотя бы чуть-чуть поскорее закончится.

Но пока конца войны ничего не предвещало, и в ноябре артековцы перебрались в Сталинград. Становилось все холоднее, начальник «Артека» с трудом раздобыл зимнюю одежду – бушлаты, шапки. Все это было гораздо большего размера, чем нужно было ребятам, потому что девочки под руководством вожатой Тоси Сидоровой открыли швейную мастерскую, в которой укорачивали, ушивали, переделывали.

Между тем Сталинград уже готовился стать тем легендарным Сталинградом, который вошел в историю как место решительных кровопролитных боев, выезжали артековцы из него уже под бомбежкой. Все лето прошло в переездах, по дороге от уже сплоченного коллектива «Артека» отъединились литовцы и латыши: правительства этих республик организовали для своих ребят лагерь на Урале. А остальные двести пионеров и шестеро взрослых к сентябрю добрались до Алтая.

САМАЯ ДОЛГАЯ СМЕНА

*Тополя здесь белокурые,
Меж камней журчит река.
Здравствуй, чудо – Белокуриха!
Мы к тебе издалека.*

Алексей Диброва

11 сентября 1942 года артековцы приехали в Белокуриху – курортный поселок в живописнейших алтайских горах. После грязных теплушек, дорожных мытарств истинным откровением были белые скатерти в столовой, яркие букеты цветов на столах, полноценное горячее питание. Когда вече-

ром зажгли свет, кто-то по привычке воскликнул: «Светомаскировку забыли!» Размеренная тыловая жизнь, без бомбежек, без стонов раненых в госпиталях казалась фантастическим сном еще и благодаря буйству осенних красок, степенному величию древних гор – тому небывалому пейзажу, внутри которого вдруг оказались перенесшие немало испытаний дети.

Впрочем, Белокуриху артековцы поразили не меньше, чем она их. В сентябре на Алтае уже прохладно, а пионеры приехали в белых блузах и легких голубых брюках, но своим видом они вызвали отнюдь не чувство жалости и желание согреть продрогших ребятишек – выгрузившись из привезших их грузовиков, они прошагали по Белокурихе парадным строем, с развернутым знаменем и барабаном. Поэтому ощущение чего-то сказочно небывалого было не только у них, но и от них.

В Белокурихе артековцы наконец начали учиться, в течение целого года до этого вожатые старались заниматься с ребятами, добывая для этого книжки, выкраивая время, но занятия были крайне несистематичными. Здесь же ребята пошли в школу, местные жители, оказавшиеся с ними за одними партами, до сих пор вспоминают, что артековцы все, как один, отличались каким-то особенно ответственным отношением к учебе, серьезностью и пытливостью. За ними невольно тянулись и все остальные. А местные жительницы до сих пор не забыли, какое впечатление на них произвели тогда прически эстонок, которые, несмотря на перенесенные дорожные тяготы были элегантно и никак не походили на незатейливые косички деревенских девчонок.

Артековцы разместились в третьем корпусе белокурихинского санатория, который чудодейственной водой местных источников исцелял «от сорока болезней», но в войну, конечно же, перестал работать. Но пусть слово «санаторий» не введет никого в заблуждение и не вызовет в воображении представление о комфортабельных номерах. Римма Дмитриевна Мягких (которая тогда была Риммой Корешковой и училась в одном классе с несколькими артековцами) вспоминает, что зимой артековцы ходили в

валенках, а галош у них не было. И потому, когда весной начинало подтаивать, валенки промокали, а условий для того, чтобы их просушить, в «номерах» не было. Температура же там была такая, что к утру валенки примерзали к полу, и, собираясь в школу, владельцы валенок должны были прежде, чем надеть, отодрать их от половиц.

Но эти трудности были несопоставимы с тем, что уже пришлось пережить. Нина Храброва в своей книге воспоминаний пишет, что вожатые обрадовались тому, что эта относительная стабильность дала возможность заняться пионерской работой. У начальника лагеря Гурия Ястребова установка была очень четкой: во-первых, в такое тяжелое время лагерь не должен висеть на шее у государства, потому пионеры трудились, и не только обеспечивали себя продуктами, дровами, одеждой – в сорок третьем они написали письмо Сталину, отрапортовав, что перечислили на строительство боевых машин заработанные ими на уборке урожая средства – сто тысяч рублей. Во-вторых, Ястребов был уверен, что каждый день у ребят должен подчиняться строгому распорядку, и все время от подъема до отбоя должно быть наполнено творческой, познавательной, трудовой деятельностью, потому что свою задачу начальник лагеря видел не только в том, чтобы сохранить детей живыми и здоровыми, но и в том, чтобы воспитать их активными гражданами своей страны. А кроме того, постоянная занятость чем-то значимым, созидательным помогала отвлечь детей от грустных мыслей о доме, о родителях, оставшихся на оккупированной территории. Несмотря на то, что жизнь артековцев на самом деле была насыщенной и яркой, вожатые то и дело заставляли то одну, ту другую девочку всхлипывающей украдкой. Да что девочки – уроженец Полтавщины Алеша Диброва получил уже на Алтае письмо от старшего брата, из которого узнал, что брату с отцом удалось эвакуироваться, потому что они перегоняли, уходя от линии фронта, колхозное стадо. А мать с самым младшим братишкой никакого народного добра не спасали, потому остались на захваченной территории. Жуткие картины того, как могла сложиться их судьба, вставали в воображении взрослого уже, по сути дела, юноши, и он никак не мог совладать с собой. Сколько же надо было душевного тепла и мудрости вожатым – этим тоже, в сущности, еще совсем молодым людям, тоже оторванным от родных, чтобы круглосуточно, без выходных и отпусков быть самыми близкими – самыми добрыми, понимающими и справедливыми – для двух сотен подростков.

Однако для советского государства «Артек» оставался всемирно знаменитым пионерским лагерем, который должен был оставаться центром пионерской работы и в таких суровых условиях. И помимо двух сотен детей, постоянно находившихся на

попечении совсем небольшого числа взрослых, с 1 марта 1943 года «Артек» начал принимать пионеров на краткосрочные смены. Только за десять месяцев сорок третьего года в «Артеке» побывали 787 человек помимо его постоянных обитателей. Большинство из них получили путевки в прославленный лагерь в качестве награды. «Алтайская правда» в сорок четвертом писала про нескольких подростков, награжденных путевками в «Артек»: Вася Находкин в колхозе «Юный пролетарий» зарекомендовал себя как отличный конюх. «Его лошади всегда улитанны, несмотря ни на какую работу. Это результат заботливого ухода за конем». Миша Смирнов из колхоза имени Урицкого и Шура Воробьев из колхоза «Труд Ленина» на вывозе зерна выполняли норму на 120-130 процентов.

Нина Храброва вспоминает о том, что путевки доставались тем, кто нуждался в усиленном питании и лечении. «Новеньким» назначался в большом количестве витамин С и рыбий жир, помимо трехразового питания – дополнительный усиленный завтрак. В дневнике начальника лагеря скрупулезно фиксировалось, как ребята прибавляли в весе: «Ребята, приехавшие в марте 1943, прибавили в среднем до 2 килограмма 400 граммов, следующие заезды – 1800 гр., 2200, летом и осенью соответственно – 2800 и 3300. В декабре снова 2100».

Но и этим заботы артековских вожатых не исчерпывались. Нина Храброва однажды получила телеграмму, в которой она от имени Эстонского правительства назначалась уполномоченной по Алтайскому краю по сбору средств на танковую колонну «За советскую Эстонию». Сказать, что эта телеграмма вызвала растерянность – значит, ничего не сказать. Вместе с коллегами-вожатыми Нина нашла выход: под ее руководством ребята из эстонской делегации подготовили концерт художественной самодеятельности – с национальными танцами, песнями. К эстонским ребятам присоединились и их друзья из других мест. Аккомпанировал выступавшим на баяне Алеша Диброва, отлично прочувствовавший медлительную ритмику эстонской музыки. Готовя своих воспитанников к выступлению, Нина боялась: вдруг белокурихинцы не пойдут на платный концерт – лишних средств ни у кого нет. Однако опасения были напрасными: клуб был переполнен, зрители горячо аплодировали и требовали повторения. Таких концертов было несколько, и результатом их стало не только то, что артековцы отравили собранные средства и получили телеграфную благодарность от эстонского правительства, но и то, что долго еще потом на улицах Белокурихи можно было услышать мелодии эстонских песен, напеваемые местными жителями.

Помимо этих нескольких платных концертов, артековцы показали белокури-

хинцам и множество бесплатных, провели немало мероприятий, запомнившихся зрителям. Римма Дмитриевна Мягких вспоминает, что ее однажды пришли пригласить на костер ее подруги-артековки, а семья Риммы как раз делала кизяки на колхозной овчарне. Мама не хотела отпускать дочь:

надо кизяки делать, раз дали такую возможность. Тогда девчонки засучили повыше свои голубые штаны, сняли белые кофточки и взялись за станки. Быстро освоили нехитрую науку и распредели обязанности: кто топтал навоз, кто накладывал, кто таскал. Много и быстро наделали кизяков, потом купались, отмывались в речке, и Римма отправилась с ними в небольшой лог на левом берегу реки Белокурихи, на костер, который показался ей самым чудесным представлением из всего, что она только видела.

Но как бы не оживили артековцы жизнь провинциального поселка, какие бы теплые отношения не сложились с белокурихинцами, общей радостью было расставанье, поскольку вызвано оно было самыми радостными событиями, которые только можно придумать – освобождением родных мест ребят. Уже летом сорок четвертого начали понемногу разъезжаться ребята, за которыми приезжали нашедшие их родители. 12 января сорок пятого из Белокурихи уехала последняя группа артековцев.

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

*... И вот уже поиск начат,
Трудности на пути,
Но девиз пионеров –
Шагать всегда впереди*

*Письма летят отовсюду,
Из разных республик, краев,
Пишут нам взрослые люди –
Каждый помочь нам готов...*

Люда Меркушева

... Готовясь к полувековому юбилею, который «Артек» собирался отпраздновать в 1975 году, прославленный лагерь решил обзавестись собственным музеем, где бы хранились свидетельства всех его достижений и свершений. Неожиданно выяснилось, что четыре военных года – почти абсолютное белое пятно в истории лагеря, потому что, безусловно, задачи в эти годы стояли гораздо более важные и сложные, нежели запротоколировать и заархивировать все происходящее. В поисках информации о том времени руководство обратилось, в том числе, и в Алтайский краевой комитет комсомола...

Елизавета Львовна Квитницкая, руководившая в краевом дворце пионеров штабом пионерского актива «Искорка», на одно из заседаний штаба пришла с письмом, пришедшим на Алтай из «Артека», и просто и

Корпуса санатория, в которых в годы войны жили артековцы.

незатейливо предложила своим подопечным найти всех артековцев военной поры.

Елизавета Лювовна была человеком мечтательным и не всегда умеющим отличить мечту от реальности, ну а юным пионерам-активистам и вовсе сложно было представить масштабы предполагаемой кампании.

И полетели сотни – нет: тысячи! – писем в обкомы и крайкомы партии, в горисполкомы и советы народных депутатов, в республиканские, областные, городские, районные газеты, в адресные столы Эстонии, Молдавии, Украины, Белоруссии... Редко сразу же удавалось найти чей-то адрес, в ответ на подавляющее большинство писем приходили ответы: разыскиваемый вами гражданин не числится, не известен, не прописан... Но иногда на полях официального бланка адресного стола обнаруживалась запись от руки, сделанная, видимо, в порыве помочи азартным поисковиком: «По словам соседей, переехал в такую-то область...». И вновь пачки писем по новым ориентирам.

Потом, когда в распоряжении ребят появились первые имена и адреса бывших артековцев – еще сотни писем им с просьбой поделиться воспоминаниями о военном «Артеке» и сообщить сведения о товарищах по эвакуации. Кто-то присылал точные адреса друзей, а кто-то – лишь ориентиры: кажется, такой-то живет в таком-то городе, а такой-то переехал в такую-то область... И вновь запросы в паспортные столы, и вновь ожидание ответов... Во время каникул штабисты съездили в Белокуриху, пообщались с местными жителями, которые учились вместе с артековцами в школе или работали в эвакуированном лагере, узнали у них много подробностей артековского военного быта, новые фамилии и ориентиры, вновь написали письма и запросы...

Собравшись несколько лет назад на чай к Елизавете Львовне, бывшие пионеры с былым воодушевлением вспоминали, как

жили этим поиском, как ждали и искали каждую крупную информацию.

Ольга Петровна Морозова, сейчас профессор педуниверситета, а тогда – командир штаба, со смехом рассказывает, как они со Светланой Костылевой (будущим режиссером Александринки) в десятом классе решили поехать в Рубцовск, где жил исследователь-краевед Клим Севастьянов, тоже собиравший материалы по истории эвакуированного в Белокуриху «Артека»:

– Елизавета Львовна ничего не знала, а дома мы сказали, что едем со штабом. В дороге нас обокрали, мы голодные, без денег, как-то все-таки нашли Севастьянова. Видимо, он нам дал денег, потому что как-то же мы вернулись в Барнаул. Приходим победителями – мы же привезли материалы! – а Елизавета Львовна выстраивает весь штаб и объявляет: Морозова и Костылева исключаются из штаба. Это был такой удар! И не только для нас, все сначала онемели, а потом поднялся протест, и нас отстояли – убедили Елизавету Львовну. Но мы основательно прочувствовали, как мы были неправы!

Елизавета Львовна вспоминает, что то и дело поздно вечером ей домой звонили родители, переживавшие за до сих пор не вернувшегося домой сына или дочь. И неизменно слышали в ответ: не волнуйтесь, значит, кому-то из «Искорки» пришло очередное письмо. Каждое новое письмо сообщало какие-то новые подробности жизни артековцев в Белокурихе, которые хотелось обсудить, новые адреса или намеки на них, которые вызвали к жизни новые планы, новые перспективы... Потому ребята собирались вечером у кого-нибудь дома, читали письма вслух, горячо обсуждали. Людмила

Артековцы на улицах Белокурихи.
Зима 1942 г.

Геннадьевна Ковалькова, сейчас учитель сорочковой гимназии, а в семидесятые пионерка Люда Гусар, говорит, что она с друзьями повторила судьбу артековцев: пионеров сорочковых сплотила война, а их ровесников в семидесятые сплотил поиск:

– Это было настоящее братство, такая святая дружба, которая в сердце на всю жизнь осталась. Я три года жила в ощущении абсолютного счастья: я просыпалась с улыбкой, я приходила домой только ночевать, потому что у меня была куча дел и в штабе, и в школе. Я знала, что есть эти люди, любимые, дорогие, и это наполняло жизнь таким замечательным смыслом!

Ее мысль продолжает Ольга Морозова:

– Когда мы искали артековцев военной поры, у нас было ощущение, что они нам сродни. И когда мы с ними встретились, у нас было чувство, что мы их давно знаем, что с ними прошло наше детство.

Материалы, собранные «Искоркой», большой посылкой были отправлены в «Артек», заняли достойное место в его музее. Елизавета Квитницкая и Ольга Морозова были занесены в артековскую Книгу почета... Но, наверное, не в этом главный результат работы. Некоторые артековцы военной поры поддерживали отношения друг с другом, переписывались, но, конечно же, у большинства связь с друзьями прервалась. И в письмах, обращенных к «искровцам», наряду с воспоминаниями и адресами были просьбы сообщить другие адреса, которые уже нашли ребята. Пионеры семидесятых помогли восстановить дружбу пионерам сорочковых.

Будучи как-то в Горном Алтае, под большим камнем на берегу Катуня ребята спрятали значок «Искорки» – такой, как носил каждый из них, – в знак вечной и верной дружбы. Чтобы спустя много лет вновь всем собраться на этом месте.

Невольно напрашивается параллель с артековской историей: перед отъездом из Белокурихи тогда, в сорок пятом, собравшись на свой последний костер, пионеры взяли с собой по угольку как символ того, что никогда не забудут друзей и прожитые вместе непростые военные годы. Один такой уголек, переданный Елизавете Львовне Квитницкой через шестьдесят лет после того памятного костра, хранится среди других материалов об «Артеке» в музее «Мир детства».

ВПЕРЕД – В ПРОШЛОЕ!

*Голубоглазая эстонка
И флегматичный белорус
Поют, как в молодости, звонко, -
Могуч и крепок наш союз!*

Алексей Диброва

Дружба артековцев военных лет, возрожденная благодаря барнаульским

школьникам, не ограничилась перепиской. В сентябре 1984 года в Барнаул приехали четыре десятка убеленных сединами людей, которые называли друг друга Лешками и Мишками, напоминающая друг другу, радостно рассказывали про детские шалости, чувства, мечты... Впрочем, про своих детей (и даже про внуков!) тоже рассказывали. Здесь артековцы встретились с учениками двух школ, которые по сравнению с другими школами города послали в «Артек» наибольшее число своих представителей. Ими оказались пятьдесят пятая и сорок вторая.

Учительница пятьдесят пятой Римма Дмитриевна Мягких в детстве жила в Белокурихе и училась вместе с артековцами. Директор школы, зная об этом, попросила ее что-то подготовить к мероприятию. Та разучила со своими семиклассниками песенку, которую помнила с детства:

*Везут, везут ребят,
Машины встречные гудят.
— Куда везете столько человек?
Прохожий смотрит вслед,
И слышит он в ответ:
— В «Артек»! В «Артек»!*

А в день встречи стояла у окна в лестничном пролете, смотрела на входящих в школьный двор, поднимающихся по школьному крыльцу людей и с волнением узнавала в них друзей детства. Расчувствовалась так, что хотела отказаться от выступления. Наконец пришла очередь артековской песни. В школе никто не смог подобрать аккомпанемент к нехитрой, казалось бы, песне, а всеобщий любимец, баянист Алеша Диброва – тогда уже директор школы на Полтавщине Алексей Петрович Диброва – мигом сориентировался и подыграл ребятам. А когда в разволновавшейся учительнице гости узнали свою одноклассницу Римму, радостно окружили, стали расспрашивать, обнимать, а потом пошли большой компанией к директору просить, чтоб та отпустила Римму Дмитриевну с ними в Белокуриху.

Белокуриха неделю жила встречей с желанными гостями. Когда в городском клубе начался торжественный вечер, все желающие не смогли вместиться в зал. Этот вечер его участники вспоминают и сейчас с невольными слезами. Неподалеку от того места, где раньше стояли старые корпуса санатория, давшие приют артековцам, был торжественно открыт памятный камень, увековечивший роль Алтайского края в судьбе всемирно известного детского лагеря.

Однако на этом история не закончилась. Так сложилось, что музей «Мир детства», который Елизавета Львовна Квитницкая возглавляла до конца своей жизни, и редакция газеты «Сами» располагались буквально в соседних кабинетах Барнаульско-

го городского детско-юношеского центра. При неутомном характере Елизаветы Львовны это соседство не могло не оставить следа. Вместе с Елизаветой Львовой самисты побывали в Белокурихе, изучили и переработали все материалы, хранившиеся в ее музее, и в 2011 году на средства гранта Губернатора Алтайского края была издана книга «Артек» на Алтае». Несмотря на годы, тяготы и болезни, с этой книгой Елизавета Львовна, безмерно радовавшаяся ее выходу, побывала, кажется, во всех школах города, а уж в музеях-то точно во всех.

Но история не заканчивается и на этом. Мы же помним, что основную часть собранных ими материалов искровцы отослали в «Артек»! В 2015 году в «Артеке» прошел первый международный медиафорум, делегация газеты «Сами» поехала туда не как рядовые участники – именно представителям алтайской газеты, пользующейся авторитетом в среде детско-юношеской журналистики, было поручено возродить не издававшуюся несколько лет артековскую газету и выпустить во время медиафорума первый номер обновленного издания. Но несмотря на столь важную миссию самисты нашли время и силы поработать в артековском музее и тщательно отсканировать, откопировать и офотографировать все то, что смогли там найти, связанного с эвакуацией на Алтай. Частично эти материалы были опубликованы в спецвыпуске газеты «Сами», ну а частично – ждут, когда придет пора издать новую книгу о связи «Артека» и Алтая.

Связь эта не рвется, и осенью 2017 года Алтайский край ждет прибытия памятного артековского знамени. Международный детский центр создал это знамя для того, чтобы увековечить страницы военной истории «Артека» в честь 75-й годовщины эвакуации. Знамя это уже побывало в Подмошье, на Дону, в Волгограде. Конечной точкой эстафеты станет Алтайский край.

ТРУДНО ОБОЙТИСЬ БЕЗ ЭТИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ АВТОРОВ, ГОВОРЯ О ПОЭЗИИ АЛТАЯ. «СВЯЗАНЫ» — НЕУДАЧНО СКАЗАНО, НО ТОЧНЕЕ СКАЗАТЬ СЛОЖНО. СЛИШКОМ У ВСЕХ ПО-РАЗНОМУ. РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОДИЛСЯ НА АЛТАЕ И БЫЛ УВЕЗЕН МЛАДЕНЦЕМ, НО ВЕРНУЛСЯ К НАМ ЧТЕНИЯМИ И ПРЕМИЕЙ СВОЕГО ИМЕНИ... А ИВАН ЖДАНОВ АКТИВНО УЧАСТВУЕТ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КРАЯ. И ВСЕ РАВНО ОНИ ВСЕ — НАШИ.

80 поэтов Алтая: ПОЭТИЧЕСКИЕ ЗЕМЛЯКИ

Михаил БОРИСОВ

Со мною любо-дорого
Играют в перегляд
Калина да черемуха —
Алтайский виноград.
Я вижу за протокою,
Хотя в Москве живу,
По-прежнему широкую
Степную синеву.
А там, на этом пологе,
Как праздничный наряд,
Калины да черемухи
Огнем живым горят.
Они за далью дальнею
Не раз напоминают мне
И юность беспечальную,
И свет в родном окне.

Александр ЕРЕМЕНКО

Когда наугад расщепляется код,
как, сдвоившись над моментальным проходом,
мучительно гений плывет над народом
к табличке с мигающей надписью «Вход»!

Любые системы вмещаются в код.
Большие участки кодируют с ходу.
Ночной механизмик свистит за комодом,
и в белой душе расцветает диод.

Вот маленький сад. А за ним — огород.
Как сильно с периодом около года
метала черемуха за огородом,
большая и белая, как водород!

Иван ЖДАНОВ

Когда неясен грех, дорожке нет вины —
и звезды смотрят вверх и снизу не видны.
Они глядят со стороны на нас,
когда мы в страхе,
верней, глядят на этот страх,
не видя наших лиц.
Им все равно, идет ли снег нагим
или в рубахе,
трещат ли сучья без огня,
летит полет без птиц.
Им все равно, им наплевать,
в каком предметы виде.
Они глядят со стороны, колющий сея свет,
и он проходит полость рук,
разомкнутых в обиде,
и возвращается назад,
но звезд на месте нет.
Они повернуты спиной,
их не увидишь снизу.
И кто — скажите мне — хоть раз
подняться выше смог,

чтобы увидеть, как течет
не отсвет по карнизу,
не тень ручная по стене, а вне лица упрек?
Как эти звезды приручить,
известно только Богу.
Как боль неясную унять,
понятно только им.
Как в сердце черном возродить
любовь или тревогу?
Молчат. И, как перед собой,
пред небом мы стоим.
И снег проходит нагишом,
невидим и неслышим,
и продолжается полет
давно умерших птиц,
и, заменяя звездный свет,
упрек плывет по крышам,
и я не чувствую тебя, и страх живет
вне лиц.

Ольга РОДИОНОВА

а я теперь ничего не помню —
ни теплых дней, ни живых огней.
моя любовь ковыляет по небу,
но я уже не слежу за ней.
она малиновым цветом мажет
на темно-синем и золотом,
она мне машет, она мне машет
драгоценным своим хвостом,
своим оранжевым, желтым, рыбкиным,
цареубийственным, золотым —
прореха в памяти, дырка, рывтина,
моя царапина, мой алтын.
воображаемая принцесса,
покройся корочкой, не боли,
мы шли да шли по краю процессии,
мы дошли до края земли.
там блесна самолета в облаке

над китайской стеной песка.
о, мое чудовище обло,
как стозевна твоя тоска!..
алтын мой нищий, мое сокровище,
потеря памяти, забытье...
мои ладони и веки все еще
соленые, как море твое.
ну а как им не быть солеными?
царским золотом на крючке —
воображаемый самолет на
воображаемой ниточке.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Мы совпали с тобой,
совпали
в день, запомнившийся навсегда.
Как слова совпадают с губами.
С пересохшим горлом —
вода.
Мы совпали, как птицы с небом.
Как земля
с долгожданным снегом
совпадает в начале зимы,
так с тобою
совпали мы.
Мы совпали,
еще не зная
ничего о
о зле и добре.

И навечно
совпало с нами
это время в календаре.

ЛЕОПОЛЬД ЦЕСЮЛЕВИЧ УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ 24 ИЮНЯ ЭТОГО ГОДА В ВОЗРАСТЕ 79 ЛЕТ, НЕ ДОЖИВ ДО 80-ЛЕТИЯ МЕНЬШЕ ДВУХ МЕСЯЦЕВ... МНОГИМ ЭТОТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК ИЗВЕСТЕН ПРЕЖДЕ ВСЕГО СВОИМИ ГОРНЫМИ, ЧЕМ-ТО НАПОМИНАЮЩИМИ РЕРИХОВСКИЕ ПЕЙЗАЖАМИ. НО МОЖНО И НУЖНО ВСПОМНИТЬ ЕЩЕ ОДНОГО ЦЕСЮЛЕВИЧА — УРБАНИСТА, МНОГО И С БОЛЬШОЙ ЛЮБОВЬЮ РИСОВАВШЕГО БАРНАУЛ.

Алексей СМЕЛЬЦОВ

ЛЕОПОЛЬД ЦЕСЮЛЕВИЧ И БАРНАУЛ

Леопольд Романович Цесюлевич родился в 1937 г. в Риге. Там же окончил Академию художеств. Отслужив в рядах вооруженных сил, последовал совету Юрия Рериха и вместе с супругой переехал в Барнаул. Здесь и работал всю жизнь, стал дважды заслуженным художником России. Он много занимался общественно-просветительской деятельностью, был одним из основателей Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая, инициатором создания картинной галереи в Алтайском государственном университете. Много работал с молодежью как наставник и более того — Учитель, с большой буквы.

Особо скажем о «рериховском следе» в его творчестве. Мы вспомнили о нем, как вспоминает каждый, кто видел картины Цесюлевича, не случайно. Тут связь прочная, в хорошем смысле идейная. Цесюлевич много лет посвятил исследованию алтайского этапа Центрально-Азиатской экспедиции Николая Рериха. Благодаря ему в Верх-Уймоне в 1974 г. была установлена мемориальная доска, посвященная пребыванию там экспедиции Рериха. Перевел с латышского языка автобиографические книги поэта и философа, председателя Латвийского общества Рериха Р.Я. Рудзитиса. Не случайно в некрологе, написанном Сибирским рериховским обществом, прямо говорится: «Высокообразованный, собранный,

глубоко любящий искусство и красоту, он с честью пронес по жизни заветы семьи Рерихов, всегда стремился следовать их примеру. Из этого и состояла вся его большая трудная жизнь. Он сам стал достойным примером для тех, кто был рядом, кто с ним соприкасался».

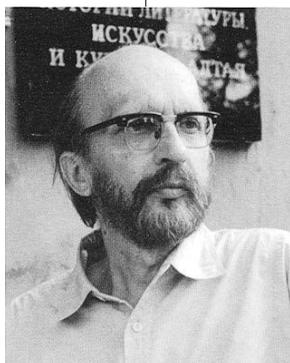
Но главное — он рисовал. Искусствоведы отмечали, что «в своих произведениях он воплотил синтез русской и западноевропейской школ.

Полотнам художника присуще чувство современности, соединенное с обращением к историческому прошлому, стремление к эпичности и монументальности. Опираясь на реалистические и постимпрессионистские тенденции, часто переплетающиеся с символизмом, он создавал обобщенный, романтически окрашенный образ мира, в котором ведущее место принадлежит человеку, его духовному началу и созидательной деятельности».

«Идеологическая» направленность видна и в работах художника, посвященных Барнаулу (некоторые из них вы найдете на цветной вклейке нашего журнала). Не случайно привлекательной темой для художника была деревянная архитектура Барнаула конца XIX — начала XX в. Она пропитана духовностью, в этих деревянных узорах художник словно читает какое-то послание высшим силам и нам, потомкам. Это изображения (хочется сказать «портреты») и бывшей женской гимназии Марии Будкевич, и домов Александра Лесневского и братьев Шадриных. И, разумеется, как нечто особо дорогое для мастера — не сохранившееся до наших дней здание гостиницы «Империал», в котором в 1926 г. останавливался Николай Рерих.

Но не пренебрегал мастер и современностью, более того, он стремился одухотворить и ее. Искусствоведы особо отмечают пастельные работы художника, относящиеся к концу 1960-х — началу 1970-х гг., посвященные Барнаулу. В них он передает свои реальные впечатления. «Отдельные дома, новые застраиваемые улицы города, люди, изображенные свободными, динамично нанесенными линиями, стремительными росчерками, контрастами и столкновениями пятен, отражают обостренность чувств мастера», — пишет о нем Елена Дариус.

Леопольд Цесюлевич прожил долгую, достойную жизнь Мастера, Творца, служителя высокой Культуры. Для него все эти понятия не были пустым звуком...

Леопольд Цесюлевич (1937-2017)

«Октябрьская площадь», 1978 г.

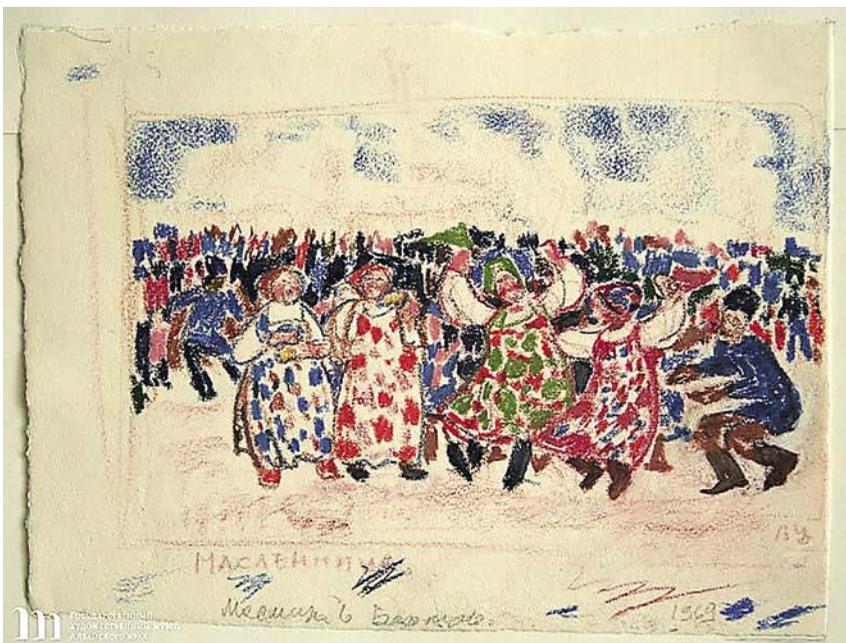
«Терема», 1978 г.

«Старый базар в Барнауле», 1968 г.

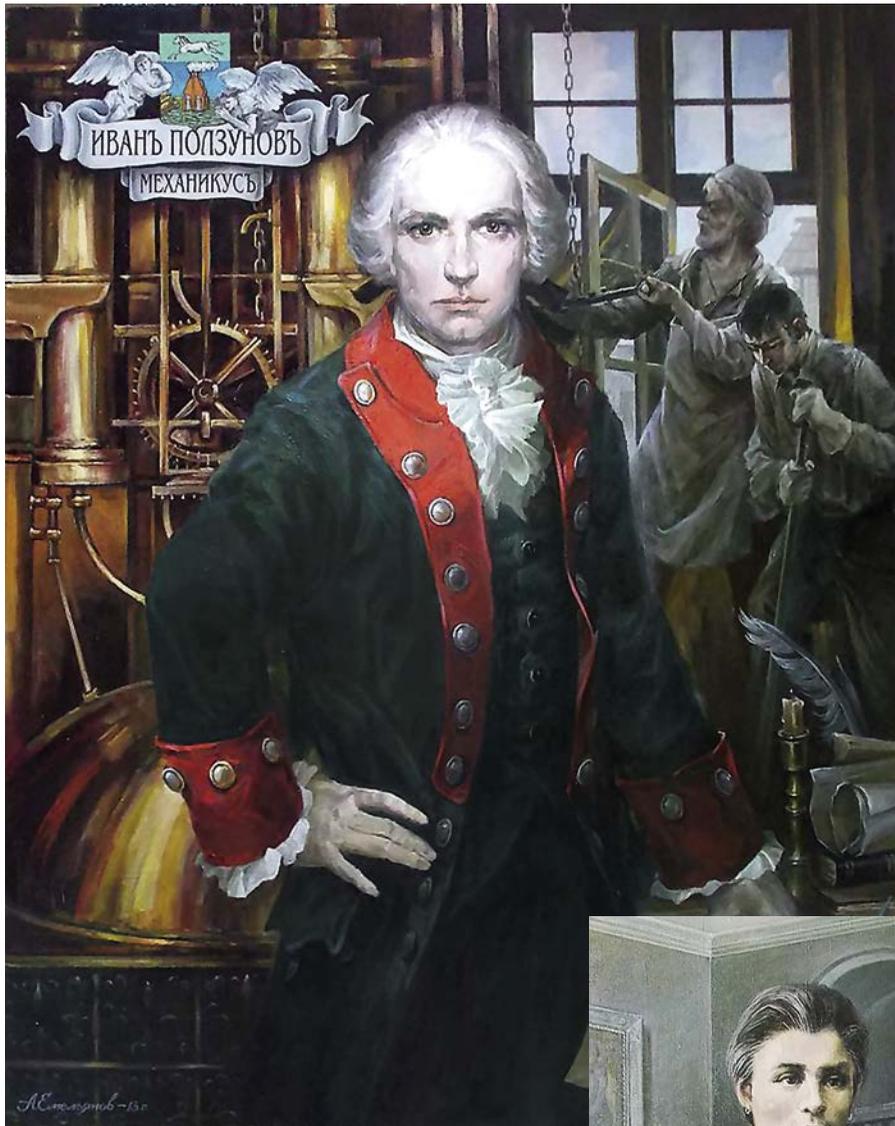

**«Гостиница «Империял»
в Барнауле
в свои лучшие годы»,
2005 г.**

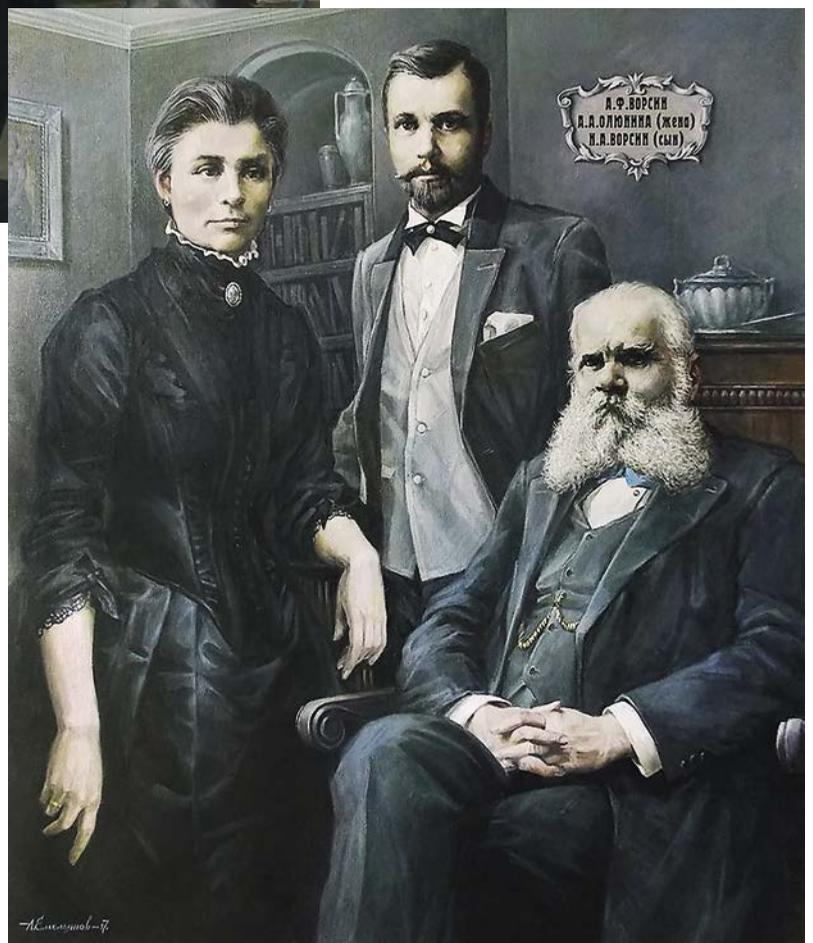

**«Масленица
(у ДК «Химиков»».
1969 г.**

Портреты Александра Емельянова

Портрет
И. И. Ползунова.
Х., м. 125 x 100. 2014 г.

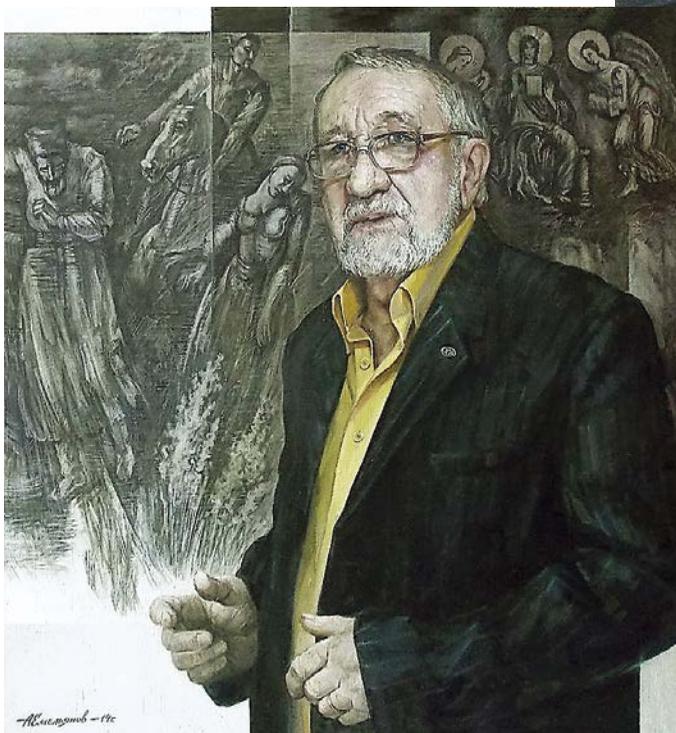
Семейный
портрет Ворсиных.
Х., м. 2017 г.

*Портрет Роберта
Рождественского.
Х., м. 85 x 80. 2014 г.*

*Портрет
Валерия Золотухина.
Х., м. 85 x 95. 2014 г.*

*Портрет художника
Ю. Кабанова. Х., м. 87 x 80.
2014 г.*

Михаил ГУНДАРИН

#ПЕСНИЦОЯ

БЕЗДЕЛЬНИК

1.

Тихоглазов был классическим бездельником. Он родился и вырос на проспекте Ленина, некотором местном подобии Тверской и Кутузовского проспекта одновременно, в семье знаменитого П-ского прозаика. Квартира была, правда, всего лишь трехкомнатная, но ее расположения и папиного статуса вполне хватало, чтобы Тихоглазова в детстве считали центровым парнем. Конец 1970-х уже показывал нам грядущие признаки демократического разложения, смотрите, мол, в оба — да кто бы разглядел!

Всю свою жизнь Тихоглазов удачно демонстрировал различные способы ничегонеделанья, наиболее адекватные каждой из эпох. Почти десять лет он был студентом исторического факультета. Так и не окончил, кстати. Потом работал в заводской многотиражке. Потом торговал в магазине аудио- и видеокассет своего приятеля-нувориша. Потом трудился ночным сторожем — а потом и вовсе ушел с работы. Жил тем, что сдавал две из трех комнат родительской квартиры с видом на памятник Ленина. Одну комнату постоянно, передавая из рук в руки, снимали компании каких-то тувинцев, алтайцев ли, прочих малых народов. Одни съезжали. Другие заезжали. Человек по пять, а то и по десять. Ну, не китайцы все-таки. Соотечественники. И платили вовремя. Хотя, конечно, ни на кухню, ни в ванную выйти было невозможно.

Зато другую комнату снимал тихий старичок, мистик Кривошеев. Он в свое время был самым первым в городе астрологом, долго вел персональную рубрику в местной газете, имел частную практику. Затем астрология потеряла актуальность, да и сам Кривошеев отказался от нее ради более интересных и глубоких опытов.

Жил он на одну пенсию, ему вполне хватало. Хватало и Тихоглазову, особенно после того, как он перестал пить. Просто надоело. Наркотики его тоже обошли стороной — поколенчески. И как-то полюбил он две вещи: лежать в своей, самой маленькой комнате на узкой, подростковой еще кровати (на века делали) и мечтать о пустяках. В комнате также стоял письменный стол, пара стульев и три шкафа, два книжных и платяной. Шкафы и стол были еще прежней, сталинской, закалки и выглядели вечными. А главное, книги — те же, которые он, к огромной зависти прочих одноклассников, имел уже в детстве. Жюль Верн и Вальтер Скотт, Конан Дойль и, конечно, «золотая рамка», библиотека приключений.

Ему жилось на самом деле хорошо. Куда лучше тех, кто добывал сущие гроши в офисах, магазинах, классах. Им даже мечтать было некогда. А ему — пожалуйста. Мечтал он частично о вещах бытовых, пустяковых, частично — о несбыточном. Ну, например, скорее бы уйти на пенсию (было ему 50 с небольшим) и тратить деньги или копить по своему усмотрению. Тувинцев выселить, а то и Кривошеева. Быть самому хозяином — хотя, спрашивается, кто за квартиру платит будет?

Из разряда несбыточного ему хотелось (как хотелось и в детстве) стать человеком-невидимкой. Конечно, в детстве эти мысли были применительно к негласному посещению женской бани (во дворе, теперь сауна). Или к тайному заимствованию денег у отца. Сейчас он бы просто поклонялся по миру (если бы к невидимости прибавилась еще и вездесущность). Хорошо было бы также попасть на машину времени и оказаться в прошлом. Накупить золота или акций «Газпрома». Или махнуть в Питер, на улицу Рубинштейна, пообщаться с Виктором Цоем (его Тихоглазов как-то особенно выделял из всей этой рок-братии).

2.

Иногда они пили чай с Кривошеевым. Старик, зорко поблескивающий из-под седой кустистой брови быстрым глазом, образ жизни Тихоглазова не одобрял.

— Ты ж молодой, ты ж активным должен быть. Будь я твоих лет, у, я бы такого натворил!

Тихоглазов лениво пожимал плечами. Кривошееву он не верил, над его мистикой посмеивался. Кривошеева это задевало, как и намерение выселить его из квартиры (об этом Тихоглазов говорил не раз, но скорее в шутку). Однако до поры до времени он помалкивал. Только ворчал иной раз что-то под нос.

— Если ты ничего не делаешь физически, ты мог бы постигать законы Абсолюта. Медитировать для начала. Иначе твое поведение просто преступно. Я вижу, что ты хочешь этого и сам. Ты хочешь слияния, соединения с Вечным. Ну подтверди, не упрямясь.

Тихоглазов продолжал ухмыляться.

— Ладно, — горячился Кривошеев, — перейдем к конкретике. С кем бы ты хотел, так сказать, слиться, принять облик и постичь суть? Не вытеснить обитателя материальной оболочки, но поселиться к нему? Из исторических я имею в виду личностей? Даже умерших?

— Сталин, — говорил Тихоглазов назло.

Кривошеев всплескивал руками:

— Ну ты не можешь хотеть этого, это же каприз. Ну ты прямо ребенок! А серьезно? Вот хотя бы с твоим любимым Виктором Цоем?

— Цой — нормально, — сказал, подумав, Тихоглазов.

— Отлично! — сказал Кривошеев торжественно. — Я тебе это устрою.

3.

В один из осенних вечеров Кривошеев позвал Тихоглазова к себе в комнату. Там царил мистический антураж. На шатком столике, покрытом красной скатертью, горело несколько свеч в замысловатом порядке. Пахло непонятно, но явно чем-то мистическим.

— Садись, — сказал Кривошеев, одетый в некое подобие халата со звездами, и даже в колпаке. — Вот на этот Треножник Люцифера.

Тихоглазов сел на нечто, напоминающее стул от материнского пианино, хитро задрапированный в портьерный бархат.

— Выпей вот это и поклянись хранить молчание.

Тихоглазов взял деревянный кубок (под хохлону, но с налепленными поверху рунами — из конфетных золотинок), понюхал. Пахло приятно, какими-то анисовыми каплями. Жидкость была тяжелой, зеленоватой.

— Все будет по твоей первой мысли. Как только ты осушишь сей фиал, постарайся контролировать себя. Хотя, наверное, это бесполезно, адепты учатся этому долгие годы. Но ты постарайся не размениваться на пустяки. Там, например, миллион рублей или здоровые почки.

— А можно? — заинтересовался Тихоглазов.

— Но не нужно, — парировал Кривошеев. —пей.

Тихоглазов глотнул, потом в два приема допил до дна. Жидкость стекала в горло, как шелк. Но достигнув чего-то в его организме и словно затвердев в одну секунду, вдруг превратилась в острый кинжал. Тихоглазов скорчился от жуткой боли. Потом он почувствовал что его разрывает на части, причем с двух сторон: нечто огромное входило ему в рот (вроде бутылки шампанского дном вперед) и такое же — в задний проход. Но крови не было.

Он не мог говорить, только смотрел на мистика с ужасом. Потом тот растаял в облаке серого тумана. Потом растаяло все. Освободившийся дух немедленно слился с сонмом себе подобных и понесся вокруг земли, а впрочем, и вокруг столбового времени. Они побывали в женской бане тихоглазовского детства, видели Виктора Цоя, лежащего пьяным в каком-то подъезде (при этом его дух соседствовал и содружествовал с тихоглазовским — собственно, им и был), видели президента России, побывали у тихоглазовской матери в мире мертвых — она только отмахнулась от бывшего сына, как, собственно, делала и при жизни.

Тем временем довольный мистик тащил тело Тихоглазова в его комнату под недоуменные взгляды тувинцев, всем отрядом идущих в ванную. Он намеревался уложить его на кровать, поить, кормить по минимуму, пользоваться жилплощадью.

Кроме того, он кое-что кое-кому обещал — по мелочи: кончик левого уха и ноготь с мизинца Тихоглазова.

КУКУШКА

1.

Папа гневно нависал над дядей Колей, как экскаватор над малолитражкой или как слон над Моськой. Твердил одно и то же, но с такой интонацией, что широкоплечий, квадратный, вечно перепоясанный на несколько раз ремнями кобуры под пиджаком или легкой курткой (как сейчас) дядя Коля ежился и сжимался.

— Что? Что? А? Что?

— Да не могу понять... Павел Петрович, ну правда, мистика какая-то...

— Мистика?! Да я тебя...

Пришла тетя Таня, увела с веранды.

— Пошли, книжку почитаю про Новый год...

— Да сейчас же лето.

— И что, про Новый год читать нельзя?

Он задумался. Не то, чтобы нельзя, но какое-то нарушение порядка тут существовало. Как-то неправильно было слушать про Новый год среди буйной зелени, лезущей даже в окно его комнаты на третьем этаже.

— Сукин кот, — хрипло сказали большие часы-башня около лестницы. — Бумм. Ку-ку.

Почитать толком не удалось. Тетю Таню позвал кто-то из obsługi — «Павел Петрович просили», — она пошла вниз, нервно щелкая пальцами. Дурная привычка, за которую ему-то бы влетело по полной. А ей нечего.

Он навалился на подоконник, стал смотреть в открытое окно, как по участку, между сосен, неизвестно для чего бродят люди из их охраны во главе с дядей Колей.

— Собаку! Собаку привезли! — крикнул возбужденно кто-то невидимый. Все побежали за дом, к воротам, которые отсюда было не разглядеть. Ох, как хотелось туда. А невозможно. Если только незаметно, проскользнуть как-нибудь, как ниндзя...

Но тут вошла тетя Таня, сдерживая то ли слезы, то ли визг (видел и то и другое), с красными пятнами на щеках.

— Продолжим, — сказала она хрипло и откашлялась. — Давай, ну ты чего.

2.

— И ведь в третий раз за две недели, — закончил Павел Петрович, стукнув кулаком по тяжелому дубовому столу.

Сидели в столовой. Высокий человек, по габаритам чистый шкаф, слушал, кивал. Его напарница все записывала в дорогой блокнот. Павла Петровича словно выворачивало изнутри. Еле сдерживался. «Частные детективы. А Танька экстрасенсов хотела... Дожили».

— А что говорит сам ребенок?

— Да ей же всего два года, она и говорить не умеет толком... Тетя, дядя, кис-кис — все такое...

— И все-таки? Хотя бы — тетя или дядя?

— Да тетя вроде... — неохотно сказал он. — И мама еще. Это она всем так говорит. Скучает, что ли.

— Никаких угроз, я понимаю, не было....

— Да какие угрозы! — не выдержал он — Причем тут это! Ребенок пропадает из запертого дома, полного обслуги! Няньки, повара, охранники — не протолкнешься! И средь белого дня! С участка под охраной, забор три метра. Мышь не проскользнет!

Шкаф пожал плечами.

— Если честно, тут удивительнее всего не то, как и откуда она пропадает, а как и откуда возвращается...

— Как-откуда, — передразнил Павел Петрович. — Чего гадать? Татьяна вон тоже: мистика, привидения... «В зловещий час, когда кукушка кукует, а дети исчезают...». Зачем детективов, экстрасенсов, мол, зови... Бред, бред!

— Татьяна, то есть Татьяна Сергеевна, как понимаем, ваша жена?

— Ну, скажем так.

— Мать ребенка — вернее детей — умерла полтора года назад, девочка ее, конечно, совсем не помнит... Как Татьяна Сергеевна относится к ребенку?

— К детям, — уточнила напарница.

— Прекрасно относится. У них полный контакт. Ну, в смысле, она их любит, все такое.

— А они ее?

— Да кто ж сказать может. Одной — два, другому — пять, как понять-то? Нормально все. Я Татьяну вообще из темы исключаю. Вы, кстати, следы искать будете? Собаку использовать? Время-то идет.

Большая собака, лежащая у входа, потянулась и зевнула.

— И до этого дойдет, — успокаивающе сказал шкаф, — еще несколько вопросов. Ваш сын как-то комментировал ситуацию? Говорил что-нибудь по поводу исчезновения сестры?

Павел Петрович краснеет.

— Ну да. Говорил. Глупости. Давайте хотя бы этого ребенка втягивать не будем. Это мое твердое слово, понятно?

3

Кукушка пропела три раза. Скоро надо будет возвращаться. Так не хотелось. Мама была как солнце. Но не жгучее. Ее ладонь накрывала голову, как панамка. Хотелось лимонада и мороженого, но не очень сильно. Сильнее — побить здесь еще.

Мама улыбается. И вдруг какой-то голос, словно очень издалека, словно сквозь какую-то вату говорит: «Это не мама! Беги! Это обман!».

Мама перестает улыбаться.

«Беги!» — не унимается голос.

4.

С верхней лестничной площадки прекрасно видно, как женщина с большой собакой, за ней огромный мужчина (будто папа и дядя Коля вместе) и мрачный папа ходят по дому. Где не видно — слышно, как топают и сопят папа. Все остальные (и собака) передвигаются молча.

Потом все подходят к часам.

— Часы, — зачем-то говорит мужчина. — Да?

Женщина кивает. Даже собака кивает и садится, глядя на огромные, в три детских роста часы.

— Вы пистолет-то спрячьте, — говорит большой человек папе. — Вызывайте скорую, срочно.

Большой подходит к часам, резко дергает огромную резную дверцу, за которой ходят страшные гири на длинных цепях. Собака негромко — даже неожиданно тихо для своих размеров — тявкает. Что там происходит — не видно, но ясно и так.

Поднимается страшная суета. Откуда-то берется ужасно много народа. Кого-то несут в спальню первого этажа.

— Очень просто, — говорит живой шкаф папе, схватившемуся за голову, как-то странно рыча, — ребенок задыхается или умирает от наркотиков, их дают, чтобы вел себя смиренно, не звал на помощь и не убежал. Потом тело тайно выносятся вон, например, ночью... Вот вам и мистика.

— Танька... — рычит папа.

Видно плохо, но спускаться вниз как-то не вовремя.

— А мне не верили, — шепчет он обиженно.

Тетя Таня его тоже туда прятала, примерялась, да он не влез. Очень жаль. Там так весело, хотя немного страшно.

— Тетя Таня! Тетя Таня! — кричит он, чтобы рассказать об увиденном.

Но никакой тети Тани уже давно не было.

ПРОГУЛКА РОМАНТИКА

1.

Копытов закончил свою карьеру молодого поэта, так «Дебюта» и не получив. Кое-чего он все-таки добился: два шорта, три лонга. Знающие люди говорили, что после двух шортов вероятность возрастает неимоверно; значит, ему просто не хватило времени. Номинировали его (до уровня лонга доходил почти всегда) на полдюжины других премий, поменьше, да попроще. В «Эмигрантской лире» дошел до финала (там местных тоже пускают). Ну, само собой подборки в «Знамени», «Дружбе народов» — по одной, в «Дне и ночи» целых четыре, но это почти не считается. В коллективных подборках публикаций, что называется, без счета. Две книги в небольших московских издательствах, известных среди своих. Ездил веселой компанией в Шанхай. Еще более веселая и перспективная компания ездила в Лондон, но его вычеркнули в последний момент. Из-за неполученного «Дебюта», конечно.

Ну и вообще — провинциалов, конечно, обижают. Надо было перебраться в столицы, но Копытов, увлеченно мотающийся по стране, ее фестивалям и тусовкам (да и на паре мелких слэмов он победил!), об этом как-то не думал. Он как-то даже устал одно время от поездок, хотелось посидеть спокойно, отдохнуть. Ну вот — теперь можно отдыхать до пенсии.

Внезапная пустота и тишина его не столько расстраивали, сколько озадачивали. Как-то в один момент кончилось все, чем он жил десять лет. И, главное, новое никак не могло начаться.

2.

Его литературные товарищи и конкуренты из числа сверстников тоже как-то поутихли. Копытов понимал, что это всего лишь пауза, такая остановка в пустыне, и скоро все опять начнется. Ну нет, не все, конечно, и не так, как бывало, но скучать снова не придется. Надо подождать немного, укрепившись духом. Продолжать писать, попробовать прозу, пьесы. Как делали некоторые, и вполне успешно. Но пока в основном с прицелом на то, чтобы развернуться позже.

Кто-то, конечно, из паузы выходить не собирался — сдулся, или, другими словами, получил от юности все, что хотел (впечатления, заряд энергии), теперь намеревался тратить полученное. Эти растворились в мире, как соль. Но также с возможностью рецидива. Некоторые уехали за границу, как бы учиться в тамошних аспирантурах, по сути же — начинать новую жизнь. Некоторые перешли на коммерческое писательство, сценарии оказались выгодным занятием. Но тут точно нужно быть поближе к студиям и головным телевизионным офисам.

Копытов сам не понимал, как застрял в провинции, на шее у родителей. При необременительной должности в детском образовательном центре, вроде по специальности, не канавы копать, но за три копейки. Пробовал общаться с местными литераторами — не получалось.

Старики советской еще закваски только злобно и бессильно шипели на него, как и на все вокруг,

впрочем. Отгеснившие их бодрые пенсионеры уже нового призыва опасались в Копытове конкурента по части дележки скудных грантов и субсидий местных властей, потому и решительно не пускали на порог. Ровесники, оставшиеся в П-ской литературе все эти годы, смотрели на него с завистью и злорадством. Молодежь, которой, казалось бы, пристало видеть в нем, литературном, в общем-то, удачнике, образец для подражания, дичилась. Школьники средних классов, которых Копытов учил писать стихи, были малограмотны и туповаты. Лучшие из них пытались подражать авторам хип-хопа, остальные — уныло переключивали Пушкина и Есенина. Копытовских стихов, вообще поэзии его поколения они просто не понимали. Не считали это стихами, точнее.

Родители не вдавались в траекторию его судьбы, предпочитали радоваться, что единственный сын живет с ними, помогает иногда по хозяйству, даже вот на дачу летом ездит. Ну не часто, конечно, а кто из молодежи часто, скажите на милость.

3.

Но вот как раз когда он остается один, раз в месяц примерно, он устраивает себе настоящий праздник. Так скромно, по-дауншифтерски, к тому же «в одного», но душевно и бескомпромиссно.

Покупает за маленькие деньги бутылку водки местного производства, пакет яблочного сока, запасается льдом и несложными закусками. Делает себя коктейль в пивном бокале — приз с какого-то слэма. Льда побольше. Но это все не главное. Музыка важнее.

На стареньком, но вполне годном ноутбуке ставит на всю (небольшую) громкость один и тот же плейлист. Песни его детства и юности. От Цоя и «Нирваны» до «Сплина» и «Оазиса». Как хорошо! Может, и все дело в возрасте? Постарел он, может? Это же случается неожиданно и, если верить классикам, всегда и со всеми.

Так он пьет первый пол-литровый стакан целый час. Тут важно не подливать. Первая партия делается в такой пропорции: один к десяти. Алкоголя минимум.

Второй бокал пропорцию меняет. Смешиваем примерно один к четырем. Бережем сок, чтобы на третий хватило. Продолжаем слушать музыку. Но меняем пластинку. Пусть звучат современники. Вот, например, стильные девичьи группы, их сейчас немало. Это вам не «Ночные снайперы».

В этом времяпрепровождении, конечно, есть рисовка, и Копытов прекрасно видит, что к чему. Но так как стихов он временно не пишет, такую нарочитую приверженность к ритуалам, такой выплеск творческой энергии в сферу конструирования напитков и плейлиста вполне можно считать актом творения. И акцией тоже.

Продолжаем заниматься акционизмом. Третий бокал намешиваем в равных пропорциях. Это уже серьезно. Ну, не хардкор, конечно, чего нам только не приходилось пить на тусовках-то, хоть и без особого удовольствия, но отказываться ведь было нельзя. Не комильфо, сказал бы Копытов, если бы был представителем предыдущих, куда более удачливых литературных поколений. Ну как, то есть удачливых? Не по своим заслугам, ни по чьей вине. Иначе было устроено, вот что. В жизни, в литературе. Поразмышлять об этом, можно и вслух. «Возьмите меня замуж на лето, возьмите изо всех сил» — допоеет ироничный, нервный голос и будет выключен синхронно с окончательным опустошением бокала.

Что делать-то дальше, а?

Для начала пора и бутылку допить, и музыку оборвать.

4.

Как обычно он находит решение. Он и ритуал-то свой, праздник, свою прогулку с самим собой проводит только для того, чтобы снова и снова убеждаться: все дело не в мире и судьбе, а в том, что ему, Копытову, просто не пишется. Ну, это ведь не приговор, это только пока. А потом все начнется снова. А потом прекратится. А потом начнется опять.

Заканчивая прогулку, Копытов выходит на балкон родительской хрущевки. Пятый этаж. Лето еще в начале. Жары нет. Хороший вечер. Молодая, незапыленная зелень. Он закрывает глаза, что сделать совсем нетрудно, сами закрываются. Стоит с закрытыми под ветерком. Небольшой город П. зажи-

гает огни. Можно было бы сказать, что оттуда, снизу, на него с укоризной смотрят городские нимфы и дриады, фавны и музы. Мол, отчего же ты нас не замечаешь, не пишешь о нас, нами не вдохновляешься.

Но это неправда. Для него ничего такого не существует. Копытов останется здесь жить навсегда, а писать так и не начнет. Он сам это чувствует, но как-то не решается поверить, что такое возможно. А уже следовало бы.

ТРОЛЛЕЙБУС

1.

— Это все восьмидесятые годы, — сказал, уныло вздохнув, генерал и нервно погладил себя по макушке. Он был почти лыс, и лысина эта блестела прямо как отполированная, в отличие от большинства других, виденных Ивановым в жизни, умеренно матовых, как бильярдный шар. Более того, лысину покрывали редкие пряди волос, переброшенные слева направо. «Внутренний заем» — вот как называли это во времена, которые Иванов, в принципе, еще помнил. Генералу стоило побриться наголо, придало бы мужественности и моложавости. Лысина его явно старила. А ведь он был куда моложе Иванова.

— Согласно, Сергей Алексеевич? — Иванов неопределенно качнул головой: какие там генерал мог помнить восьмидесятые годы! В детском саду, что ли?.. — Я поясню мысль: тогда разрушилось что-то, что разрушаться было не должно. Какой-то монолит, какая-то внутренняя связка. Струна лопнула с таким звоном, что и сейчас тошно. Ее бы ослабить или натянуть, исправилось бы дело, да вот не сумели. Предательства было много. Во всех смыслах — и, так сказать, философском, и прямом. А посмотрите на культуру того времени, которую, честно говоря, так и хочется назвать упадочнической, депрессивной... Вообще как будто наша планета, ну, ее советская часть, влетела в отравленный пояс. В облако мелких бесов, нацепляла их на себя и летит дальше...

Он сделал паузу.

— Ну и поколение, которое тогда сформировалось. Начало жить — и как?! Говоря откровенно, дрянь на дряни. Я не про вас, конечно, Сергей Алексеевич. Вы ж понимаете. Для них предательство стало чем-то естественным. Ну еще бы, говорят они, при нас столько истин было повержено, столько монолитов размолото, святынь низвергнуто, что куда уж нам самим устоять!

— Ну и что там ваш Шаболинский? — спросил он внезапно. Собственно, чтобы еще раз дать понять: сказанное выше не к Иванову вовсе, а к его подследственному и относится.

— Думаю, начнет сотрудничать. Прямо сегодня — да вот, уже сейчас, наверное — придет его адвокат. Жду, что через него предложение последует.

— Сколько докажем?

— Климентьеву, думаю, от миллиона, Серову, может, и от трех.

Генерал посмотрел на Иванова снизу вверх. Он, естественно, и не подумал предложить подчиненному садиться. Сверху, через генеральскую голову, на Иванова без какого-либо выражения смотрел Путин. Сбоку — со своей вечной презрительной полухмылкой, вполоборота — Держинский.

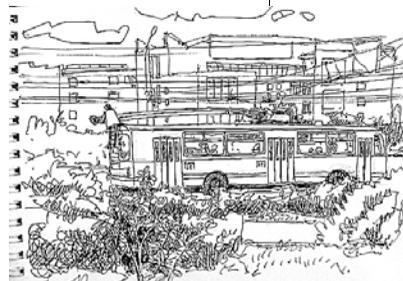
Это был то ли пятый, то ли шестой генерал за годы ивановской работы в управлении. Последний, надеялся он. Закончить с Шаболинским — и хватит.

— А вы присаживайтесь, Сергей Алексеевич, я еще вам хочу кое о чем сказать.

Вот это было уже хуже. Он сел на крайне неудобный стул.

— Я, знаете, когда пришел в управление и стал знакомиться с личными делами, прямо удивился вашему. Вы как-то сильно в глаза бросааетесь. Вышепаетесь среди мелколеся, подобно, извините, корабельной сосне. Работаете дольше всех руководителей подразделений. Пережили пятерых начальников управления. Имеете огромное количество поощрений, успехов и удач. Я попросил навести дополнительные справки, узнал про вашу собственность, или спрятанную вами, но неглубоко, как-то нарочито неглубоко — и удивился еще больше. Оказалось, и «смежники» интересуются вами...

И вот только тут Иванов наконец-то все понял. Заговорил его генерал,

усыпил. Мастер. Новое поколение, теперь они, видно, по этой части. А он устарел, конечно. Ну, сука, Шаболинский. Не думал, что осмелится.

Все проще простого. И так Иванову стало тоскливо от меченых долларов в портфеле адвоката, который, поди, уж в приемной, от дюжих «смежников», готовых к нарочито грубому выламыванию рук с видеофиксацией (да уже напихавших новых, модных приборов, о которых он и понятия не имел, в его кабинет). От ждущей его мрачной камеры (а у него ведь клаустрофобия). Всей этой шумихи и позора. И он потерял сознание.

2.

Наверное, на полминуты. Генерал, вероятно, ничего не заметил. А он оказался в каком-то сыром и сером лабиринте, между плохо оштукатуренных, облезших стен старинных зданий без окон. Серое небо звучало им в унисон.

Именно что звучало — непрерывной, тонкой нотой, адским зуммером. Той самой лопнувшей струной.

Издали по мрачной улице приближалось облачко, внутри которого хватался за бока, извивался, прямо ухохатывался представитель выявленной генералом породы мелких бесов. Увы, Иванову он был знаком очень хорошо. И с тех самых восьмидесятых.

Вот в него, Иванова, курсанта, прикрепленного к милицейскому патрулю, с размаха летит финка рецидивиста. Вот его десять лет спустя вывозят в лес и ставят на колени, интересуясь судьбой денег, которые он должен был передать, да не передал. Вот еще почти десятилетие спустя на горном серпантине отказывают тормоза его новой машины.

Машина и все прочее, чему удивлялся генерал, тоже оттуда. От него, появляющегося каждый раз — вовремя.

— Ну что, — закричало существо издали, — попался? А? Ой, умора, вот умора... Да не бойся так-то, неприлично даже и веришь ли — зря! Зря боисься! С тебя саечка за испуг, а ложный вызов будет учтен и зачтен, не сомневайся...

Отсмеявшись, он исчезает.

3.

— Ты понял, чем я рискую? — сказал генерал драматическим шепотом, почему-то переходя на ты.

— Так точно, — пробормотал Иванов. Так значит...

— Тогда знаешь, что делать сейчас и что потом.

«Делиться», — думает Иванов, а вслух бормочет: — Разоблачать провокацию, демонстрировать и предьявлять...

— А что сидишь тогда? Беги! Пять минут у тебя максимум, мать-перемать! Скажи спасибо, что мы с тобой в одном троллейбусе. И не забывай об этом!

Он поднялся со стула и кое-как выполз в коридор. Ну, этого генерала, из новых, ему точно не пережить.

СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ

1.

Мы все видели, что у Ромки Ярцева на душе большая обида. Он, конечно, не говорил ничего, всегда сохранял мрачноватый такой вид, возился со своим небольшим трактором, не обращая внимание на мазутные пятна, расцветающие на его смуглом мускулистом теле. А, пожалуй, и специально подставлялся под тяжелые, черные капли, это дизельное мумие, чтобы покрасоваться перед нашими женщинами. Скидывал-то ляжку фирменного комбинезона, обнажаясь по пояс, явно для этого. Да, вел себя как все симпатичные, молодые еще, тридцатилетние красавцы «из простых». Но обида была. И это нас со временем стало смущать.

В то жаркое лето мы видели его особенно часто. Ремонтировали большой насос, подновляли здание администрации нашего поселка, меняли довольно большое количество звеньев ограды. Ну и как обычно — отвезти-привезти-помочь.

Ромка и домой почти не уходил, разве что уже за полночь, благо жил он в крайней к нашему поселку избе. Выглядевшей не блестяще, но лучше, конечно, чем соседские.

Хоть деревня от города в десяти километрах, а все равно глушь, безрабо-

тица, да паленая водка. Может, и хуже, что так близко. В город отсюда можно не то, чтобы уехать, но и уползти. Вот и уползли, кто мог. Ромка остался чуть ли не единственным парнем — молодым мужиком — работоспособным и вменяемым.

Вот шоссе в город, последний километр идущее по деревне (участок сделан на наши деньги), вот наше КПП. А слева Ромкина и его матери изба под серым шифером с крашеными бог знает когда окошками. Мог бы и пластиковые окна вставить, конечно, хотя бы из тех, что менял на новые у нас. Мог бы цветным сайдингом (массово убираемым уже и с наших сараев) стены подновить.

Но не хотел. Не интересно было это ему. Возможно, общаясь с нами, он себя частью нас и чувствовал. Понятная, простительная иллюзия. Так было все три года, которые он работал в «Синем лесе». А вот до этого... И правда, где он был до этого? Кто его обидел?

Вопросы не праздные. Люди у нас тут особенные. Враждебных глаз и ушей нам, как говорил наш активист полковник Романенко, «нэ трэба».

Да что тут, я сам видел — солнечный, прямо жарчайший день, хочется укрыться в любой тени или вовсе сбежать под кондиционер. А он ни с того ни с сего остановит свой маленький трактор посередине поселка и сидит повесив голову. Обижается. И ведь не пьян, хотя, как в этой деревне и положено, родня вся утоплена в алкоголе до отдаленных колен.

Сперва это смущало, потом стало тревожить. Вернее, так: мы готовы общаться со всеми. Мы снисходительны, мы добры. Готовы простить многое. Увлечение наших женщин такими, как Рома, тоже. Но всему есть пределы!

2.

Дом у Романенко, может, и не самый роскошный, хотя мы давно перестали делать какие-либо выводы по этому поводу. А вот баня, пожалуй, претендует на роль лучшего сооружения в своем роде. Нравится это дело человеку, так и пусть. На последней неделе августа мы собрались на третьем этаже этого сооружения, в так называемой японской зоне. Отделано все тут каким-то необычным камнем, ну и прочая обстановка с национальным колоритом.

Романенко нам сказал:

— Мужики, с понедельника за рулем нашего трактора изменения. Надежный человек, мой прапорщик, выслужил свое — к нам теперь. Обращайтесь. Безотказный дядька.

Помолчали.

Потом полковник довольно эмоционально стукнул ладонью по столу из какого-то черного дерева:

— Ну кто б мог подумать! Как оно все вышло!

Оказывается, Романенко своими силами и по собственной инициативе выяснил, что было у Ромки на душе. Все элементарно, даже слишком. (Я, возможно, был даже разочарован). Он — всего-то! — не любил наши порядки и ненавидел нас. Считал, что когда-то давно все пошло не туда. Именно тогда, когда появились мы. Или мы и появились потому, что случилось нечто нехорошее.

По словам Романенко, он рассказал Ромке, как скучна, сера, бедна была жизнь его деревни, города рядом, всей страны в те далекие времена. Серые однотипные здания. Очереди, озлобленные лица, бедные одежды. Фактически голод и нищета. Атмосфера агрессии, разлитой повсюду. Алкоголики на улицах. Шпана в подворотнях. Жалкие потуги местной богемы и чиновничьей аристократии подражать Западу. Безнадежность, полный тупик. Вечный ноябрь. Солнечные дни в этот город и в эту страну принесли мы.

Ромка-то ведь тогда был младенцем. Кто-то ему наговорил и подговорил — подкрадываться к нам. Выждать до поры. С такими взглядами ему было, конечно, тяжело. И не так он был опасен нам, как мы были опасны ему. Ничего не сделал, может, и не задумывался еще, но мог сделать каждую секунду. Или сам, или по команде откуда-то неоткуда. (Романенко намекнул, что знает больше, но мы не расспрашивали.) Поэтому хорошо, что его больше не будет.

Собственно, и изба Ромкина сгорела.

3.

А я вот в тот вечер, уже у себя на веранде, задумался. Странно мыслил этот тракторист, какими-то эпохами. Обобщениями. Как в старом учебнике «Новейшая история». Помню такой, с черно-белыми картинками.

Для него все было слишком просто — мир делился на до и после нашего появления. Для любого из нас эти тридцать лет делились на множество микровеков, каждый из которых открывал новую страницу. В каждом из которых проходило такое движение, что мы все могли моментально становиться и трактористами, и полковниками, и миллионерами, и министрами. И белыми, и «черными», и «серыми». И разбойниками, и сыщиками. Менять участь в течение чуть ли не одной недели.

И мы все были разные. Сам термин «мы» был неправильным. Разнообразие и конкуренция. Победы и неудачи.

В общем, это была настоящая жизнь — для нас. А для Ромки — воображаемое. Конструкт его, алкоголика в третьем поколении, сознания. Потому и крылась опасность в самом столкновении Ярцева с вымышленной им самим же реальностью. Сошел бы он с ума, непременно. «Маньяк на пылающем тракторе в элитном поселке» — написали бы в Интернете. Ненужный человек.

— А мать-старушка? — спросил кто-то из нас у Романенко, как бы в шутку.

Полковник только сверкнул глазом.

— Матерей-старушек мы не обижаем.

Ответ был неопределенный. Но мы все увидели в нем чистую правду. Правду со всех сторон и во всех возможных вариациях. Нет, их не обижаем. Они ведь все — за нас. Они просто вкусны, как ни странно. Земля полна парадоксов.

ПАЧКА СИГАРЕТ

1.

Ну вот, попал я в 1988 год. Что поразило: яркость красок, объемность изображения. Потому что за тридцать лет все в моей памяти повыцвело, стало плоским, вроде старой открытки. Лето. Стою на площади С. нашего города П., куда приходили все автобусы из соседних деревень, озираюсь.

Городок наш и в двухтысячные-то был неказистым, а в 1988-м выглядел еще хуже. «Куда коммунисты только деньги девали», — деланно удивлялись остряки-либералы все тридцать лет, когда видели строящиеся (все-таки) жилые дома, банки, а особенно супермаркеты. На заводы и массовую застройку, вот ответ. Но и правда, на площади С. пыльно, асфальт разбит, безобразно разросшиеся кусты закрывают полуразрушенную церковь — то ли склад, то ли бывший ведомственный клуб. «Порубят вас, — мысленно говорю кустам, — лет двадцать осталось, не больше». Церковь в мое время восстановили.

Мое! Не очень-то и мое, раз я снова здесь. Там — неопределенность, бедность, одиночество. Ну и начинающаяся старость, конечно. Да ничего страшного, у других хуже, болезни, например, кто-то и не выжил, а все-таки грустно и неприятно. Нет, я то (это) время своим не считал. Ни один год девяностых, нулевых, десятых.

Вот стою в пыли 1988-го года. Автобусы из пригородов причаливают, выходят парни в белых рубашках и брюках из смесовой ткани. Некоторые, конечно, в джинсах. Многие в кепках. Каким выгляжу я в китайских кроссовках, китайских же джинсах, то ли вытертых, то ли вываренных? В черной майке с портретом робота Бендера? Может быть, даже и стилигой, модником. Деревенские идут мимо, смотрят на меня высокомерно (комплексуют). Приехали в город развлеченья, к примеру, на дискотеку. Ночью обратно. А, нет, мне же 50 лет, я весь в морщинах, полуседой, тощий как скелет, отсюда столько презрения у них. Жалок молодящийся. Таков мировой, бродячий сюжет. Может, думают, я из новых, которых развелось как раз в это время, педофилов или просто педиков? Нет, не из них.

Но что это я тут стою? Надо что-то делать.

Я ощущал ломоту, странную, тянущую боль во всем теле. Как будто разламывался на две половинки, сверху вниз. Слева — одна эпоха (старше), справа — другая, моложе. Каждая болезненная часть была словно затянута тонкой полупрозрачной пленочкой, легко поддающейся нажатию пальца. Брр.

И что мне делать? Предупредить Ельцина и Горбачёва — а стоит ли? И нереально пробиться в Кремль. Про ядерное разоружение что и мечтать. Сказать Цюю, чтобы не садился за руль «москвича» в тот роковой день? Но ведь это случится куда позже. А сейчас, не могу сообразить, он уже с Айзеншти-

сом, то есть звезда и не подступиться, или еще можно запросто? Но это же в Питере, а дотуда не добраться. В П. первый и последний раз «Кино» приедут только в 1990-м, кажется, и сразу на стадион.

И, кстати, денег у меня нет вообще. Даже копейки на газводу. Даже трех копеек на трамвай. Куда пойти? В универ, посмотреть на самого себя и свою будущую жену (впоследствии первую из бывших)? Насмотрюсь еще в будущем.

Пойти к друзьям? Золотое же время, все живы и бодры. Ироничный Слава, думаю, читает новое издание Набокова (их выходит полно, только успевай покупать) с карандашом в руках, оставляя на полях остроумные пометки. Будущий профессор-филолог, ему положено. Жовиальный Евгений или с девицей договаривается, или уже пьет пиво (то есть водку-портвейн-коньяк) на чьей-нибудь «хате». Пауль в видеосалоне (появились уже, ведь точно?), например, в ДК канифольной фабрики или Молодежном центре... Ну, с ними не все так просто, но живы же, перенесли и восьмидесятые, и все остальные... И последние полгода тоже.

Правда, что без денег-то делать? Я пошел в центр.

2

На встречах я глядел с какой-то жалостью (впервые за много лет чувствуя свое превосходство). Наивные, смешные, просто дети, если задуматься. Как там у Блока? Не помню, но что-то в этом роде. Им такое еще предстоит!

Но что я могу сделать для них? И не поверят, конечно, и не изменить ничего.

Даже воспользоваться выгодами «попаданца», о которых пишут в популярных тридцать лет тому вперед романах, не получится. Деньги советские копить? Не смешно. Золото покупать? Так оно здесь страшный дефицит, и вдобавок не поймешь, выгодно или нет. Ну, в начале 1990-х можно бизнес по компьютерам открыть... А в 1988-м что? Вступить в Общество содействия перестройки, чтобы политкарьеру при демократах сделать? Пожалуй, можно — вот точно, это можно, я там самый старый буду, уважать начнут... Через 30 лет мне будет 80, и эти годы пройдут весело, а может, и богато. В общих чертах я все помню, когда какие перемены, смогу колебаться вместе с линией истории. Но с чего начать? Теряюсь.

Уж не говоря, что всю жизнь к такого рода карьере я всегда испытывал презрение. Не поздно ли перестраиваться? О господи, тут еще и слово «перестройка» в новинку!

К родителям бы пойти. Бабушку бы увидеть. Вдруг узнают своего ребенка, как в книжках, вопреки всей логике? Вообще, на них живых посмотреть еще раз, может, хоть издали... Ну, здесь даже кошка еще жива, которая со мной с детства была, на нее тоже глянуть...

Нет, надо как-то глобальнее. Про еду, миллион вкусных намеков, раздающихся отовсюду, я старался не думать. Ну, не отъедаться я сюда прибыл. Хотя есть хотелось чертовски.

Ближе к центру стали попадаться люди, одетые примерно как я, но с другими прическами. Правда, все меня моложе. Эти поглядывали с неким уважением — мол, батя, не отстаешь от моды, молоток. Может, за иностранца принимали. Хотя тянул я в лучшем случае на поляка или чеха. На прибалта, во.

А может в КГБ пойти? В секретную какую-нибудь лабораторию? Может, они уже ведут аналогичные работы — с «попаданцами»? (И что за слово отвратительное, как все мое время, все его герои и чемпионы).

Однако в лучшем случае запрут от всех. В худшем — в психушку отправят как раз лет на тридцать, доказывая потом, что все твои предсказания сбылись. Да пусть не на тридцать, мне и года хватит, чтобы и впрямь с ума сойти.

Не лучше ли исчезнуть, раствориться в здешнем море людском? Скрыться на какое-то время, уехать в тайгу или в горы, в Среднюю Азию, забомжевать, в конце концов (в эти годы уже можно), а потом все понесется, ускорится, и до меня никому не будет дела. Всего-то года два-три пересидеть... Укрыться, спастись. Не этого ли я и хотел?

Не об этом ли мечтал — о снятии с меня, настоящего, этого случайного клейма неудач, провалов, всей биографии — прожитого времени, одним словом?

Пожалуй, так. Разворачиваюсь в сторону вокзала — и прочь отсюда.

Курить еще хотелось. В том (теперь этом?) времени, помню, была манера запросто просить сигареты у прохожих. Курящих было много. Но на папи-

росы или так называемые овальные сигареты (без фильтра), вроде «Луча» или «Примы», я был неспособен. А курили в основном их. Я вообще курить бросил десять лет как.

3.

На углу улицы К.и проспекта Л., где потом разместится епархия, а сейчас обшарпанное казенное здание неопределенно-синего цвета, стоял невысокий мужичок и курил что-то с фильтром. На нем были синие же нетрущиеся джинсы (дешевка, армянские или «Тверь»), армейский ремень, белые парусиновые тапочки и полосатая рубашка (местная фабрика «Авангард»). На голове — серая кепочка с длинным козырьком и красной надписью «Речфлот».

— Не найдется закурить? — не без труда вспомнил я старинную формулу, кажется, что-то напутав.

— Ага, — сказал мужичок, подавая мне открытую пачку.

Я протянул руку, да так и застыл, раскрыв рот. «Пётр I!» Марка, которой в 1988 году не было и быть не могло...

— Да-да, — подтвердил мой — вот уж точно! — современник, — привет, коллега. Стоп-стоп, без глупостей.

А я и не собирался ничего делать, пораженный в самое сердце. Да и куда мне было деваться из прошлого?

Он ухмылялся, откровенно разглядывая меня. Все манеры выдавали в нем человека «из органов». Время и место на этих типов накладывало весьма слабый отпечаток.

— Патруль времени? — мрачно пошутил я.

— Ага, — в том же тоне ответил он. — Типа того. Karma Police. Собирайся. Раз-два...

— Погодите... — я с ним был на вы! Что за притча! — Хотя бы на небо гляну.

(И правда, вот он, единственный уголок синего, выцветшего, как льняной лоскут, пространства над башенками старинного, так называемого Красного магазина).

— У нас ведь с этим не очень... Бункер, ядерная зима, все дела. Урезанный рацион (чего я извиняюсь, то ли сам не знает).

— Сбежать хотел? — он продолжал ухмыляться. — Отсидеться? Других виноватыми сделать? Дудки. От кармы, знаешь ли, не убежишь.

Он вытянул над головой руку с зажатою в ней пачке сигарет и нажал невидимую кнопку в середине российского герба. Мир стал блекнуть.

Я еще успел окинуть взглядом пространство слева направо — сделать панорамный снимок, чтобы унести в свою ледяную пустыню: облупившийся край будущей епархии с малозаметной лепниной, идущие по тротуару две девушки в широких юбках из плащовки с большими карманами и полосатых блузках, на голове — покрытые лаком зачесы, за ними «Жигули» новомодной восьмой модели, ярко-красные, дефицит, армяне с рынка, наверное, стена тополей еще в пуху, скамейка, кто-то в старомодной серой шляпе-панаме сидит ко мне спиной, на аллее мамаша с огромной коляской розового дерматина, скамейка, лицом ко мне развалился какой-то пьянчуга с блуждающим взглядом, газон, снова тополя, едущий в другую сторону троллейбус (такие еще без малого тридцать лет будут в ходу), памятник не-красивому партизану, потом снова Красный магазин, это все на той стороне проспекта, тот же клочок неба над ним... Ну, все.

— Прощайте, — сказал я, сам не зная кому. Себе, наверное.

ПЕЧАЛЬ

1.

Дети странный народ, они снятся и мерещатся.

С молодой женой жить и хорошо, и плохо. Хорошо: весела, бодра, оптимистична. Плохо: требует сильно многого. Превращается, что неизбежно, конечно, из молодой в старую, не сразу приобретая достоинства старой. Этот-то промежуток — когда уже не бодра и не весела, но и ума-разума пока не набралась — вот он-то да, тяжеловат.

По какой-то причине две эти мысли пришли в голову Лавкину после того, как наркоток постепенно прекращался, и он возвращался в этот, стало быть, мир.

После операции ему пришлось лежать неподвижно чуть ли не неделю, и уж

тут он надумался всласть. Мысли приходили не поодиночке, а целыми блоками. Пакетами смыслов. Сюжетами, но без сюжетного развития. Это как если бы целый сериал серий в сто вместить в один абзац. Вроде и емко, без дурацких длиннот и рассуливания, а вроде и непонятно. Так же как упомянутые в начале мысли — тоже можно разворачивать до бесконечности. А вот еще.

Тяжелая болезнь (смерть! смерть! — злорадно поправляет кто-то) для всех необычное состояние. Даже для профессора биологии. Может быть, именно для него, потому что для отдельного человека, даже биолога, в обычное время никакой такой научной биологии самого себя не существует. Все какие-то туманности и неопределенности. А вот тут точные факты. Тут вот непреложные истины, которые, возможно философа удивить бы должны — а биологу все ясно.

Так, довольно благостно, размышлял Лавкин, как раз профессор биологии П-ского университета.

Пройдя мимо, молодая сестра в халатике, туго обтягивающем огромный, сверху уходящий далеко от нее в горизонтальной плоскости и закругляющийся книзу бюст, посмотрела на него и ничего не сказала. Это была не его медсестра, к другим приставленная, что ей с ним говорить. Лавкин, глядя ей вслед, тут же подумал в обычном «пакетном» стиле, что она в течение ближайших трех лет непременно выйдет замуж и родит ребенка, если уже не сделала это — опять же, в течение последнего трехлетия. И это такая приятная ей и полезная обществу определенность, свойственная только женщинам.

Вскоре его перевели из реанимации в общую палату.

2

Приходила бывшая жена, смотрела, поджав губы. Говорила будто через силу:

— Ты собираешься сыну помогать? Бросил ребенка, думаешь, все само собой забудется?

Сыну-то двадцать лет, учится в столицах, деньги посылаются, так что это больше для разговора.

Приходила жена нынешняя, не говорила толком ничего, только улыбалась неопределенно, не смотрела в лицо — ну да это она всегда так, ничего такого необычного.

А дети и правда снились Лавкину, но не старший сын и не младшая дочь. Это были какие-то другие дети. Ну, может быть, его нерожденные. Кто же знает, каковы они.

Единственный сосед — мелкий бизнесмен лет шестидесяти, из бодрячков, спортсменов, только ли, все не мог поверить в случившееся с ним. Почти не разговаривал, только лежал лицом к стене, книжек и то не читал. Звали его соотвествующе — Прокопий. Из деревни, конечно, в городе, поди, после пединститута (куда тогда брали всех) пошел по мелкой партлинии, потом отстриг себе маленький кусок жизни, окормлял его 25 лет, не высовываясь, женолюб, выпить не дурак. И вот тебе на.

Это тоже была «пакетная» идея Лавкина — возможность видеть прошлое человека по нескольким фразам, внешнему виду, даже имени. Ну и отчасти будущее, оно уже где-то тут, свернутое, как, например, строительная рулетка, лежит в маленьком карманчике. Достанешь — она и развернется во всю длину. Споровка нужна, конечно.

Глядя на себя со стороны, Лавкин видел полнейшее подтверждение своей идеи. По его лицу, обычаям, манере носить хотя бы и больничный халат, любой мог бы прочесть, что человеком он всегда был удачливым и стабильно благополучным.

И в самом деле. Еще в советском студенчестве, но уже на излете эпохи (и это тоже оказалось важным), он по воле случая занялся описанием мелкого лилового цветка — эндемика, растущего только в ближних П-ских горах. Цветок был открыт немецким натуралистом, посетившим Сибирь в начале девятнадцатого века и, по сути, благополучно забыт на 150 лет. (Лавкин взялся за него, мелькнувшего в старой монографии, из упрямства — хотелось досадить тогдашнему руководителю, навязывающему дурацкие темы.) Когда в университет приехала первая зарубежная делегация, три немца, по большей части испуганно оглядывающиеся по сторонам (в Сибирь попали! По доброй воле!), именно лавкинская работа заинтересовала молодого тогда профессора Шредера. В итоге Лавкин на пятом курсе первым из всего своего университета оказался на

стажировке во Франкфурте. Дальше все было еще интереснее, ибо выяснилось, что наиболее близкие родственники заново описанного Лавкиным цветка росли в разного рода экзотических местах. И в Гималаях, и в Кордильерах. Насколько близки были эти родственные связи? Предстояло выяснить.

Собственно, последующие тридцать лет Лавкин под присмотром Шредера (благополучно здравствующего и поныне) этим и занимался. Хороши были не столько командировки и в Тибет, и в Перу, и много еще куда (на престижные конгрессы ботаников, например). Хороша была именно стабильность. Конкурентов у Лавкина — Шредера не находилось. Грантовая поддержка, публикации в лучших журналах были обеспечены им до конца дней. Шредеру это, может, было безразлично, а вот Лавкин в своем заштатном вузе был в числе несомненных героев. Поэтому вопрос о его отъезде поближе к соавтору даже и не вставал — Лавкина устраивало все.

Ну и удивительно ли было, что вот он (а не престарелый Шредер, к примеру) так смело заболел. И вот-вот помрет — добавлял Лавкин непременно, с какой-то усмешечкой при этом. Может, сглазить хотел.

3.

Прокопию предстояла новая операция, Лавкину пока ничего такого не говорили. Он продолжал размышлять на разные темы — тренировал мозг. Так, по привычке. Попробовал было читать работы своих аспирантов — откровенно не пошло, теперь было не до них. Куда большую радость доставляли именно рассуждения.

Он вспоминал восьмидесятые, и думал, что тогда можно было бы все изменить. Остановиться, законсервироваться году на 1988-м. Хорошо бы получилось! Ровно никакой логики и необходимости не было тогда продолжать. Камень с горы еще не катился. Если и была логика, то это логика разгульной пирушки. Вот выпил еще — хорошо. Экстраполируешь это чувство... и что? Кажется, что надо выпить еще, потом еще, и тогда будет лучше, лучше... В какой-то момент связи разрываются, и делается только хуже. Вот остановиться бы на самой верной точке соответствия — выпитого и ощущений в связи с этим! Это было возможно, но ничего не получилось.

Думал, конечно, о смерти. О том, что, если постараться, можно разглядеть тень от занесенного, так сказать, меча ангела на лице. Выражение что ли меняется. В зеркало поэтому Лавкин смотреть разлюбил — мало ли что там можно увидеть на самом-то деле.

Как-то вполне естественно он стал с ангелом смерти торговаться. Сначала несерьезно, цитатно — «только бы жить, только бы жить, хоть на заводе литейном служить». Потом как-то серьезнее — мол, «забери и ребенка, и друга», а меня оставь. Ну, это вряд ли честная цена.

Потом и она показалась Лавкину приемлемой. Неизвестно до чего бы он дошел, но случилось вот что.

Однажды Лавкин проснулся среди ночи. Сон был невыразительный (это он помнил, но что снилось — забыл сразу же). Прокопий сидел на кровати. В свете, упорно пролезающем сквозь щель под дверью в их палату из коридора, были виды его худые, почему-то очень тощие голые коленки. Прокопий, бормоча, периодически утыкался в них головой. С замирающим сердцем, неизвестно для чего Лавкин стал разбирать этот монолог. Говорил Прокопий, как ни странно, про козу.

— Манькой звали... Хорошая, хорошая была. О, какая хорошая... Манька... Свели, свели со двора! Ух, свели... В восемьдесят восьмом как раз...

Несколько раз повторив это, Прокопий вдруг повалился на свою кровать, боком, поджав коленки, и уже не бормотал, а скорее хрипел.

Не помня себя, Лавкин выскочил за дверь, и замер, прижавшись к ней спиной.

— Что-то случилось? — спросила его дежурная сестра довольно участливо. Пост был в двух шагах.

— Н-нет, — прошептал Лавкин, потом откашлялся. — Я так... в туалет я...

И правда пошел в туалет, давая время ангелу смерти, сторговавшемуся с ним на каком-то непонятном пункте, втайне от него самого, закончить работу. Почему-то, когда прошло первое потрясение, ему стало печально и даже страшно. Страх прошел, а вот печаль — да, осталась.

Александр ЗУЕВ

МУЗЫКА НА ВОДЕ (Из речных записей)

Это было 30 лет назад. Я в три дня уволился из редакции газеты «Моторостроитель», а на четвертый уже красил борт путейского катера, летал как на крыльях по палубам красивого земснаряда «Обский—1003»... Я с детства любил корабли, книги про море и про пиратов. На реке черпанул полным черпаком водной романтики. Успел тогда, в начале перестройки. Сейчас бы не получилось. Вот уж и век другой. И большая часть жизни за бортом...

Уловленные на речном ветру и запечатленные в слове мгновения записывались еще в другой стране, в другом речном флоте, среди матерых речных мудролюбов, каких и не сыщешь теперь. Записывались с пылу с жару и сразу набело. «С водою не шутят», — так говорили на реке тогда...

Декабрь 1987 года Снегопад над Обью

Бредем по пушистым сугробам. Утопаем. Как чисто в просторе, осветленном снегами! Пронесется КамАЗы... Снег летит на застывшие суда, на окраинные домики — вдоль обрывов. Элеватор смотрится серовато-молочным таинственным собором. Дорога вдоль берега обрывается. Спускаемся на лед Оби.

Он покрыт толстым слоем свежайшего снега.

Два путника в свободном брейгелевском пространстве. Деревья, высветленные чистотой и первозданностью снежного пришествия... Легкий, невесомый — лети, лети! Не надыхаться твоей чистотой впрок!

И этот дом под обрывом, и зимующие лодки, и пробегающая собака... Ее отчетливый звонкий лай в предвечерней чуткой тиши...

Железнодорожный мост в снежной пелене. Его четкие очертания размыты воздушной акварелью.

Фигурки рыбаков у прорубей, словно конусообразные мешки, присыпанные снегом...

Бредем усталые. Почти не говорим. Дивимся расщепленному тополю в обрыве. И ему, должно быть, радостно. И ему отрадно подышать в снежном снегопаде. Еще не закоптили, не загадили цивилизованными отходами белоснежье... И мы протаптываем две тропинки на белой неподвижной глади реки. Две тропинки. Надвигаются сумерки. Ильич раскраснелся. Устал старик... Он сегодня набегался.

На приволье

Морозец. Ветер. Снег, упруго хрустящий, смерзшийся. Освобождаем трос. Он зацеплен за прибрежные деревья и ведет до понтонного кнехта.

Горки хрустального льда. Их все больше и больше. Тянется траншея. Лыдины звякают друг о друга. Удар ледоруба. Удар лома. Хрущенье лопатой.

Красноватый отблеск солнца проясняется между черными деревьями. Снег бел. Солнце робко. Лед звенит. Звенит, откалывается. Углубляется траншея. Руки наполняются металлически льдистым гудом. Лицо обжигает свежий ветер.

Собачий лай. На белом — две ярко-рыжие, как лисы, собачонки. Кидаются на нас. Отпугнули. Возникла женщина. Сторож лодочной станции. С ней пятидесятилетний кобелек — дурашливый. Акселерат. Ростом со взрослую овчарку. Зубы у него, видно, чешутся. Он то и дело хватает небольно за верхонку то Ильича, то шишкаря, то меня.

Одна из огненно-рыжих собачонок — японская. Симпатичная милая мордочка. Несимпатичен прикус зубов. Филька (вторая рыжая собачка) — самый недоверчивый, самый пустолай. Зато лучше всех службу несет.

— Думала, наши кто прорубь пробивают, — бойко заговаривает сторожиха. (Что пакостят на наших понтонах, она в курсе.) — Доплачивали бы рублей 30 (времена советские), а то 15 сулят, тогда я бы следила...

Получает она за свою охрану от кооператива лодочников 180 рублей. Неплохо устроилась. На свежем-то воздухе да в этакой тишине.

— По ночам жутковато? Без собак-то, наверное, никак? — спрашиваю.

— Что ты?! Без них страшно... Я ж в апреле мужа схоронила...

Резвятся рыжие и пегий телок на вольной волюшке. Они — само движение, сама жизнь. Без затей. Прыгай, бегай по снегу. Охраняй хозяйку да недоверчиво обнюхивай чужаков.

Да, побились со льдом мы на славу! Высвободили все-таки злосчастный трос!

Когда мы уходили, Филька с телком за нами увязались было. Филька все наскакивал, рычал для острастки. А телок дурил, игрался. Я оглянулся на покидаемое приволье, на белый бугорок, где, по словам сторожихи, «зайцы по ночам стаями резвятся...» Крутились снежинки, заволакивая речной простор.

И вдали еще различим был силуэт старухи и длинного подростка в непомерного размера белой шапке, добывающих воду из проруби, что на середине реки...

Поморский сказ

— Самое лучшее время в жизни у тебя, Ильич, какое?

— А это в ремеслухе. Я там впервые досыта наелся. Шесть месяцев отучился. Потом на судоверфи в Петрозаводске работал. В 17 лет стал стахановцем. Дали путевку на Рижское взморье. Там масло было дешевое по тем временам. Яблок полно. Я два чемодана привез. По пятерке за штуку распродал. На деньгах в общежитии спал... Вот тебе и время...

Весь день мы сбрасываем снег с палуб. Снег еще чистый, местами рассыпчатый, искристый, крахмальный...

Глаза у Виталия Ильича — цвета голубики. Поморские. Брови белесые. Кожа на лице, как у индейца. Обветренная. Морщин мало. Ходит бодро. Быстрым ходом. В работе спор.

Гребем снег. Переговариваемся. Больше говорит Ильич...

— В Тотье меня все знали... С девяти лет по людям скитался. Отца посадили, мачеха выгнала. И полушубок, и валенки отняла. Нанялся пастушком. В тех местах леса не то что здесь. Сосна так сосна. Сплошняком! Или береза. Или ельники... Верест еще. Из него «барабашки» делались.

— Какие «барабашки» Ильич?

— А это барабан и палочки. Коров приманивать. Идешь по лесу, постукиваешь, аж в деревне окошки поузынькивают. Корова с телком отстанет, на «барабашку» отзовется. Ни одну корову ни волк, ни медведь не унес. Стали поговаривать, Виталька, дескать, «петушиное» слово знает.

— А какое «петушиное» слово, — переспрашиваю, — волшебное, что ли?!

— Да нет. Это дедушка меня один научил. Старый, ласковый. «Ты, — говорит, — проси соли... Говори — грибы солить. А сам посыпай солью выгон. Дождик пройдет, она в траву и впитается». Я всех коров к соли приучил. С ладони понемножку давал. Сам просолел. Корова слизнет соль, рука влажная, вытрешь об себя. Так соленый и стал.

...А раз бык племенной за мной погнался. Если б не банька на пути да не ноги быстрые!!! Нырнул я через частокол. Бык частокол разнес. Я щучкой в маленькое банное окошко. Потом мерил. Голова не проходит... И этого быка потом солью приучил... Ласку-то только от коров да от доярок знал. Усну на выгоне... Коровы вечером прибредут... Лижут всего языками.

— А доярки-то за что тебя любили?

— За то, что молока не жалел. Мне же 180 литров в уплату приходилось.

...И выручал я их... Бывало, корова в лесу отелится, доярку к себе не подпускает. А я теленочка на руки возьму, пронесу метров 15 (силенок-то немного было!) и передам доярке новорожденного. Мне коровы доверяли...

А как-то уснул под плетнем. Слышу — крадется кто-то. Глянул — лисица. Взял камень да и метнул. А это волк, только рыжий. И пошел он восьмерки выписывать. Напугался, видать...

Ильич хохочет, вспоминая. Смех у него детский, залихватский. Так смеются бродяги, странники и старые матросы, пребывая в упоительном ладу с избранной стихией, будь то море, река или горная дорога...

— Плавал я на СРТ (средний рыболовный траулер) в Баренцевом море, — перескакивает через годы Ильич, — ...селедку ловили, треску. По 25 тысяч по-старому за путину «зашибали». Сутками с палубы не уходили. Трал по 100 тонн рыбы брал за раз... А как на берег в Мурманске сойдем, сразу в ресторан «Северное сияние». А там дамы в золоте... Проститутки!.. С виду и не подумаешь... Детей вот нет. По морям проплавал. Прогулял...

— А в Тотьму-то не ездил?

— А к кому ехать? Никто там меня уже не помнит...

Гребем снег. Подмораживает под вечер. Ильич раскраснелся. Устал старик. Разбиваем куски льда, намерзшего у кнехт. Обкалываем. Я — ломом, он — кувалдой.

Лед рассыпается с хрустальным звоном, отлетает от железа и падает на лед...

Оттепель в декабре

Середина декабря... Внезапная оттепель. Свежесть весенняя, и воздух пахнет по-весеннему. Рассвело, и еще больше пригрело. Отовсюду полились капли. Капало на палубу. Пахло снеговой водой. Светило солнышко. Что-то было в воздухе тихое и светлое. Песенки водяных струек.

...На обомшелой крыше сарая — кормушка с пшеном. Воробьиный подкорм. Крыша подтаяла...

Выходил за ворота ремонтных мастерских. Смотрел на вышку спасательной станции. Вспомнились маяки над морем. Тополиные ветки светились изнутри. Словно в них томился некий свет, которому так хотелось воссоединиться с недолговечной оттепелью. И была внезапная радость — идти по хлюпающему, раскисшему, снежному, что еще недавно было льдом...

Старый капитан

С одиночеством в обнимку да с костыльком... Старый грузный капитан пришел в родной коллектив поговорить...

— Хоть бы зашли. Никто глаз не кажет. В шахматы бы поиграли, — обращается он к усатому штурману и мрачноглазому механику. И продолжает укор: — А рыбы-то тот раз гнилой принесли.

— Да не приносил я рыбу, не передавал, — отрекается усатый.

— Эх, черти, хоть бы зашли, — продолжает капитан. — А рыбу-то какую подсунули!..

— Да не я ее передавал, — опять взрывается усатый.

Грустное зрелище — капитан не у дел. Старый, с болезнями. Жену схоронил. А вина как бы на всех. Забыли, мол. Пока всех учил, был нужен. А тут... Забыли...

Макушин — внук томского купца-мецената

— Ты про своего командира напиши, — наставляет Макушин, — а то он через два—три года крякнет. Он же еле ходит. Трудолюбивый потому что. Вон командир 1006-й — тот ленивый. Тот долго проживет... А этот и в отпуск-то толком не сходит.

Макушин — с макушкой мужик. Лицо круглое. Живот. Голос. Говорит бодро.

— Про жен даже не спрашивай. Их у меня было! И все с чемоданчиком... Не пожилось!..

В «горбачёвщину»...

Утро морозное, утро ремонтное...

Мы сидим в ватниках и валенках в машинном отделении. Перекур перед работами. Вбегает Паршивый. «Мужики, ситрусовый в лавку привезли!»

Всеобщее ржание...

«Мне главное — втравить...» — признается Паршивый. То есть побольше народу из команды приобщить к возлиянию, ибо он в качестве добровольного гонца незаменим. И блат (словечко «застойное») в гастрономе имеется. С народным напитком-то напяр! «Горбачёвщина» на дворе...

Руки у вестника, надо сказать, ходят ходуном... Потому как не просыхает он уже давненько. С конца прошлой навигации. Потому и завозу цитрусового одеколona в лавку рад...

Побег с «ремонта» на правый берег Оби

Февральская оттепель. Пошел посмотреть у лунок, как ловят рыбаки. Но уже знал, что вырвусь, не удержусь, и на тот берег, который всегда манит. Там сплетения деревьев с лиловым подсветом и синева, игрушечные домики какой-то заимки. Прошел рыбаков, затаившихся от мира в целлофановых мешках. И от какого мира — предвесеннего солнца, белых снегов, простора...

Завернул за большой песочный гребень и чуть не бегом по снегу в простор, к тому берегу. Гребень словно бы защелкнул за собой зимующие суда, рыбаков. И окатило простором душу, все отлетело, отошло...

И снежный, крепенький, упругий наст зашуршал, захрумкал, оглушая... Звук этот, усиленный тишиной, преследовал, как шум погони. Валенки проваливались. Но временами, когда выходил на заструги, ноги шли легко.

Заструги — волнистые снежные островки. Их проходишь, не проваливаясь. Можно даже бежать. Жаль, что их не так много.

Где-то на середине реки остановился на мгновение. Нереальная, снежная тишина. Белое безмолвие. Все ближе берег дальний. Город, порт и элеватор затаянуты в дымку. Еле просвечивают. Как радостен путь — ни за чем. А вон до тех деревьев, до тех береговых песчаных круч, до тех, отливающих голубым и зеленым, зазимовавших на заберегах льдин.

Но вот и берег. И просветленные стволы, и ветви над ними. Вымоины, уходящие в песчаную нетронутую глубину. Внезапная тоненькая струйка песка сорвалась, змейкой скользнула. Снег, песок...

Вскарабкался по берегу. А там сорока — вечная сторожиха — застрекотала, забеспокоилась. Кого это нелегкая принесла?! И остальная птичья мелочь всполошилась. Оглянулся и не могу различить: где они, эти паникеры?.. Сквозь снег выглядывают, пригреваются на солнце коряги, да корневища, да пеньки. А в кустах маленький дятел кого-то выстукивает. Бойко да сноровисто.

Снег все глубже. Да не остановишься. Тянет как магнитом в эту тишину притаенную. Упорхнул дятел. Иду дальше. Уж не калина ли там расверкалась так ослепительно на белом? И точно! Большой, усыпанный чудесными красновато-малиновыми ягодами куст. Чистые, подмороженные. А что за вкус! Чуть с горчинкой. И сладость, и кисленько. И Бог ты мой! Замри на мгновение. Вглядишься в неподвижные деревья и кусты, окружившие тебя, в марговскую потеплевшую синеву; вдохни полной грудью воздух, настоящий на тишине и чистых снегах, взгляни на доброе предвесеннее солнце, на редкие голубоватые тени...

Кажется, долгий зимний сон позади. Вот-вот природа стряхнет его и заговорит по-весеннему.

Апрель 1988 года

Перед дальней дорогой, в апреле

Вышли на «отстой». Похолодало. Прибарахлился старым матросским бушлатом. Первый день работать весело. Лазили на стантовую лебедку. Потрепал нас ветер.

К вечеру тоже была веселая работа. Испытывали новый движок на мотозавозне. Все новенькое на нем. Поставили тонкую прокладку из паронита, а надо было резиновую. Вот вода

и закапала из-под нее... Крутил ручкой по указанию механика. Он проверял зазоры клапанов.

А потом движок включили. Как весело и споро заработал новехонький сей механизм!

Солнышко заглянуло в трюм, небо прояснилось, а он, движок, фырчал с охотцей. «Как часы», — сказал кто-то из мотористов.

Радость новорожденного. Поработал всеми своими затекшими ручками и ножками. По-размялся. Это ли не поэзия в чистом виде? Сгорает топливо, переливаясь всеми цветами радуги: коленчатый вал вращает распределительный, а дальше... Споро подается масло топливным насосом. Как мы ныли на ремонте: «Скорей бы навигация!» Вот до нее и рукой подать.

С работы шли весело — с поглядом на реку. В устье Барнаулки куча рыбаков с сачками. Щук выуживают. В автобусе ржали хором — от пустяков, от души, беззаботно. Это веселье перед дальней дорогой...

Ледоход

Ночью вскрылась река. Густая снежная крупа поутру. Плыдем на теплоходе «Русло» к понтонам. Воды прибыло. Баржи мостоотряда перегородили реку.

Наблюдаем из рубки теплохода. Плыдем на небольшой скорости. Врезаемся в ледяное поле. Форштевень легко режет льдины. Капитан «Русла» оживлен, разговорчив, он — в тельняшке, с закатанными рукавами. Весело жалуется, что не уйти с судна: «Ребята поесть принесут... А вот топлива всего две тонны осталось, а мне еще баржи растаскивать и прочие плавсредства...»

Ловко проскальзываем меж баржами. Подплываем к понтонам, высаживаемся. Солнечные блики на воде. Что вытворяет ветер с ними! Большая белая чайка кружится над убегающей водой. Обогнув песчаную косу, выходим на большую воду. Ветер усиливается. Не спасает теплая шапочка, натянутая на самые уши. В глазах — блики, блики... От них серебрится река. Серебряные дорожки, как навар в супе, сдувает ветер. А они, неугомонные, снова пляшут на том же месте. Огромное засасывающее пространство мутных барашковых волн. Тугой окрепший ветер в лицо. Всего продуло. Скорей в теплую капитанскую рубку. Там говорят о протоках, которые минуем с левого борта. Вот Зимняя, а вон Талая. Одинокие домики, к которым все ближе подступает вода...

Стоял на «носу» теплохода. Свесившись, смотрел, как льдины, набегая одна на другую, с глуховатым треском отступают, давая дорогу «ледоколу».

Остальное время — навигация

Дождь сыплет в рубку мотозавозни. Стекло в дождевых каплях. Река серо-желтая, бугрится валами. Все, что за стеклом, — серое, туманное, холодное. Мы сбились в рубке возле балагура Белкина. Он успевает рулить и соловьем заливаться — о проплывающих мимо. (Вон Петров прокопотил, а вон Иванов обгоняет!) Флот он знает наперечет. От его неутраченного, вольного, словесного разлива нам, озябшим, становится теплей. Вспомнив «Фединых ребятишек, запертых в каюте, на земснаряде», Белкин перепрыгивает в свое, пережитое. Мать его вот так же «сопляком по реке таскала». Ходьбу освоил на палубе. Зимой в интернете. Остальное время — навигация. Выучился на киномеханика да мало поработал...

Ближе к вечеру едем на лодке за знаменитым затонским хлебом. Причалили к берегу у чьей-то лодки. Прямо над береговой кручей — почерневший дом с верандами. Застекленные веранды почему-то всегда притягательны. Кажется, что в них какие-то таинственные, чудные вещи запрятаны: и жизнь другая, необыкновенная, и... топится печь, и тепло. А вот щенок и тряпичная кукла мелькнули в стекле — резанули по сердцу... Берег, дом, земля, трава — все мимолетно, все урывками, наскоком. И опять в железо, на воду, качаться на валах, глядеться в серенькие дали, колеть на речных переменчивых ветрах... Мечтать о кружке горячего чая в полусвете настольной лампы — после вахты, в каюте. О хорошей книге, как о заповедной радости...

К левому борту земснаряда подчалил буксир «Паводок». Он потащит нас к Копанскому перекату. Его привальный брус (Эльбрус) чуть повыше уровня наших иллюминаторов. Жаль... Заслонил (слон!) простор реки на эту ночь. С борта, из машинного отделения «Паводка», льется вода. Маленький водопад...

Предотъездное

...Надо вспомнить, надо снова вернуться в опьяняющее русло того серенького дня, когда мы поехали за продуктами — от первой своей стоянки, напротив «овчинки». И серое небо того дня с овчинку, и накрапывающий дождь, и все грустно-серое, с печалинкой. И как мы трюхали на мотозавозне. И как причалили с горем пополам к дебаркадеру. И как неузнаваемо изменился зимний Ковш. И как в красном уголке техучастка получали продукты.

И другие команды получали. И мелькали свежие, обновленные, не те скучные лица с ремонта, а новые, хоть и те же. И совсем новые. (Видимо, жены плавсостава.) И казенные банки тушенки. И сердечное «здорово, Саня!» механика Миши Зубарева с 717-й. И как мы прыгали через их «машину» на свою мотозавозню. А им нужно было срочно отчаливать. И какое было озабоченное, предпуганное лицо у их командира Дмитрича...

Любимое состояние дождя, запах дров, плащ-палаток, мешков: что-то неуловимо-предотвездное, неповторяющееся, неповторимое...

Отплытие

20 апреля — день выхода из порта. Покидаем стоянку. Отчаливаем. Что происходит до этого? Дружное мытье палубы в шесть пар рук.

Покидаем порт. Такое дело!

Наконец-то покидаем порт.

По мазуту ползать надоело,

Рвать болты и красить краской борт

Земснаряда... Наведем порядок,

Палубу надраим... Заблестит!

Полной мерой мышечная радость,

Щетку в руки и... пошел скрести.

А вода тяжелою струею

Все смывает за борт — не вернуть!

«Паводок» нас тянет за собою

Мимо льдин холодных в дальний путь.

И вот теплоход «Русло» подплывает к нашему борту. Буксируемся. Идем в ходовую рубку. Стоим с Тимофеем Ивановичем у перил. Он словно стакан спирта хватил! Такие словесные перлы выдает под долгожданное движение, под легкий вечерний ветерок, под солнечные блики...

Под нами проплывают баржи, катера, «путейки». Они остаются, а мы плывем... \

Когда отчалили от стоянки, все щепки, бревна, обломки ринулись за нами, / Куда же вы?! И сердце сладко кольнуло, и подул легкий ветерок. И вот замелькали по сторонам суда, а «Ганс» грузил уголь на баржу. Ему, крану портовому, что до нашего пьянящего движения?!

Проплываем элеватор, развалины бывшего подвесного моста. Какая-то группка с берега что-то нам кричит. А мы плывем...

Кэп отдает концы матросу с «Русла» и... распростились... Умчалось рубку с толстеньким капитаном.

Следом прошел теплоход «Паводок» с мордастым балагуром механиком, похожим на Карлсона, и с молодым капитаном...

...Мы с Ильичом забираем трос со своей «машины» и заводим его на мотозавозню — к понтонам. «Зацепим за шар тросом и закроем замком», — поясняет Ильич. Сделано! Кэп мотозавозней тащит понтоны к земснарядному шару, к корме. Филигранная работа! «Выбирай кормовой!» — немножко торжественно, с волнением в голосе передает кэп по рации первому помощнику, стоя на «носу» мотозавозни.

Кормовой трос пошел в натяг. Понтоны плавно подходят к корме, сталкиваются с земснарядом. Быстро затягиваем болтами крепления. Порядок! К походу готовы!

Когда пошли понтоны, началось невообразимое. Стали сопротивляться их движению все коряги, сучки и затопленные кустарники в округе. Раздался хруст. Как живое захрустело обкатанное водой дерево, поднимаясь все выше. Так люди бы упирались в надвигающуюся на них гору...

...Высоко — в рубке управления — раздаются команды: «Отдай левый!.. Отдай правый!..»

А потом наступают сумерки. Тихая вечерняя река. Комар, поющий над водой. Притихшая Обь. Какая-то родная — «машина». Ильич у левого борта. Дивная пустота. Воля. Покой. Тишина. Тарахтенье проходящих катеров. Затопленные кусты тальника в отдалении...

А потом кэп ведет меня и электрика Ваню к причалу. Увольнение на берег перед отплытием! Обрывы... А у самого берега — черная собака и трое подростков...

Первая ночь на «большой» воде

...Утром буксировались. Было солнечно, довольно светло. Вытянулись длинным караваном. Впереди белый буксир «Паводок». Редкие льдины, коряги, бревна. Об одном бревне моторист Белкин заметил: «С куб будет...» Некоторые ледышки превратились в разные фигурки. К примеру — прозрачная льдистая корона...

Флот ожил. Проплывал даже красивый белый танкер.

А сейчас вот полночь. Стоим напротив телевышки с красными огоньками. По правому борту — сосны в обрывах. Домики. Сквозь тихий плеск реки вдруг прорвется собачий лай. Прощмыгнет в чернильной темноте катерок с зеленым огоньком. И опять река разговаривает...

Звезды к полуночи ярче. Земснаряд в сумраке так красив на фоне обрывов. Неподвижно застыл на якорях. Фонари над понтонами проложили зыбкие светящиеся дорожки.

В апреле, перед отплытием

Итак, первый вечер в каюте. Ветер прибывает борт земснаряда к барже. От проходящих плавсредств — волны. Сажу под домашней лампой, при ее уютном свете. Надо мной, вверху, два иллюминатора, в которых впечатаны кружки, вырванные из баржевого стального громоздко-неуклюжего тела.

Последние дни на суше,

Последние так горьки,

Роднее — родные души

И дальние души — близки.

Борение света и тьмы. И здесь оно происходит на глазах. Ни души на палубах. Вся жизнь теплится внутри, в теплых каютах. Река теряет свой цвет, свои, так сказать, естественные свечения. Левый обрывистый берег неумолимо надвигается на ее сверкающую поверхность. Словно кто-то невидимый набрасывает полог.

Огоньковыми дорожками плещется свет фонарей над лодочной станцией на левом берегу. Скромно мерцает звездочка. Плюхает вода между бортом земснаряда и баржей. Весь в огнях железнодорожный мост. Он, как новогодняя елка, напшигован огнями.

И все-таки тьма от обрыва не заняла всей поверхности. На оставшуюся ее часть протянулись зыбкие колонны разноцветных огней.

Ночной холод протягивает. И бушлат не спасает. Глядишь, слушаешь, запоминаешь... Но, спустившись в каюту, что-то теряешь. То хрупкое, что связывало тебя с чистым месяцем и звездами, подрагивающим судном и завораживающими переливами огней.

Словно обрывки каких-то разговоров долетают до тебя; осколочки их. Кажется, кто-то еще незримо присутствует, главенствуя над этим призрачным и все же таким чутко осязаемым и видимым ночным покоем реки.

Хлюпает вода, и катерок, причаленный к понтонам, состукивает о железо. Железо бьется о железо.

Первый час ночи. Вода вязкая и маслянистая около борта. Механик не спит. Из своей каюты, заспанный, прошагал в машинное отделение. «Какой там сон!» — буркнул, проходя. Шел с каким-то инструментом. Движок (его главная забота) отработывает параметры... перед отплытием.

К «пестрому» бакену без руля...

Сегодня командирские беззаботные свистки в рубке закончились небольшим ЧП. Послали мотозавозню в техучасток за профсоюзной лидершей. И кончилось это тем, что новенький двигатель советского производства отказал — вышла из строя система смазки.

...Мотозавозня неподвижно замерла на волнах, и понесло ее, сердешную, к «пестрому» бакену, что перед Затоном.

Быстро теряя остатки сносного (не говорю — хорошего) настроения, кэп выходит на радиосвязь: «Прибой! Прибой! Мотозавозню уносит. Уже снесло за «пестрый» бакен». Диспетчер начинает прикидывать, кого послать на выручку. «Сарыч»?.. «Сокол»? Останавливается на более природной птице и разыскивает в эфире «Сокола».

А завозню несет. Она уже чуть виднеется вдали.

Потом выясняется, что «Сокол» откуда-то из-под железнодорожного моста трюхает. «А радировали, что сейчас подъедут?! Как в стране дурачков. Оперативность», — выхлестывается кэп...

Невозмутимый диспетчер приглашает его к начальнику отдела кадров по поводу предстоящей первомайской демонстрации. Очень к месту и вовремя! Впрочем, ее дело — сторона...

...К мотозавозне подползает такая же махонькая лодчонка. Потом появляется буксир «Перевал». Тягостное ожидание.

«А ну как движок заклинит?!» — вскидывается кэп. Ждем. На спасение уплывающей бросается механик на личной лодке, усиленной мотором «Вихрь». В итоге — счастливое возвращение всех... И до самого вечера идет замена каких-то трубок, очистка от масла и воды машинного отделения пострадавшей посуды...

«Кто виноват?» — спрашиваю я у механика. «Адресат аварии всегда можно установить, — глаголет он светло и весело, с чувством исполненного долга. — Виноват завод. Движок-то наш, отечественный...»

Семена разноцветных астр

Приезжала баржа-наливнушка с говорливым шкипером. Закачивали дизельное топливо, сдавали оборот. На палубе у шкипера ящичек с землей, с проволочным ограждением. В нем засохшие прошлогодние астры. «Снег шел, а они цвели, — сказал дед-шкипер. — Разноцветные... Вот Герасимовне (поварихе) отдай семена...»

Палуба дневная, палуба ночная...

Кто-то обрыв поджег — наискосок от земснаряда. Вечер с подслеповатым солнцем... А день? День был ветреный. Правда, с мыгьем палубы. А это веселое занятие. Мощная водяная струя брандспойта. Щетки в работе. Порошково-мыльная вода.

Старпом раздает инструменты,

Брандспойт вырывает из рук —

Веселье эти моменты,

Старпом раздает инструменты,

А ну, скоротаем досуг!

И щетки-сороки, трещотки,

А палуба — все голубей...

А река течет, течет, течет... Что ей до всех наших забот?! Пространство воды поражает, притягивает душу как магнит... Завораживает далью и необозримостью... Силуэты пяти сосен у обрыва на светлом небесном пятячке... Пять сосен.

...Утром, когда перелазил на мотозавозню, локтем заехал в плексигласовое стекло рубки. Оно вывалилось. С трудом потом вставили. «Надо было тебе головой его выбить!..» — прычал кэп.

...Горят обрывы. Горит и полуостров, который между обрывами и левым берегом. Какие-то фигурки нет-нет да появятся у самого краешка... Поджигатели любят дела рук своих?!

...На ночной палубе ни души. Ожерелье ярких огней на понтонах. В самом их конце — высвеченная прожектором струя песка и воды.

На небе молодой, гладкий и отточенный серпик месяца. Редкие звезды. С левого берега белый бакен мигает, с правого — красный маячит. Если бы не тарахтел движок земснаряда, какая бы стояла тишина заповедная! Таинственной жизнью живут в эти часы и судно, и причаленные к нему катера, и мотозавозня. Кажется, все они — живые существа. Ночные. Светящиеся. Людей нет. И они здесь всем правят. Жутко и здорово! Целая светящаяся страна. А жители ее где-то в недрах попрятались.

Огонек в обрывах

Когда стемнело, внезапно повеял теплый ветер. Вдали показались ходовые огни буксира с баржей. Медленно, с науготой идет. Серая мгла с туманцем... От островка, что вдали, весело помигивает бакен, предостерегая: «Смотри, буксирище, смотри, смотри... Обходи, обходи левой!» А буксир не торопится. Тащит баржу. Взял левой — за ближний поворот реки. Помедлил, посветил огнями на повороте, пропустив теплоход «Заря» с пустыми горящими провалами окон.

А небесная заря уже смерклась. Но силуэты пяти сосен в обрыве все же просматриваются. Хоть и вязнет в тумане темная стена бора на правом берегу, но светятся прожекторами водонапорная башня, вышка телецентра... Огни речного вокзала — расплывшиеся, смутные, дрожащие — еще различаешь сквозь туман...

Где он там, город, со всеми, кто дорог?!

...Вода все так же притягивает взор — ее неостановимое, печально-говорливое течение... Где-то на середине обрыва, в соснах, засветился оранжевый огонек... Видно, не все догорело за день. Остались какие-то головешки и вот разгорелись к ночи, затеплили костерок...

Обнаруживаю, бродя по ночной палубе, еще живого жука-водолюба. Как попал сюда? Вероятно, втянуло вместе с песком с речного дна...

Как противно скрипят натянутые тросы! Плотный, ржавый скрип железа — неизбежное дополнение ко всей водной романтике... Ну еще раз мигни, бакенок!

А белый буксир с темной длинной баржей — один красный и три желтых огонька — растаял в пепельной дали...

За вдохновением...

Однажды кэп разговорился на вахте. Вначале посвистел от души (свист у него дюже мелодичный!). Потом пошел свободный поток речи обо всем, и о литературе в частности...

Вспомнил, как четверть века назад лежал он в горбольнице. Наблюдал из окна психов (тогда «психушка» находилась в районе Дунькиной рощи). «Что они там вытворяют!» — воскликнул кэп. — Зачем их десять лет учить? — это уже об олигофренах (умственно отсталых).

Потом пошел свободный монолог на литературные темы: «Читал я этого Булгакова, — рассуждает кэп. — «Белая гвардия» еще ничего, а «Мастер и Маргарита» — не понял я его... Какая-то мистика... За такую книгу, как «Тихий Дон», я бы отдал десять таких, как «Война и мир»... Ну, дворянская жизнь... А сколько тогда дворян было в России?!» Вопрос. Пауза... Ответ: «Всего один миллион... А крестьян?! Или этот Пьер Безухов. Ну и что?! То ли дело Максим Горький...» Завершая вольную речь в рубке земснаряда, Михаил Фёдорович Витовтов (он же кэп) вспомнил своего родственника — поэта Николая Черкасова: «Гостил я у дядьки в Шадрино. Разговорились. И дядька рассказывает: «Ты знаешь, ведь Колька Черкасов приезжал... Поэт. Десять дней жил. В сенках спал...» «А зачем он приезжал-то?» — спрашиваю. И дядька с небольшой раздумкой отвечает: «А за этим... Ну, как его? За вдохновением».

За хлебом в Затон

Едем за знаменитым хлебом в Затон. Ждем у магазина привоза. Старики — местные и приехавшие за хлебом из города — вспоминают, как им старшина на передовую носил боевые сто грамм...

«А сейчас что?! — недоумевает ветеран с костылем. — Пришли на встречу. Минеральной воды (времена горбачёвские) выставили, еды полно было... А мы есть, что ли, пришли?! Пионеры концерт ставили... Нам бы по 150 да с однополчанами поговорить, вспомнить... Так и ушли, а на столах все осталось...»

Другой городской старик рассказывает, как били «душмана» (волосатика, который без очереди полез за водкой). «Жестоко били его мужики. Хорошо какой-то офицер на машине остановился... Отнял, а то б забили насмерть», — заключает фронтовик.

...Идем с полными мешками. Перед причалом, справа, старый дом с палисадом. За одним из больших окошек — уютно и как-то по-немецки (доводилось видеть в Германии) сидят две куклы, щенок... И вообще, от дома веет чем-то сказочным, какой-то своей, не поселковой жизнью...

Дамба у Затона

По свеженамытому песку прыгают вороны. Песок тускло-золотистый, с кремнистым отливом. И вороны-первопроходцы решили оставить на нем побольше следов... Как смешно, по-хозяйски разгуливают они по не бывшей еще вчера земле. Серые робинзоны. То как землемеры ступают важно, то, вдруг сбившись, переходят на какую-то несолидную иноходь — скок-поскок, и опять отмеряют лапками, и опять на иноходь...

В ширину намытый нами остров составляет 66 «кэповских семимильных шагов». А сапоги у него 46-го размера...

Дамба увеличивается, вода с бешеной силой устремляется в сужающееся отверстие, рушится песчаный берег. Уже скрыло прибрежные кусты, пообвалило. Еще держится деревце облепихи. Весь большой цепкий корень вышел наружу: едва не касается воды, а все держится, все не сдается разбушевавшейся стихии.

...Скоро, скоро тебя затворят, запечатают намытым со дна песком — речной рукав. Отсекнут у реки. А река съезжится, подберется и, обогнув тебя, дальше потечет. Побежит она дальше и уж не вспомнит о тебе — был ты? Нет ли? Не до тебя ей будет. Не так ли и отдельная жизнь, отсеченная у быстротекущего жизненного потока...

Никто не знает, по каким законам течет река. Зачем разбрасывается, ветвится, раскидывается... А вот пришел человек-пахарь, раскинул свои полукilометровые понтоны, натянул могучие стальные тросы на лебедки, позабрасывал якоря... И тянет, тянет со дна песок тысячелетняя машина. И чем выше и черней песочная струя, тем веселей на душе у команды и команды. Значит, дело идет как надо...

Случай с вербой

Распушилась верба ярко на затонском берегу. Зеленеет милашка! И так захотелось нам веточек наломать. Тем более что понтоны-то к берегу прибило. Убрали мы песок с напарником. Возвращаемся с концевой площадки.

— Ну, давай, Саня, и мне нарви, — подбадривает старый пират.

Прыгнул я на берег. Затерялся в прибрежных зарослях, одурел от вида молодой листвы, от веточек этих. Рву, бегаю от кустика к кусту, получше веточки выбираю. Ильич, старый хрыч, с понтона кричит:

— Кастрюлю захвати!

Это кэп его так вышколил — все припасать.

А там, чуть в отдалении, и впрямь какая-то кастрюленция белеется. Подбегаю к бывшему кострищу-пепелищу, хватаю эту кастрюлю. А тот, на понтонах, опять чего-то прокричал, вроде того, беги, мол. Бегу. И прибегаю к шапочному разбору. Понтоны ушли — отнесло их то ли ветром, то ли течением.

Присел я у самой воды. Кусты вербные к груди прижимаю и, само собой, кастрюлю. И нехорошо как-то под ложечкой, неудобно. А до понтонов метра два с лишком, и ветерок опять задувает. Прямо скажем, плохо дело.

Было 1 мая. Вечером хотел домой отпроситься, а тут... Вот-вот гроза кэп появится на понтонах.

— Эх, веревку бы! — бухтит Ильич, шныряя по понтонной площадке, а на ней одни толстенные неподъемные троса. Попробуй докинь до берега.

И вот кэпа несет к нам! Прет по понтонам, как крейсер по волнам. Уже и отчаянная мысль — в ледяную воду броситься да плыть.

А на дворе май только-только нос показал. Ох и ледяна водичка! Ох и не миновать тогда

чахотки! Но, видимо, в этих пустотелых железках (понтонх то есть) их железную совесть пробило, или ветер помог. Только пошли они, родимые, пошли... Да остановились на полпути.

— Ильич, — кричу, — ты ветку, ветку вытаскивай!

А ветка метра на полтора в деревянный настил понтона врезалась и застряла. Водой ее впаяло, однако...

Ильич шарахнулся на пузо (а шаги командоровы где-то уже на 20-м понтоне бухают), давай шарить да нащупывать эту ветку злосчастную. А она так застряла, что ни в какую! Кряхтит дедок, напыжился, а мимо кэп «на наше счастье и покой...»

Я лицо в сторону, вроде как на воду люблюсь. Ильич затих на пузе, сконцентрировался. Шея багровая стала. Кэп зыркнул мимолетом на вербные веточки. Что-то сказал. Не расслышали. Вода шумела. Дальше протопал. И понтоны, как по волшебству, двинулись к берегу. Ильич на самую бочку встал, я тоже напрягся, как ракета перед запуском.

— Кидай кастрюлю! Я поймаю! — кричит.

— Поймал.

Ну а я уж окаянный вербный букет покрепче к груди прижал и грохнулся на бочку. Чуток воды в сапог черпнул. С детства неуклюжий. Зато какая вербочка с того бережка! Загляде-нье!

Поделили мы букетик на двоих. Тем дело и закончилось, а кастрюлю под гвозди определили.

Доисторическая челюсть

Выбросил кэп доисторическую челюсть. Впору бы написать отдельный плач по ней, да теперь она на дне. В песок въедается, многострадальная. И леший меня дернул еще зимой закинуть ее в шлюпку. Вот она и попалась ему на глаза. Только и успел я проворопить: «Михаил Фёдорович, не выбра...» Но тот хватанул ее уже своей клешней и шваркнул за борт. Хорошо она легла со второй палубы, эффектно. Ильич глаголет в гневе: «Если бы можно было убивать безнаказанно... Я бы его первого пристукал...» Экие страсти-мордасти.

Относительно плана по заготовке грунта. Все иные, оказывается, выезжают на нашей «машине». Весь песок, добытый сверх нормы, разбрасывается на всех. Вот откуда у кэпа злость на уравниловку. Отсюда и ворчливая фразочка его: «Надо научиться хорошо работать. А то прыгают с одного места на другое».

К вечеру дождь собрался. И небо, и река сделались серыми, бесприютными. Только зеленый дымок распутившихся деревьев сохраняет надежду на солнечное, голубое, летнее...

Говорят, послезавтра буксируем на Копанский пережат. Сейчас идет доработка дамбы. Пригнали плавучий кран (КПЛ-8). Он нашим же островным песком насыпает кучи. Закрепляет отвоеванное у реки пространство, дабы не промыла и не смыла вода. Затем дамбу покроют щебнем — это и будет венцом общих усилий.

ТОМСКИЙ ПОЭТ И ПРОЗАИК БОРИС ПЕЙГИН РОДИЛСЯ В 1988 ГОДУ В СЕВЕРСКОЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ. В 2010 ГОДУ ОКОНЧИЛ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЖИВЕТ В ТОМСКЕ, РАБОТАЕТ ЮРИДИЧЕСКИМ КОНСУЛЬТАНТОМ. СЕРЬЕЗНЫЕ ЗАНЯТИЯ ЛИТЕРАТУРОЙ НАЧАЛ В 2002 ГОДУ ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ СОСТОЯЛАСЬ В 2003-М В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ «ШТУДИЯ» (ТОМСК). В 2010 ГОДУ ВОШЕЛ В ШОРТЛИСТ ПРЕМИИ «ДЕБЮТ» С РАССКАЗОМ «ЖИЗНЬ СЕРГЕЯ ИПСИЛАНТИ».

Борис ПЕЙГИН

В ЛАКИРОВАННОМ НЕБЕ

* * *

*Мы делили апельсин:
Мене, текел, упарсин!
Взвешен ты, и найден легким,
И пощады не проси.
...собираясь в путь далекий,
Свечи в доме погаси.*

* * *

*Сорок дней никого в той квартире нет,
Сорок дней, как в ней не включали свет,
Сорок дней телефон молчит, и, поверь,
Сорок дней никто не стучался в дверь.*

*Сорок дней пыль катается по полам,
Сорок дней занавешаны зеркала,
И иссох в серой чашечке невзначай
Сорок дней назад недопитый чай.*

*Сорок раз зажглись фонари за углом,
Сорок раз село солнце за дальний дом,
И по стенам плясал хоровод теней
Сорок зимних коротких холодных дней.*

*Я рукою вверх замок ключу,
Я зайду в прихожую, свет включу,
Я зачем-то пыль оботру с ножа,
А квитанции, что на столе лежат,*

*Положу я в маленький книжный шкаф.
Пусть он знает, что не оплачен штраф.
Я когда-то в него целиком влезал,
Но не сорок дней — много лет назад.*

Флагеллянт

*Глаза покрылись кровавой сетью,
За ночи бессонные, дни без света,
И бьют батогами, и хлещут плетью:
Я нищий духом! Сильнее бейте!
И голос рвется, и нет ответа!
И плохо, и нужно, чтоб было хуже,
Сегодня, и завтра и канув в Лету —
Я слаб! Безволен! Сильнее! Ну же!*

*Для Царства Божия нужные вещи —
И так, как сейчас, и сильнее даже, —
И хлещут, и сильно, задорно хлещут,
Заходятся в диком садистском раже.*

*...лежит, распластан на скользкой плитке,
Разбитый, счастливый, безумно слабый,
Остатки души расплзлись по нитке...
Последнее вышибли... нету сладу...*

Подайте духа нищему духом!..
Но я не подам — нищета порочит...
Да он не возьмет — смирение глухо,
И он рассчитался за дни и ночи.

* * *

На бельевой веревке ветер былое треплет,
В стылые прошлые ночи дует, как в паруса.
Март, приходящий внезапно,
в сизых сузробах дремлет,
Хочешь или не хочешь — а не поверишь сам.
Через стекло двойное небо кажется скользким;
Солнце идет на запад через косой горизонт.
В этих воспоминаньях нету ни капли пользы:
Самый знакомый запах запретней
закрытых зон.
Но, может, — быть только может —
ветер его подхватит,
И понесет вдоль дороги, шлифуя спины камней,
Лысые кроны тревожа,
по перемерзлым гатям,
Порывом швырнет через реку —
и принесет ко мне.

* * *

Координатную сетку на мне
Ты чертишь рукою, а я забываю.
Воспоминанья по гладкой спине
Бежут, грохоча как пустые трамваи,
Мимо седых параллелей лет,
По звонким рельсам меридианов
От неслучившихся в прошлом бед
До несбывавшихся в будущем планов.
Я — тропик Рака, пустой пунктир
На старой и очень неточной карте,
Натянутый между миров-квартир,
И топливо в баке, и ключ на старте,
И не настанет иного дня,
Пока не исчертится эта дорога.
Езжай и не бойся. Держась меня,
Достигнешь и берега, и порога.

* * *

Гнилая доска болевого порога
Насела на спусковой крючок;
Неважно, к Богу или от Бога —
Канонизирует и наречёт.
Но доброе слово теперь не метод,
Под зад ногою — и *missa est*,
И вот возвращаешься в город этот,
Пока не выдует строгий вест,
И надыхавшись угарным газом,
Включаешь фары на дальний свет.
В кого теперь превратишься разом,
Покуда не угодишь в кювет?
Чванливый, наглый и очень вредный,
И сам поверишь в свое вранье.
Как призрак бледный, как голубь бедный,
Пока не утро — гуляй, рваньё!..

* * *

Под Собачьим островом
в омуте спит водяной,
Пузырится—дышит
в цветущей воде хмельной,
У причалов мелькомбината
с удилиц наживку ест,
Осетра в три пуда съедает в один присест.
На Собачьем острове густо цветет полынь,
Тонет в протоке пустой
предрассветная стынь,
Над кривым фарватером тощей,
бульжной Томи
Выбирается красный якорь,
шюлем сырым томим.
...ржавые баржи по деку в полой воде стоят,
Водяного три года назад пришиб ковшем
земснаряд,
У причалов мелькомбината,
как прежде, сидят рыбаки,
И, как прежде, с крючков уходят
в мутную воду мальки.

* * *

В далеком-далеком холодном краю,
В пушистых дымах полумертвой деревни,
Беззвучную песню протяжно поют
В безветрии полном большие деревья.

В далеком-далеком и тихом краю
Алмазы горят в лакированном небе,
И свет свой бесплатно ему отдают,
И лес в этом свете не черен и не бел.

В далеком-далеком и диком краю
В дорогу вмерзают досужие сплетни;
В прореженном времени тощем строю
Стоят, покосившись, заборы и плетни.

Тот край не знаком ни в аду, ни в раю,
Там время застыло в бессмысленной тризне.
Но я там бывал — в том далеком краю,
У края вселенной, на краешке жизни.

Дижон

Под одеялом
Цветной черепицы готических крыш
Ютятся химеры в щербатого
камня порталах собора,
И город объяла —
Вперед, до утра — беспросветная тишь,
И сова со стены керамическим ликом
взирает на город.

А город, конечно,
И лучше, чем ныне, знавал времена,
Я б мог расспросить о них башню Филиппа,
да только не к спеху;

Спокойно-неспешно,
По улицам люди идут — за волною волна,
Вминая в брусчатку останки истории
звонистым смехом.

* * *

Сбрейте с неба катышки звезд,
Чтоб они ничьих не тревожили снов,
Чтоб они ничьих не рушили планов,
Чтоб ничьих не питали напрасных грез;
И вот, когда ночь опустится вновь,
Небо будет черным — и будет славно,
И не будет видно пролитых слез.

...Звезд не видно из городов —
Ибо утро там начинается рано.

* * *

Я возвращаюсь домой, сам с собой незнакомый,
Вот запущенный двор, затерявшийся
в кислом ионе;
Так к берегам пристают, так выходят
из комы,
Радость не делает тело ни свежим, ни юным.

В пыльном подъезде свет потолок подпирает,
Солнечный зайчик скачет
по лестничным маршам,
Словно бы в прятки с густыми тенями играя,
И паутинка ему сизую кисточкой машет

Замки на дверях моих множество
раз поменяли,
Имя в табличке замазали масляной краской,
Так поступившим за это уже не пеняли,
В мыслях крестясь с затаенной,
укромной опаской.

В вихре канонов и должествующих мнений,
В этой сансаре затхлой, замшелой, ригидной,
Всякий прервавший цепочку перерождений
Сим победил, ибо больше его не видно.

Все было тихо: меня уводили ночью,
Не было долгих прощаний и детского плача.
Это, конечно, немного досадно, но, впрочем,
Что изменилось бы, если бы было иначе?..

Я на чужбине умер, и больше уже не родился.
Не быть — это тоже в некотором
роде искусство.
Но если в вашей прихожей звонок раздался —
Спросите, кто там, даже если
за дверью пусто.

Окно

Где-то там, далеко-далеко,
Среди тысяч других одно,
Узнаваемое нелегко,
Одинок горит окно.
И не очень оно высоко,
Не зашторено вроде, но —
Мокрый снег и ночь на дворе.
Кто откроет окно в октябре?

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕБЮТАНТ НЕОБЫЧЕН. СЕРГЕЙ СКАРЕДОВ В БАРНАУЛЕ БОЛЬШЕ ИЗВЕСТЕН КАК СЮР — РОК-МУЗЫКАНТ, СОЗДАТЕЛЬ И БЕССМЕННЫЙ ЛИДЕР ГРУППЫ «ПЕРВОЕ ЗАВТРА» НА ПРОТЯЖЕНИИ УЖЕ 20 ЛЕТ! МНОГИЕ ХИТЫ ГРУППЫ — И МУЗЫКА, И СЛОВА — НАПИСАНЫ ИМ. А ВОТ В ЖАНРЕ КОРОТКИХ ИРОНИЧНЫХ ЭССЕ ОН ВЫСТУПАЕТ В ПЕЧАТИ ВПЕРВЫЕ. КСТАТИ, ЖАНР ЛЮБИМ ПОЧЕМУ-ТО ИМЕННО РОК-МУЗЫКАНТАМИ. ВОТ, НАПРИМЕР, ДЖОНОМ ЛЕННОНОМ, ЧЬИ РИСУНКИ И СОПРОВОЖДАЮТ ДЕБЮТ СЕРГЕЯ.

Сергей СКАРЕДОВ

ИЗ ЦИКЛА «10 ЗАРИСОВОК НИ О ЧЕМ»

Любовь

Лю-бовь... Именно так. По слогам. Или так: лю-бо-фь... амОр... И глазами так наискось вверх — у-у-у! Столько написано об этом, что даже противно. Заезженное, банальное словечко, давно уже утратившее первоначальный смысл.

«Ой, какой хорошенький мальчик! Ты кого больше любишь, папу или маму?» — противно сюсюкает толстая тетка у подъезда на лавочке. «Кого, кого... — думает малыш. — Кого угодно, только не тебя, дура...».

«Ты меня любишь, милый?». О-ох, наивная ты моя овечка, сколько страсти и патетики в голосе... Аж глазенки закатила, бедняжка... Люблю, наверное... Че тебе еще сказать-то? Не дай бог, рыдать еще начнешь...

«Любимая! Я для тебя...». Ну тут все понятно: ша полезет луну с неба доставать. Только лестницу подлиньше найдет.

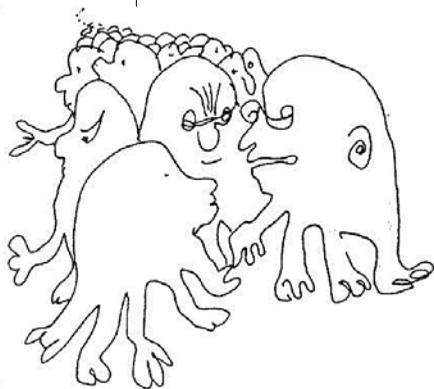
«Люблю. Целую. Ваш сын Вася». Угу. Тока денег вышлите.

«Я тебя это... Того... Люблю...». Вот это здраво. С толком, с чувством, с расстановкой. Родил, наконец-то. Долго собирался, лобик морщил, слова подбирал. Красавец!

Тост: за любовь! И типа до дна. Кто как любит, так и пьет. А иначе никак. Низзя... Не принято. И хоть давиться и плюйся, но выпить придется. Проклиная все на свете, и любовь в том числе. Отдельные остряки добавляют: «За любовь к детям, женщинам и домашним животным!». Дескать, все — одного поля ягоды. И ждут, когда остальные присутствующие начнут либо нервно хихикать, либо бросать смущенно-осуждающие взгляды на недоделанного юмориста.

А я вот собаку свою первую любил. А она потом под машину попала. И все. Сидел, на струганной дощечке ее имя вырезал. И будку. Дуррак. Хотя, может, просто еще слишком мал был. И не знал, что не последняя любовь потеряна. Много их еще будет.

А вы родителей своих любите? А чего ж тогда цапаетесь с ними постоянно? Трубки телефонные бросаете? Кричите: «Мама, я уже не ребе-

нок!». Из дома уходите. С последствиями, как правило. Которые опять же ваши родители потом и расхлебывают в меру своих скромных способностей и возможностей. Годам к ...цати сами же будете, как они (дай бог вам здоровья и смелости дожить до этих самых ...цати). По ночам спать не будете, корвалольчик литрами хлебать. Ибо детка любимая шляется не понять где. И не звонит, падла. Вот так вот. Что, нет? Ничего, ничего... подождите.

Такое ощущение, что люди, употребляя слово «любовь» давно забыли, что же это такое. «Ты мороженое любишь?» — «Люблю». И все. А женщину, которая рядом с тобой, ты как любишь? Как мороженое? Или больше? Или сильнее? Или как?

Весьма грамотное, на мой взгляд, определение этого самого чувства, так сказать, есть у Владимира Семёновича в «Балладе о любви». Никому не навязываю, но советую переслушать или послушать, если, к вашему несчастью и моему глубокому сожалению, не слышали. Нам так, увы, не написать. Измельчал народец. Вот там все четко написано. Все есть. Чего нет — додумывайте сами, насколько фантазии хватит.

В общем, закругляем тему. Хватит уже.

All you need is love! — сказал один (а спели все вместе) чувак из Ливерпуля. Попробуйте последовать этому совету. Вдруг понравится? Только сначала определитесь: ЧТО для вас эта самая LOVE?

Смерть

«Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!» — и мечами по щитам — хрьсь! А че им, собственно, уже приговоренным терять-то. Хоть уж напоследок сдохнуть красиво...

Смерть = пустота. И по большому счету не важно, умер ты или кто-то другой. Было что-то, не стало ничего. Или чего-то не стало в тебе, если умер близкий тебе человек. Чем он был ближе — тем больше вдруг в тебе появилось пустоты. Которую, увы, уже ничем не заполнить.

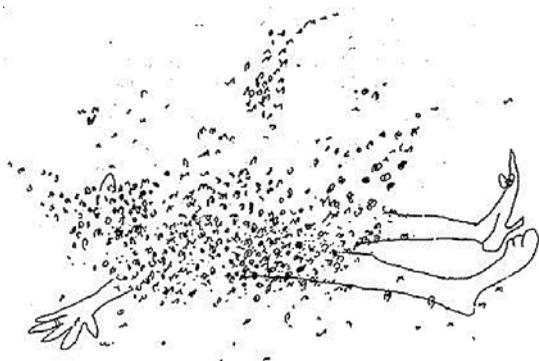
Хлоп... И нет еще одного... И не важно, ЧТО ИМЕННО он для тебя значил. Но это был ТВОЙ «кусочек». И еще один «сектор» у тебя внутри подчеркивается крестиком. И так, с годами, у тебя, как у хорошего врача, образуется свое маленькое (или не очень) собственное кладбище. А однажды ты с ужасом понимаешь, что порой даже и имена этих людей с трудом вспоминаются. Только невнятные образы, иногда лица. И остаются только собственные воспоминания и ощущения, с ними связанные. И рассказываешь кому-нибудь: «А вот, помню, был такой-то... Как же его... Ну, не важно. Клевый был чувак. Мы с ним тогда...». Самое печальное, что когда сам свалишь отсюда, многие так же вспомнят и о тебе. Или не печально? Может, наоборот? Вспомнят — и то хорошо. А вот если не вспомнят? Вот тогда действительно как-то не по себе становится... Получается что... А что получается? Что ничего ты такого ну... не сделал, что ли, не оставил... так, прошел серой тенью, мелькнул и исчез. Может не зря говорят, что человек жив, пока его помнят. Получается тогда, что если мы хоть иногда будем «своих» мертвых вспоминать, они как бы и жить будут. Или не «как бы»? Или и правда будут?

А, кстати, вы хотели бы, чтобы о вас помнили?

Вот, допустим, Вальгалла викингская. Туда как, все воины попадают или только те, кто в нее еще при жизни верил? Или Одноглазому по сараю, викинг не викинг, лишь бы воин был хороший, причем в бою погибший?

А было бы, наверное, здорово, попасть после смерти туда, куда так хотел при жизни. В то место, о котором мечтал, где смог бы делать то, что никоим образом невозможно здесь...

Хлоп... Хлопок одной ладони... Эльфы, тролли, гномы... (и прочая «нечисть»). Друг, на тебе команду и снаряжение (причем наверняка втюхают что-нибудь необученное и просроченное), и давай-ка спасай мир (от очередного «темного» козла, внепланово появившегося на необъятных просторах нашей родины. Не спасешь — сам виноват, туда тебе и дорога, и всему миру тоже. На заднем плане случайно остав-

шиеся в живых прекрасные девы будут дружно рыдать и рвать волосы на всех местах.

Еще хлопок...

Вторая межгалактическая суперпуперэскадра под Вашим непосредственным командованием в темпе «бешеного таракана» выдвигается к созвездию — ну, допустим — Ориона. Зачем? Что значит, зачем? Разумеется, супостатов инопланетных мочить. Причем всех. Поголовно. И как можно быстрее. Угрозу они нам

(это типа человечеству), понимаешь, являют. А тут ты, герой весь такой. От тебя все зависит. Ща пойдешь, ну в смысле полетишь, и всех спасешь. Тут главное грыжу не заработать. А то несолидно как-то. Герой и с грыжей.

Ну как? Завлекательно? Давайте все умрем, а? Вдруг и правда так все и будет? Вдруг получится? Попробуем? Нет? А че так? Страшно? Во-о-от... Никто не знает, никто не уверен... Но... Заманчиво...

Культ смерти у человечества был всегда, изначально. Такое ощущение, что человек, только родившись, уже неосознанно готов умереть. Или не готов? Но всю жизнь к этому готовится. Или его готовят.

Что ответить, когда малыш спрашивает тебя: «Мама, а я умру? А ты? А почему?».

Человек не любит неизвестности, он ее боится. Именно к ней он не готов. Смерть = неизвестность.

А было бы клево, умер себе так и смотришь сверху, как все рыдают, слова разные говорят (причем, как правило, хорошие). Плачут... Ах, на кого ты нас покинул... Или кинул (сверху слышно плохо).

А тебе хочется заорать: «Эй!! Народ!!! Здесь я!!!! Вот он, сверху!!! Бошки подымите!!!». Но че-то не получается. Не слышат, однако... А жаль...

А вам мертвые по ночам не снятся? Нет-нет, я не имею в виду ужастики с кошмарами. Свои, родные мертвые, которые во сне как бы живые. Причем вполне осязаемые и реальные до жути. И ты их вполне четко воспринимаешь. Что-то говорят тебе, что-то делают. Живут, в общем. Вот только где? У тебя во сне, в голове или где? Или все это твой похмельно-полуночный бред? Или и правда откуда-то приходят, потому что любят тебя, помочь хотят? Значит, они еще есть? Еще существуют?

Человек по природе своей боится того, чего не понимает. Поэтому он и пытается придумать и объяснить доступно это самое «непознанное и непознаваемое». В первую очередь себе самому. Ну и остальным, если получится. Вам лично, что ближе? Садик с гуриями (хм, причем, разумеется, девственными), вечное блаженство в окружении идиотов с обязательными нимбом и крылышками (если повезет, конечно). Вариант — раскаленные сковородки с чертями, или безысходное круговое перевоплощение от бабаба (ну, тут кому как повезет) до Будды, Вечного и Просветленного, или еще что-нибудь, столь же бредовое?

А может, не так все? Бунин Иван Сергеевич смерти не боялся, но говорил: «Я точно знаю. Ничего там нет. Одна пустота и мерзость». Надеюсь, что он ошибался...

Наталья Юмашева. Фото Максима Капустина и с сайта театра

РОДИНА ДЛЯ КУКОЛ

В ЖИЗНИ ТЕАТРА КУКОЛ «СКАЗКА» ВНОВЬ НАЧИНАЕТСЯ НОВЫЙ ЭТАП.

Относительно недавно театр возглавила новая директор – молодая, энергичная, переполняемая планами и надеждами, и в то же время уже проверенная жизнью в приспособленном под театр (а точнее – абсолютно для него не приспособленном) помещении. Надежда Васильева рассказывает, что и здание у театра скоро будет новое, его возведут на старом (нет – лучше сказать: на родном) месте. Зрительный зал будет на тысячу квадратных метров больше, чем в прежнем театре. Архитектура будет предусматривать использование самой современной техники и оборудования. Появятся музей, комната матери и ребенка... На сегодняшний день проект уже утвержден, и вот-вот будут объявлены торги, чтобы определить фирму, которая должна будет сказку, рассказанную Надеждой Геннадьевной, сделать былью.

Пока же «Сказка» отметила промежуточное новоселье. 6 сентября торжественное открытие сезона состоялось в здании бывшего кинотеатра «Родина». Впрочем, то, что он стал бывшим, невооруженным глазом заметить невозможно. Историческая ценность здания и его расположение не позволяют не только демонтировать старые буквы, но даже повесить их новыми вывесками. Так что в ближайшие сезона два (при благополучном стечении обстоятельств), а то и три (при менее благополуч-

ном) театр будет работать «под прикрытием» «Родины».

Эта проблема, к сожалению, не единственная. Цеха не поместились в просторной только на вид «Родине» и разместились совсем в другом здании. Зал кинотеатра не приспособлен для кукольных спектаклей: слишком крут подъем пола, который позволял видеть экран, не выглядывая из-за сидящих впереди зрителей. Однако он мешает использованию ширмы: зрители задних (точнее – верхних) рядов видят, как за нею работают актеры, соответственно теряется та самая магия сказки, ради которой и приходят в кукольный театр. Удобные, глубокие кресла «Родины» однозначно великоваты для миниатюрных зрителей кукольного театра. И перед спектаклем в день открытия сезона работники театра щедро снабжали самых миниатюрных подושками. А про машинерию, про световое оборудование, без которых трудно представить современный театр кукол, здесь и говорить не приходится.

То же с акустикой и зала, и фойе. Между тем театральное фойе – это тоже сценическое пространство, где проходят елочные хороводы, хепенинги и тому подобные затеи. А так трудно было расслышать, что говорили на открытии сезона депутат Госдумы Даниил Бессарабов, заместитель Губернатора Андрей Щукин и начальник Управления культуры Елена Безрукова. Как будто бы пообещали, что здание будет построено в максимально короткие сроки.

Но так или иначе – праздник 6 сентября случился. Он начался еще на улице, где всех идущих в театр и даже проходящих мимо приветствовали мимы, клоуны, петрушки, куклы разных видов и габаритов. Продолжился премьерой спектакля «Денискины рассказы» в постановке Ольги Гушиной – главного режиссера Новосибирского кукольного театра. Она уже ставила в «Сказке», и новая работа оказалась под стать прежним – увлекательной и впечатляющей. В октябре зрители постарше увидят вторую премьеру – поставленную питерцем Павлом Овсянниковым «Черную курицу»... Будем надеяться, «Родина» окажется для кукол гостеприимным домом, однако пожелаем им поскорее вернуться на старое (хотя нет, мы уже договорились говорить «родное») место.

ЕЗДИТЬ НА ПЛЕНЭР СТУДЕНТОВ ПРИУЧАЮТ С ПЕРВОГО КУРСА. ЭТО ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УПРАЖНЕНИЕ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ХУДОЖНИКА. ХОТЯ ЕСЛИ ВСПОМНИТЬ ИСТОРИЮ ИСКУССТВ, ТО ЯВЛЕНИЕ ЭТО НОВОЕ, ЕМУ ЧУТЬ БОЛЕЕ 100 ЛЕТ.

Вадим КЛИМОВ

НА ПЛЕНЭР ЗА ЧУДЕСАМИ

В истории отечественного искусства, начиная с советского периода, пленэр был принят как необходимость для реализации главной задачи соцреализма. В то же время натуральный пейзаж стал нишей, в которую художнику было легко спрятаться от политических волн. Пейзажистом быть очень просто. Не надо выдумывать. Вспомните, как популярны Шишкин и Левитан и как сложно воспринимается Рерих. Зритель-обыватель делит искусство довольно грубо. «Как живое» и «такого не бывает, и я так могу, мои дети лучше рисуют». Соответственно, в их оценочных координатах Шишкин — настоящее, Рерих — мазня.

Пейзаж — тема удивительная. Она раскрепощает, окрыляет и придает ложное ощущение свободы. Потому что пейзаж это легкость восприятия, зрителю не предлагают думать, а выводят на эмоциональный уровень восприятия, как любят сегодня говорить, — энергетический. Сегодня пейзаж — основной жанр в изобразительном искусстве. Например, в Санкт-Петербурге это городской пейзаж, а в Барнауле, конечно, горный.

За последние почти 50 лет алтайский горный пейзаж превратился в обыкновенную традиционную живопись. Если законодателя жанра, в частности Андрей Осипович Никулин, — мощнейшие мастера, то армия

последователей, воспитанных за 40 лет в Новоалтайском художественном училище, это, скорее, ровные ряды подельщиков. Есть, конечно, и выдающиеся мастера, ищущие свою манеру, но их не так много, не стану называть имен... Речь идет об отдельной акции — «Алтайские горизонты» — и выставке по ее итогам.

Это международный проект-пленэр, в котором участвовали художники из Абхазии, Перми, Новосибирска и Барнаула. Группа ху-

дожников побывала в Горном Алтае. Итогом их выезда стала выставка в галерее «Турина гора». Когда я собирался на выставку, думал о том, что тот обыкновенный, замученный реалистами взгляд на Алтай меня уже угнетает. Я настраивал себя быть внимательным и добрым. Не хотелось испортить людям праздник.

Мой скверный характер предельно не сдержанного в оценках и не умеющего льстить давно известен. И как здорово, что выставка меня удивила прекрасными работами художников из Перми, новым взглядом каким-то тонким европейским пониманием света. Интересные работы, в которых нет привычного, запыленного взгляда на Алтай.

Я понимаю, почему так популярен реалистический горный пейзаж, потому что люди считают, что нагромождение камней, которые мы называем горами, принято считать эталоном красоты. Представьте, что вы живете в горах, это ваша привычная среда. Вокруг только горы, простите, с одной стороны правда есть море. Так вот, художники из Абхазии удивили еще больше, чем пермяки. Ярко, эмоционально (может это в силу особенностей кавказского характера), но в то же время тонко и чувственно. Необыкновенный образ Алтая смогли показать абхазские живописцы. За этим я хожу на выставку, за новыми впечатлениями, это я и получил. Огромная разница понимания пейзажа сибирскими художниками и, в первую очередь барнаульскими, и то чудо первой встречи, которое стараются донести до зрителя художники из других регионов...

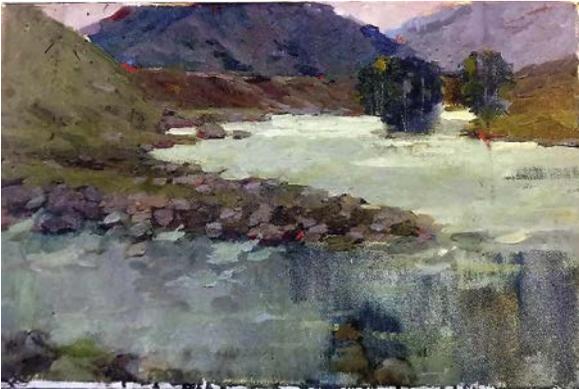
На Алтае это не первый проект в похожем формате, тут как раз подойдет старая истина про немного забытое старое. Проект «Алтайские горизонты» организован группой, в которой немалую организационную роль сыграл художник Василий Кукса и галерея «Турина гора» (Владимир и Екатерина Москвитины). В это же время в одном из залов города проходила выставка одного популярного художника из Москвы, где демонстрировались фотокопии его работ. Посетив выставку, стало обидно за обманутую публику, которая, поддавшись влиянию рекламы, ломилась на одну сомнительную выставку и не знала про другую, изысканную и высокопрофессиональную. Кстати, пленэр — это еще одна хорошая идея для привлечения туристов.

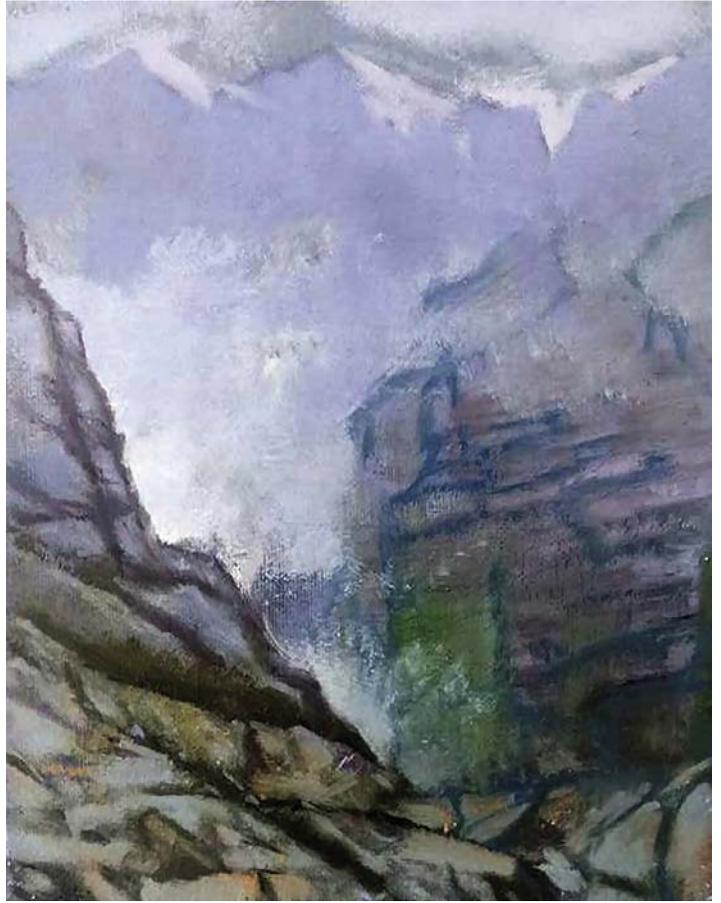
«Алтайские горизонты»

Максим Нурулин «Камнепад».

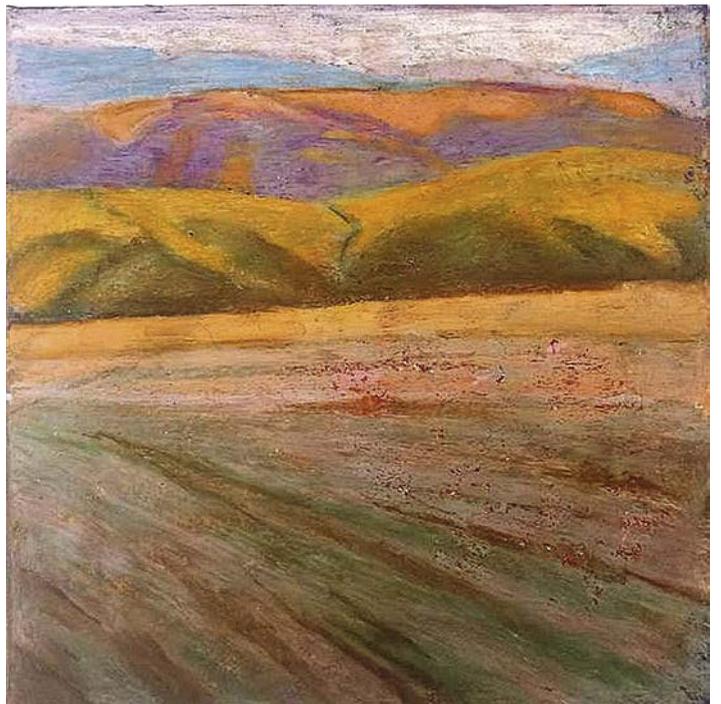
Татьяна Нечехина «По дороге на Актру».

Аида Аджба
«Зубы дракона».

Мактина Гогия
«На склоне».

Елена Постнова
«Катунь в районе с.Чемал».

